ПЕТЕР КУТТЕР

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Рекомендовано в качестве учебного пособия для дополнительного образования Министерством образования Российской Федерации
Б.С.К. Санкт-Петербург 1997

Предисловие к русскому изданию

Улучшение политического климата в мире способствует восстановлению нарушенных международных связей, устраняет предрассудки в отношениях между государствами и общественными системами и благотворно влияет на развитие научного знания, что с полным правом следует отнести и к психоанализу.

В свое время российский психоанализ оказался одной из многочисленных жертв большевизма, а позже стал неугоден национал-социалистическому режиму психоанализ немецкий . Диктаторские режимы, утвердившиеся в Аргентине и Чили, оказали столь же удручающее влияние на развитие психоанализа в этих странах.

Являясь не только медицинской практикой, но и культурологической теорией психоанализ в состоянии помочь лучше разобраться в исторической динамике подобных политических процессов. Помощь эта может заключаться и во вскрытии аспектов стыда и скорби, от которых ранее приходилось защищаться, а также в обнаружении латентных предрассудков и собственных черт в образе врага, что сулит возможность позитивных общественных преобразований в направлении мультикультурального общества. Для Германии решение проблем такого рода стало особенно актуальным после объединения двух немецких государств в 1989 году.

Великий мир с его казавшимися прежде необозримыми и бесконечными просторами доступен теперь не только воображению, но и, благодаря современным средствам массовой информации, вполне обозрим.

Прежде отдельные нации самостоятельно выбирали те или иные пути развития, теперь они находятся в постоянном, многостороннем взаимодействии. Современные разработки теории систем убедительно свидетельствуют о том, что ни одно действие в какой-либо стране не проходит для других стран бесследно и имеет для них те или иные последствия. Речь идет не столько о каузальных процессах с присущими им причинно-следственными связями, сколько о процессах циркулярных, малейшее изменение в которых влияет на

политическую систему в целом.

В таком общественно-политическом контексте научное сообщество также ориентируется уже не национально, а мультикультурально или интернационально. В свое время и психоанализ, возникнувший в Вене, быстро перешагнул границы Австрии и стал достоянием мировой культуры...

Международное распространение и развитие психоанализа привело, однако, не только к разрушению барьеров непонимания, но к многочисленным расколам, начало которым положили расхождения во взглядах между тремя «китами» психоаналитического движения — Зигмундом Фрейдом, Альфредом Адлером и Карлом Густавом Юнгом. В дальнейшем противоречия преследовали психоаналитиков и в других странах, разводя в разные стороны не только социально ориентированных политических критиков, но и совершенно не политизированные клинические структуры и психотерапевтические учреждения.

Россия не стала исключением на этой стезе размежеваний. После распада Советского Союза единая Психоаналитическая Ассоциация тоже распалась на ряд региональных объединений. В мае 1995 года «Российская психоаналитическая ассоциация» отделилась от «Русского («Арбатского») психоаналитического общества» (Москва). В Петербурге действуют две независимые психоаналитические структуры: «Восточно-Европейский институт психоанализа» и «Санкт-Петербургское психоаналитическое общество» с издательским «Информационным центром психоаналитической культуры». В Ростове-на-Дону существует «Ростовская психоаналитическая ассоциация» и даже в далеком сибирском городе Томске интересуются современным психоанализом.

В связи с этим есть все основания полагать, что книга «Современный психоанализ», написанная в Германии в 1989 году для широкой публики, вызовет интерес и в России.

Что касается энтузиазма и пионерского духа, царящих в Москве, Петербурге и Ростове, то автор убедился в этом лично в 1994, 1995 и 1996 годах. В этой связи невольно вспоминается тот энтузиазм, с которым в Германии после катастрофы 1945 года на протяжении всех 50-х годов приветствовали иностранных психоаналитиков, возвращавших психоанализ на родину. Подобно тому, как в свое время Германия извлекла пользу из контактов с психоаналитиками Великобритании, Голландии и США, русские коллеги обретают упущенный опыт из контактов с западными психоаналитиками.

Предлагаемая книга представляет собой адаптированное введение в сложную область знания. Побудительным мотивом к ее написанию послужили лекции и семинары, которые я в течение двадцати лет проводил во Франкфуртском университете. Вопросы студентов заставляли меня искать на них точные ответы, прояснять не ясное, пытаться устранить противоречия и заполнить существующие пробелы. Хотя научного (позитивного) обоснования верности теории и практики психоанализа нет, тем не менее, последний постоянно оправдывает себя в практической жизни. Очевидную пользу из психоанализа извлекают и такие смежные дисциплины, как социология, педагогика, психотерапия и другие.

Я хочу выразить свою особую благодарность Сергею Панкову и Валерию Зеленскому за их кропотливый труд по переводу и редактированию рукописи, Роланду Кнаппе из издательства Клетт-Котта за предоставление прав на

публикацию, немецкому фонду Inter Nationes за великодушную финансовую поддержку и петербургскому издательству «Б.С.К.» за усилия по изданию книги.

Ряд московских коллег оказывали помощь на разных этапах осуществления издательского проекта. Особенно я благодарен Марине Игельник, Якову Обухову, Сергею Назаряну и Арону Белкину.

Надеюсь, что книга найдет своих читателей в России и не только поможет их профессиональному росту, но и принесет им ощущение большей полноты собственного бытия.

ПЕТЕР КУТТЕР, *Штутгарт, ноябрь, 1996 г.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Почему необходимо еще одно введение в психоанализ?

Мы исходим из того, что многочисленные введения в психоанализ нуждаются в уточнениях. Иначе говоря, некоторые из них, как, например, популярные работы Чарльза Бреннера (1967), Густава Балли (1961), или Лоуренса С. Куби (1956), уже успели устареть. В связи с этим на книжном рынке появились новые работы: «Глубинная психология» Зигфрида Эльхарда (1971), «Фундаментальный курс психоанализа» Себастьяна Гопперта (1978), «Введение в учение о неврозах и психосоматическую медицину» Свена Олафа Гоффмана и Герда Гохапфеля (1984); отличный актуальный обзор психоанализа, выполненный Вольфгангом Мертенсом (1981), сжатая и точная информация о психоанализе Франкфуртского Института Зигмунда Фрейда (Мук и другие, 1974). К событиям на книжном рынке можно отнести «Учебник психоаналитической терапии» Гельмута Томэ и Хорста Кэхеля (1985), первый том которого («Основные положения»), составленный в сотрудничестве со многими учеными, знакомит не только с основными положениями психоанализа, но и подробно излагает сущность таких специальных понятий, как перенесение, соответствие, смещение, первичное интервью и толкование сновидений, вырабатывает определенные правила психоаналитической терапии, глубоко и обстоятельно выявляет пути развития и цели психоанализа.

В Институте психоанализа на факультете психологии Франкфуртского университета, где я преподаю с 1974 года, имеется большой выбор психоаналитической литературы; это хорошее подспорье студентам-психологам, которые наряду с классическими психологическими дисциплинами — психологической диагностикой, клинической психологией, педагогической психологией,— сдают экзамены по профессиональной и организационной психологии, равно как и по психоанализу. Некоторые из перечисленных книг годятся для этих целей, некоторые, как выясняется в процессе работы со студентами, для учебных целей зачастую не подходят. По отдельным экзаменационным темам, которые изучаются в рамках психоанализа (таким, как теория личности и учение о болезнях), написан целый ряд монографий, подавляющее большинство которых для студентов слишком сложно.

Будущие психоаналитики вряд ли обойдутся университетским образованием. Студенты основного курса (психологии) и параллельного курса (психоанализа) могут и должны получать фундаментальные сведения о теории и

практике психоанализа. Теории личности, учении о болезнях, теории психических отклонений, о психоаналитических методах лечения и консультирования, а также о бесчисленных возможностях приложения психоанализа к общественной жизни и политике, к литературе и искусству, к антропологии и философии. Долгое время я довольствовался тем, что при подготовке к экзамену студенты изучали по меньшей мере одну книгу в каждой из названных областей, однако и такого рода нагрузка оказывалась (по сравнению с другими дисциплинами) чрезмерной, по причине всеобъемлющего характера предмета изучения.

Это соображение стало отправным пунктом для моей работы над введением в психоанализ, которое, с одной стороны, дополнило бы сжатую информацию книг Чарльза Бреннера, Вольфганга Мертенса и авторской группы Института Зигмунда Фрейда, а с другой — не претендовало бы на роль учебника, большая часть которых написана, собственно говоря, для практикующих психоаналитиков. Как образцы таких учебников можно привести пятое издание «Психоаналитического учения о болезнях» Вольфганга Лоха и «Учебник психоаналитической терапии» Гельмута Томэ и Хорста Кэхеля.

Размышляя о содержании этой книги, я в первую очередь руководствовался интересами студентов, с 1974 года посещавших мои лекции и семинары во Франкфуртском университете. Так появилось научно обоснованное введение в психоанализ, которое предназначено для широкого круга читателей и вместе с тем может послужить пособием для тех, кто работает в области социальной психологии и медицины. Все читатели, интересующиеся психоанализом и психологией, получат при чтении книги необходимые сведения независимо от их собственных занятий, будь то социальная работа, медицина, психология или какая-то другая область деятельности.

Впрочем, книга будет полезной и для студентов последних курсов и для практикующих психоаналитиков. Она позволит им составить общее представление о предмете и освежить в памяти уже имеющиеся знания, а отчасти и расширить их.

Цели и содержание предлагаемой книги во многом отличны от моей предыдущей работы «Психоанализ — подтверждения, методы, теория и применение» (Kutter, 1984), в которой я сравнил между собой многочисленные статьи последних лет, с тем чтобы проследить, что именно в психоанализе оправдало себя, а что — нет. Кроме того, я коснулся важнейших аспектов психоанализа как метода и теории. Что касается практического применения психоанализа, то я рассматривал только те его аспекты, которые меня в тот момент интересовали, в частности, вклад психоанализа в групповую терапию и в решение общественных проблем.

В предлагаемой книге речь пойдет о другом. Материал, из которого она возникла,— это лекционные и семинарские заметки, которые настолько выкристаллизировались в ходе бесконечных обсуждений со студентами университета, что буквально взывали стать книгой.

«Новая старая критика» психоанализа

Стимулом к написанию этой книги послужили и появившиеся в последнее время многочисленные критические статьи, которые берут

психоанализ в перекрестный огонь уничижительной критики, долженствующей в буквальном смысле его уничтожить. Двадцать лет назад на пресс-конференции Недели психотерапии в Линдау в присутствии ежегодно собирающейся здесь гильдии академических (по большей части неориентированных на психоанализ) психологов, один журналист предрекал, что через какие-то десять лет «психоанализ Фрейда» утратит всякое значение и уступит свое место таким новым направлениям в психологии, как поведенческая терапия, психология познания и теория обучения. В 1969 году журналист Рупрехт Сказа-Вайс процитировал в газете «Штуттгартер Цайтунг» (№ 110, с. 37) диагноз известного гамбурского психолога и психотерапевта Рейнхарда Тауша, который звучал так: «Смерть через десять лет». Пророчества не сбылись. Психоанализ существовал и продолжает существовать по сей день, и во многом продвинулся вперед. Впрочем, и другие направления психологии не стоят на одном месте.

Ситуация в области психотерапии и психоанализа за последние десять лет решительно изменилась. Теперь не ищут объяснения всему высокому и низкому в человеческой душе на запутанных тропах психоаналитической интерпретации, а, напротив, делают упор на экспериментальных и естественнонаучных методах, на серии наукообразных опытов, благодаря которым студенты американских колледжей, равно как и студенты немецких психологических факультетов университетов овладевают все большим числом надежных и серьезных аналитических методов исследования. Следствие этого, переход от чисто статистического подхода к числовым оценкам и выявлению норм отклонений. Разумеется, таким образом можно узнать массу интересных подробностей, которые, однако, имеют для терапии слишком малое практическое значение.

Напротив, теория и практика психоанализа находят себе применение в повседневной работе, в психоаналитических консультациях, в психотерапевтических н психосоматических клиниках, в работе свободно практикующих психотерапевтов. Это живой обновляющийся организм. Критики упрекают психоанализ за его недостаточную научную обоснованность и слабую эффективность методов лечения. Но попытки представить психоанализ «глубокомысленным шарлатанством», как это делает Дитер Е. Циммер (1986). Доказать, подобно Гансу Юргену Айзенку (1985), полную неэффективность его методов, или охарактеризовать его как антинаучную теорию — такова сквозная идея книги Кристофа Т. Эшенредера «Здесь Фрейд ошибался» (1984) — неосновательны уже потому, что полученные психоаналитическими средствами результаты проверяются методами, которые составляют противоположность психоанализу и к бессознательным процессам не применимы.

Айзенк и другие критики психоанализа — превосходные знатоки статистических методов психологии восприятия, психологии обучения и психологии памяти. Они прекрасно знают психологию познания, психологию мотиваций и психологию эмоций. Используя эти методы, они упускают, однако, из виду как раз то, чем занимается психоанализ, а именно бессознательные процессы и то, как они протекают в «темных тайниках души» между наблюдаемым извне стимулом, с одной стороны, и разрядкой, с другой. Критики психоанализа поступают с бессознательными процессами примерно так, как поступили бы физики, задумав средствами классической физики

(механики, электроники) ответить на вопросы современной теоретической физики, например, теорию атомного ядра.

Чтобы не отвечать на полемическое «Нападение на империю царя Эдипа» («Шпигель», 1984) столь же полемическим изложением, следует наглядно и научно обосновать теорию, методы и применение психоанализа, а чтобы воспользоваться плодами этой работы, необходима известная непредвзятость. Читатель, придерживающийся противоположных психоанализу взглядов, скорее всего воспримет эту книгу как очередное изложение психоаналитической теории. Но если непретенциозное освещение предмета в этой книге заставит хотя бы немногим скептикам задуматься над своей собственной позицией, то главная ее цель будет достигнута.

1. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО

Наши повседневные конфликты

Из повседневной жизни всем известно, как тяжело быть аутсайдером в группе, переживать равнодушие, оказаться исключенным из жизни. Не менее тяжело, когда один человек бросает другого, предпочитая ему третьего, или когда люди навсегда расстаются друг с другом. Если подобные неприятности накапливаются, необходимы добрый совет и поддержка. Первая реакция обычно — обращение за советом к другу, который, скорее всего, посочувствует и скажет, что с ним такое тоже бывало. Иногда стараются обрести профессионального «помощника», который, если он ориентирован на психоанализ, сможет понять и объяснить эти повторяющиеся проблемы с помощью психоаналитической теории. Чаще всего по привычке обращаются к врачу, который, используя обширную лабораторную диагностику, по всем правилам поставит диагноз.

Таким образом, душевную болезнь, относящуюся к человеческим нормам, возводят в разряд неопознанных медициной патологий, и на носителя данного диагноза навешивают ярлык общественно неопасного больного. Психоанализ стремится к совершенно иному, а именно: поведать человеку о Бездействующих на него бессознательных процессах, сделать эти процессы явными. По этой причине мы так много занимаемся человеческими страстями, неизбежными конфликтами между людьми, экзистенциальным страхом и человеческой ограниченностью. Современная медицина облегчает нам поиск подходящего объяснения нашим страхам и душевному неустройству. Медицинский этикет оберегает нас от знания горькой правды и во имя нашего же блага вводит нас в заблуждение.

Великие трагедии и знаменитые романы, напротив, предпочитают называть вещи своими именами.

Первое отступление: наши конфликты в зеркале литературы

Европейские трагедии (такие, например, как «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия), духовные учения Ближнего и Дальнего Востока

показывают, что человеческая жизнь неразрывно связана с болью и страданиями. Очень отчетливо эта мысль прослеживается в трагедиях Софокла: «Эдип Царь», «Эдип в Колоне», «Антигона». Переработанные греческие мифы в «Орестее» и «Прикованном Прометее» Эсхила только подтверждают трагедии Софокла. Скорбь, горе, проклятие, смерть — вот их темы. Они повествуют об убийстве, боязни смерти, мести, грехе, страхе возмездия от фурий (богинь проклятия, кары и возмездия). Актуальность этих трагедий столь высока, что постановки «Орестеи» Петером Штайном или «Медеи» Гансом Нойенфельзом и сейчас вызывают восхищение публики. Еще одним свидетельством значения бессознательных процессов является «Пентесилея» Генриха фон Клейста в обработке Ганса Юргена Сиберберга и Эдит Клевер.

Если бы в них не затрагивались трагические и неизменно важные для людей вопросы, интерес к ним современной просвещенной публики вряд ли бы был так велик. Классическая литература просто немыслима без обращения к коренным проблемам человеческого бытия, к любовным конфликтам, страданиям, ревности, смерти, ненависти, мести и зависти. Пьесы Шекспира изображают печали и радости любви: «Много шума из ничего», «Ромео и Джульетта», «Укрощение строптивой», историю династий великих властителей, комизм обычной человеческой жизни. Великие немецкие романы от Вольфрама фон Эшенбаха до «Будденброков» Томаса Манна и «Игры в бисер» Гессе повествуют о неустроенности человека и его ранних страданиях, о трагических сплетениях человеческих судеб и возможностях преодоления страданий. Бездны человеческой души открываются в романах Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» с такой же убедительностью, как в романах и повестях Льва Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Хозяин и работник».

В современной литературе романы Генриха Белля, Элиаса Канетти, Макса Фриша и Петера Хандке, книги Джеймса Джойса, Гюнтера Грасса, Генри Миллера, Милана Кундеры, рассказы Бодо Кирхгоффа и Бото Штрауса вновь напоминают нам о наших человеческих, слишком человеческих проблемах.

Второе отступление: наши конфликты в зеркале, кино

Точно так же обстоит дело и с современным кино, где я хотел бы особо выделить фильм «Домино» Томаса Браша, в котором великолепно показано неизбывное стремление к любви и признанию, фильмы рано умершего Райнера Вернера Фассбиндера, с особой пристальностью рассматривающего тайны человеческого сознания. Такие режиссеры, как Луис Бюнюэль, особое место в своем творчестве уделяют психологии бессознательного и области, расположенной между воображением и реальностью. В этой связи можно назвать и новый фильм Вима Вендерса и Петера Хандке «Небо над Берлином», а также Вуди Аллена, в фильмах которого человеческие слабости переданы с легким комизмом — в отличие от Л. Бюнюэля, который довольно жестко преподносит зрителю реалии бессознательных побуждений.

Пример этому — фильм Бюнюэля «Дневная красавица», где супруга хирурга переживает в дневное время все то, что большинство видит разве что во сне. Она идет в публичный дом и получает там наслаждение в роли «дневной красавицы».

В самом начале фильма красивая молодая женщина вместе со своим мужем едет в карете по живописному дворцовому парку. Их сопровождают слуги в красных

ливреях. Карета останавливается, слуги соскакивают на землю. Женщину раздевают, привязывают за руки к дереву, хлещут плетью и, наконец, насилуют. Следующая сцена демонстрирует ту же женщину, которая с унылым видом лежит в кровати рядом со своим мужем, без малейшего намека на нежность или эротику. Мы видим ее в светской беседе с гостями, в то время как ее муж занят хирургической работой в клинике.

Проследив за женщиной дальше, мы становимся свидетелями того, как однажды она роняет на пол вазу с. цветами, надевает солнечные очки и, уходит из дома на поиски публичного дома, мимо которого она сначала проходит, потом возвращается и в нерешительности останавливается. Наконец, решившись, поднимается по лестнице, снова колеблется возле двери — нам видны только ее ноги, которые направляются то назад, то вперед и в конце концов поворачивают к двери. Поднявшись наверх, женщина выглядит очень взволнованной, но доброжелательные слова содержательницы дома ее успокаивают. Таким образом, она становится «проституткой-любительницей».

В происходящее вторгаются две короткие сцены: в первой ремесленник «безнравственно касается» (так писала об этом критика) маленькой девочки, скорее женщины, чем ребенка, во второй девушка отказывается принять облатку на церемонии конфирмации.

Далее следуют очень реалистические сцены в борделе: конфетный фабрикант желает, чтобы его ласкали полуодетые девушки. Он обнаруживает стеснительную Северину (роль которой исполняет Катрин Денев), раздевает ее, грубо хватает, а когда она не подчиняется ему, швыряет сопротивляющуюся женщину на кровать и силой овладевает ею. Профессор гинекологии переодевается в слугу и, держа в руке плетку, умоляет Северину избить его. Он падает к ее ногам и стонет: «Бей меня, бей, я так люблю тебя!» Когда Северина отвергает его просьбы, появляется одна из ее «коллег» и с наслаждением избивает профессора. «Еще!» — кричит он, в то время как Северина, которую принуждает к этому мадам, с отвращением наблюдает за происходящим в дверную щель. Следующим появляется азиатский клиент — высокого роста, атлетически сложенный мужчина. Он долго не церемонится, и сразу же идет к своей цели. После акта, который в фильме не показан, Северина на вопросы горничной отвечает словами: «Да что ты в этом смыслишь?»

Но остановимся и приглядимся внимательнее к образу жизни Северины. Она несчастна с мужем, погруженным в свою работу. Она услышала что-то о публичных домах. Северина идет туда, колеблется, но в конце концов решается переступить порог этого дома. Отбросив сомнения, и совершив вытесняемые прежде сексуальные действия, она достигает душевного равновесия. Убедительным доказательством чего служит то, что бессознательное превращается в сознательное, но затем по причине своей предосудительности оно вновь дает бессознательные импульсы, определяющие наши мысли и поступки.

В другом, когда-то нашумевшем фильме времен немого кино «Тайна одной души» режиссера Георга Вильгельма Пабста, вдохновленного Карлом Абрахамом и Гансом Саксом, речь идет об отношениях между мужем (актер Вернер Крауз), его женой (Рут Вайнер), его матерью (Илка Грюнинг) и его отцом (Джек Тревор). Мы становимся свидетелями того, как между четырьмя действующими лицами разворачивается психологический конфликт, проясняющий то, что в психоанализе именуется «эдиповым комплексом».

В первых сценах фильма мы видим мужа и жену в благополучном браке. Жена хочет, чтобы муж подравнял ей прическу, подрезав несколько волосков на затылке. В это время распахивается соседское окно и кто-то кричит: «Убийца!». В следующей сцене жена пытается соблазнить мужа, но он остается равнодушен. Приходит сообщение о скором визите двоюродного брата, личность которого характеризуют

японский кинжал и так называемый «кванон» (символ плодородия). Следующая сцена. Муж спит. Ему снится, что разразился шторм, пол в доме ходит ходуном, двоюродный брат, сидя на дереве, целится в него из ружья. Муж взбегает по винтовой лестнице на башню, появляются колокола, которые превращаются в лица, смеющейся над ним жены. Муж возмущен,— жена и двоюродный брат катаются вместе на лодке. Муж отчаянно колотит в стену и пытается заколоть свою жену саблей.

В следующей сцене действительно объявляется двоюродный брат. Он дарит жене цветы и беседует с ней, но муж в беседе участия не принимает. Во второй сцене, напротив, мужчины оказываются вместе, а жена остается одна. Фильм ясно дает понять, что двоюродный брат «наставил мужу рога». Чтобы отвлечься, муж отправляется в пивную, забывает там ключ от дома и неожиданно оказывается в доме матери, которая балует его едой и при этом режет мясо крохотными кусочками, поскольку сам он испытывает страх перед ножом. В следующей, несколько смехотворной для современного образованного зрителя сцене, муж приходит на прием к психоаналитику, и тот внушает ему: «Вам кажется, что двоюродный брат угрожает Вам. Вас пугает его появление, женщины смеются над Вами и ни во что не ставят, а Вы подозреваете в греховных устремлениях свою жену, так как сами уже ни на что не способны. Отсюда Ваша ревность». Это означает следующее: «Бессознательно Вы упрекаете свою жену: ты отказываешь мне и связываешься с двоюродным братом, ибо когда-то, еще ребенком, переживала нечто подобное». Фильм не упускает возможности преподать зрителю «хэппи энд» вполне бюргерской истории конца века. Это сделано, однако, (что характерно для того времени) не прямо, с помощью постельной сцены, а косвенным образом — сценой, изображающей рождение ребенка.

Фильм отчетливо демонстрирует страх мужа перед женой, его зависимость от матери, гнет вины, ревность к двоюродному брату и бессознательную враждебность к жене. Когда муж подносит к шее своей жены лезвие бритвы, чтобы сбрить лишние волоски, и слышит из соседнего окна крик: «Убийца!» — в нем пробуждается бессознательное желание ее смерти, которое, в свою очередь приводит к чувству вины и жажде самонаказания. «Эдипов треугольник» между мужем, матерью и женой совершенно очевиден. Привязанность к матери препятствует установлению зрелых отношений между мужем и его женой. Перенос привязанности с матери на жену делает последнюю настолько важным объектом, что визит двоюродного брата вызывает у мужа приступ ревности. В качестве «закономерного» мы обнаруживаем в «эдиповом треугольнике»

1) проявление любви к важной личности

2) ревность, когда этой любви угрожает появление третьего лица

3) ненависть к сопернику, готовую перерасти в желание его смерти

Драматургия Эдипова комплекса, обретшая классические очертания в трагедии Софокла, была переплавлена Пазолини в современную форму в его фильме «Царь Эдип», в котором Сильвана Маньяно исполнила роль Йокасты, а Франке Читти — Эдипа. В этом фильме скомбинированы современность и классическое прошлое.

«Ты здесь, чтобы занять мое место. Первое, что ты отберешь у меня, будет она, женщина, которую я люблю»,— говорит мужчина своему только что родившемуся ребенку. В греческой трагедии пастух подбирает изгнанного младенца и перевязывает ему ноги (как тут не вспомнить значенитое изречение «nomen est omen», ибо это действие дает ребенку имя Эдип, что в переводе означает «с опухшими ногами»).

В следующей сцене бездетная царская чета Полиб и Меропа в Корннфе берут у пастуха на воспитание найденного им ребенка. Позднее подростка осеняет: «Ты не сын этой матери и этого отца». Он не может в это поверить, и его охватывает панический страх, когда дельфийский оракул предсказывает ему, что он убьет своего отца и

овладеет матерью. Он покидает своих приемных родителей, дабы избежать исполнения пророчества, однако, не понимая связи явлений, как раз способствует его исполнению. Убежденный в том, что он сын Полиба и Меропы, Эдип покидает Коринф и отправляется в Фивы. Одна из самых впечатляющих сцен — та, где он кружится на дороге. Он встречает на пути какого-то знатного мужчину, восседающего на запряженной лошадьми колеснице. Эдип не желает ему уступить дорогу и слышит угрозы: «Если ты не сойдешь с дороги, я прибегну к силе!» Эдип издает пронзительный крик и убегает, слуги его преследуют. В порыве ярости он убивает их одного за другим, затем возвращается, издевается над сидящим в колеснице старцем и наконец убивает и его.

В Фивах тем временем царит моровая язва, которой никто не в силах победить. Чудовищный сфинкс — получеловек, полузверь с божественными чертами — говорит: «Бездна в которую ты погружаешься,— в тебе самом». Никто не понимает, почему город посетила беда. На вопрос Креонта дельфийский Оракул отвечает: «Человек, жертвой которого пал Лай, живет в городе». Ясновидящий Тиресий добавляет: «Если захочешь узнать, узнаешь». Ни о чем не подозревающий Эдип, не ведая, что он сам всему виной, желает отомстить виновному. Ясновидящий говорит на это: «Ты не должен распознавать свою суть, ибо не сможешь этого вынести». Эдип готов узнать у Тиресия о виновнике. Иокаста смеется, когда Тиресий продолжает: «Я вижу вещи в их истинном свете. Великое несчастье, что тебе дано отгадывать. В тебе говорит страх. Родители — твое несчастье. Чужак и все же рожденный здесь. Дети, отец и брат, женщина — мать, так решено богами». Иокаста говорит ясновидящему: «Это все ложь... людям не дано видеть будущее».— Эдип (позднее): «Страшно это знать» и «слишком много я уже знаю», в то время как Иокаста продолжает упорствовать: «Я не хочу этого слышать. Лучше не знать». Следует признание слуги: «Лучше бы ребенок умер. Я должен был это сделать. Он родом из дома Лая, Иокаста дала его мне, чтобы я его убил».

Таким образом, открывается тайна. Иокаста вешается, а Эдип лишает себя зрения: «Я не могу видеть мир, глаза, которые не смогли разглядеть правду, ослепли, словно от резкого света. Я грешен и в то же время безгрешен, ведь не знал я; совершил, не зная что совершил».

К концу фильм переносится в наши дни: современный Эдип идет в сопровождении летящего ангела, исполненный той трагической боли, что вновь и вновь выпадает на его долю. Всякий из нас — Эдип, если, казалось бы, самые благие отношения приводят нас ко злу.

В беседах со студентами становится очевидным, что судьба Эдипа касается нас всех: несмотря на все усилия разума в XIX и XX вв., мы зачастую не ведаем, что творим, не знаем, какие мотивы побуждают нас к действию. Мы полагаем, что можем избежать несчастья, и позволяем ему беспрепятственно приближаться. Подобно Эдипу, мы не знаем, по какому пути идем, и кто тот, кого мы на нем встретим. Многие слова из фильма Пазолини звучат для нас знаменательно: «Все важно ... Увидев одного, можно заключить о другом ... Я заставил себя забыть ... Учись смотреть, тогда распознаешь ... Со множеством понятий, мы ничего не понимаем, исполненные грехов — безгрешны, таков каприз богов»,

Мы пребываем между жаждой узнать правду (даже тогда, когда ее невозможно перенести) и страхом перед истиной. Слепота «внешних» глаз Эдипа наделяет его внутренним зрением — мудростью, которую многие воспринимают как проклятие; неудивительно, что у психоанализа так много врагов.

К концу этой главы мы приходим к очевидному: поэты, драматурги и писатели давно поняли то, что позднее открыл и систематизировал

психоанализ. Несомненно, также влияние психоанализа на многие произведения литературы и искусства — достаточно вспомнить Томаса Манна, Германа Гессе, Джеймса Джойса, Т. С. Элиста, Д. Х. Лоуренса, живопись Дали, Пикассо и др.

С помощью психоаналитических экспериментов, анкет и тестов человеческие, слишком человеческие конфликты выявляются не полностью. Поэтому я позволю произведениям европейской культуры, созвучным теории и методам психоанализа, говорить самим за себя. Надеюсь, что эта вступительная глава возбудила интерес читателя к последующим главам.

II. ДЕРЕВО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1. Корни психоанализа: естественные науки, литература и философия

Наше изложение психоанализа начнем с того, что сравним его с древом познания: ствол, состоящий, естественно, из произведений Фрейда, уходит своими корнями в Вену конца 19 века. Проследить все эти корни было бы, конечно, интересно, но заняло бы здесь слишком много места. Они произрастают как из естественных наук, так и из философии и поэзии, они питают ствол произведений Зигмунда Фрейда, из которого возникли ветви и побеги. Прежде всего, следует упомянуть эволюционное учение Дарвина и биогенетический закон Геккеля, который Фрейд запечатлел в памяти еще в свои школьные годы. Еще один корень произрастает из физиологического института в Брюкке, где Фрейд написал свою первую научную статью и познакомился с Иозефом Брейером. Следующий корень психоанализа происходит из Франции, из больницы Сальпетриер в Париже, где Фрейд, молодой врач столкнулся у знаменитого психиатра Шарко с весьма распространенной тогда болезнью — истерией и познакомился с гипнозом как методом исследования и лечения.

На протяжении своего естественнонаучного периода Фрейд мыслил в рамках медицинской модели болезней, которая отыскивала причины заболеваний, исходя из причинно-следственных принципов, и боролась с симптомами тем, что устраняла их причины (в случае, туберкулеза, например,— палочки Коха, а в случае сифилиса — бледные спирохеты).

С другой стороны, интересы Фрейда касались литературы и искусства, его восхищала археология, он проявлял философские интересы к самопознанию*. Он многое почерпнул из духа своего времени, переработав и интегрировав его в своих книгах; но мы не всегда в состоянии определить сейчас происхождение вдохновлявших его источников.

Большое влияние оказали на него также следующие великие личности: философ, математик и публицист Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646 — 1716), создатель учения о монадах — мельчайших духовно-психических частицах, которые очень разнообразно функционируют в пределах тела, но, в конечном счете, являются неделимыми.

Врач и естествоиспытатель Карл-Кустав Карус (1789 — 1869), установивший, что бессознательная психическая деятельность проявляется через переживания и сны («Лекции о психологии», 1831).

Философ Эдуард фон Гартманн (1842 — 1906). В частности его

вышедшая в 1869 году трехтомная «Философия бессознательного» .

Философ и педагог Иоганн Фридрих Гербарт (1776 — 1841), в главном труде которого («Всеобщая метафизика», 2 т.т., 1828/29) описаны «влечения», которые могут быть вытеснены «за порог сознания».

Сюда же следует добавить и Артура Шопенгауэра (1819), чья «воля к жизни» имеет много общего с Фрейдовским «влечением» или, например, с «Эросом».

Но оставим обильные корни и обратимся к стволу дерева психоаналитического познания.

---

* Как, в частности, узнал Потер Брюкиср (1961 — 63), в круг чтения Фрейда входили «Потерянный рай» Мильтона, «Дон Кихот» Сервантеса, «Том Джонс» Фильдинга, романы Чарльза Диккенса, книги Вильгельма Буша и «Нильс Лин» Иенса Петсра Якобсона. Фрейд изучал также сочинение Гете «Природа», читал Платона и Грильнарцера (см.: Имра Германн, 1974).

---

2. Ствол психоанализа: Зигмунд Фрейд и группа первых психоаналитиков

Зигмунд Фрейд

Зигмунд Фрейд начал с решения загадки истерии. Неврологические причины в виде органических поражений нервной системы с естественнонаучной точки зрения исключались. Не пребывали ли эти причины в «душевной» области? Сама постановка этого вопроса открыла совершенно новую область знания, а именно — психологическую, которая подняла ряд серьезных теоретических познавательных проблем, поскольку психические процессы непосредственным наблюдениям не поддаются. Их можно обнаружить лишь косвенным образом, в принципе так же, как электричество, которое было открыто по наблюдаемым воздействиям. Впрочем, для электричества имеются измерительные приборы для определения силы тока, напряжения и сопротивления. Такого рода измерительных приборов в области психики не было, и до сих пор нет.

Естественнонаучная сторона

Фрейд разрабатывал свою теорию, руководствуясь смелым ходом мысли. Интуитивно, но вполне в согласии с господствовавшей тогда естественнонаучной картиной мира классической физики, он разъяснил истерические симптомы, например, в «Очерке психологии» (1895), уподобив их физиологическим процессам. Здесь были теория нейтронов, проблема перехода количества в качество, первичные и вторичные процессы, аффекты и задержанные желания, с помощью которых, придерживаясь естественнонаучной мысли, для объяснения функционирования психического аппарата была опробована биологическая точка зрения.

Элементы этого раннего наброска физиологической концепции души мы встретим во всем творчестве Фрейда. В частности, в его теории либидо о причинах, целях и средствах «инстинкта» использованы такие

естественнонаучные понятия, как «психический аппарат», «перенос количества», имеющий нечто общее с электрической зарядкой. «Итог возбуждения», «замещение», «сопротивление». Рассмотрев естественнонаучную сторону этого направления психологического познания, мы приходим к выводу, что оно уходит корнями в физику и физиологию.

Об этом же свидетельствует манифест венских естествоиспытателей, призывавший вступать в «Общество позитивной философии», под которым, наряду с Эрнстом Махом, Альбертом Энштейном и Гансем Рейхенбахом, подписался и Фрейд. Впоследствии группа была переименована в «Общество эмпирической философии» (Керц, 1986).

Герменевтический аспект

Не менее важен в произведениях Фрейда и герменевтический аспект — усилия, направленные на понимание объекта научного изучения, произведения искусства или человека и его проблем. Когда нам знакома жизненная ситуация другого, мы быстрее понимаем, о чем он нам рассказывает. Мы можем представить себе, как чувствует себя тот, кто жалуется на зубную боль или любовную тоску, поскольку каждый из нас испытывал когда-то зубную боль или страдал от любовного разочарования. Но без дополнительных усилий понимание не дается: мы должны войти в другого, чтобы понять, что с ним происходит, впустить его в себя, интенсивно проработать его ситуацию.

Вероятно, Фрейд бессистемно использовал этот метод при лечении своих первых пациентов и при этом делал недоступные бессознательные психические процессы доступными для понимания как себе, так и своим пациентам. Он просто позволял пациентам говорить («лечение разговором»), внимательно их слушал и пытался понять, что они чувствуют, переживают, думают и к каким выводам приходят. В главе III я рассматриваю связанные с этим научно-теоретические вопросы более подробно. Пока же достаточно следующее: возле естественнонаучной области возник ствол психоаналитического познания с ярко выраженными мощным философским стержнем и элементами. Которые позднее в своей совместной с Юргеном Хабермасом работе (1969) Альфред Лоренцер охарактеризовал как «глубинную герменевтику», поскольку, в отличие от философской герменевтики, она предназначалась для понимания бессознательных процессов, происходящих в глубинах души.

Итак, мы выявили два главных корня, питающих ствол, один из которых — естественнонаучный, а другой — философски-герменевтический. Два мощных корня, которые, как мы сможем убедиться, нашли свое продолжение во многих ветвях дерева психоаналитического познания.

Группа первых психоаналитиков

Психоанализ —детище не только Зигмунда Фрейда. Шарко, Брейер и особенно Вильгельм Флисс принимали в его создании прямое или косвенное участие. Переписка Фрейда с Вильгельмом Флиссом охватывает период с 1887 по 1904 гг. В эти годы в диалогах со своими друзьями Фрейд разрабатывал важнейшие постулаты психоанализа: происхождение неврозов, возникновение тревоги, понятие защитных неврозов, архитектура истерии, неврозы навязчивых состояний и паранойя.

Позднее было основано «Психологическое общество по средам» профессора Фрейда, протоколы которого в четырех томах опубликованы Германном Нунбергом и Эрнстом Федерном (1976 — 81). Протоколы охватывают время с 1906 по 1918 гг. В них отражены все важные события на заседаниях Венского психоаналитического общества, где были прочитаны доклады, сохранившие свое значение до сих пор. В том числе, доклад Отто Ранка о драме инцеста, Альфреда Адлера об органических основаниях неврозов, Вильгельма Штекеля о причинах нервозности, о только что вышедших книгах, о литературе, о случаях различных заболеваний. О ницшевском «Ecce homo» здесь спорили не меньше, чем о клинических феноменах, психологии марксизма, Генрихе фон Клейсте или вреде мастурбации.

Фрейд выступал с только что написанными произведениями, на которые члены группы реагировали так же активно, как Фрейд — на их выступления. Очевидно, открытие психоанализа не было результатом размышлений одного Зигмунда Фрейда, хотя его доклады на «средах» звучали и обсуждались чаще других. Собирались здесь светлые передовые умы, которые, как, например, Отто Ранк, Альфред Адлер, Эдуард Хичман, Исидор Садгер, Вильгельм Штекель, Фриц Виттельс, присоединились к Фрейду из чистого интереса. Позднее к ним примкнули Сандор Ференци, Людвиг Иекелс, Виктор Тауск, Теодор Рейк, Ганс Сакс, Герберт Зильберер и Альфред Фрейхер фон Винтерштейн. Еще позднее — Лу Андреас-Саломе, Зигфрид Бернфельд, Людвиг Бинсвангер, Хелен Дейч, Отто Фенихель, Гермина фон Гуг-Гельмут, Ганс Лампл, Карл Ландауэр, Германн Нунберг, Отто Пецл, Эдоардо Вейсс и менее известные участники фрейдовых заседаний, обогатившие «общество по средам» своим деятельным и оригинальным участием.

Чтение протоколов дает живейшее представление о том, как оживленно проходили дискуссии, на каком научном уровне и с какой доскональностью старались выяснить истину члены общества. От заседаний по средам берет свое начало психоаналитическое движение, призванное сохранять и развивать психоаналитическое учение. Решительность, с которой Фрейд защищал сексуальное происхождение наших желаний в «Толковании сновидений», стоила ему дружбы: в 1903 году произошел его разрыв с Вильгельмом Флиссом из-за споров по поводу понятия бисексуальности. После «Толкования сновидений» в печати одно за другим появились «Психопатология обыденной жизни» (1901). Важнейшая статья Фрейда «О психоаналитическом методе» (1904), «Шутка и его отношение к бессознательному» (1905), «О психотерапии» (1905) и тогда же, в 1905 году, «Три очерка теории о сексуальности», взбудоражившие всех сочинения, в которых Фрейд без обиняков излагал свои взгляды.

Фрейд был широко известным, хотя и вызывавшим бурные споры автором. Многие медицинские авторитеты не признавали его теорию, другие, вроде Юджина Блейера из Цюриха, делали это с большими оговорками. У Фрейда были все основания искать себе союзников, что он и делал. Главными среди них оказались Карл Густав Юнг, Альфред Адлер и Вильгельм Штекель.

Психоанализ по сей день встречает сопротивление по разным причинам: из-за его недостаточной научности, слабой доказательности результатов, из-за трудностей в изучении и плохо формализуемых методов, из-за его «сектантского» характера, но в первую очередь из-за его нелицеприятной информации об истинной природе человека.

3. Первые ветви: Адлер, Штекель, Юнг

Появление суровых для того времени истин о человеческой сексуальности заранее предполагало их неприятие. После того, как напуганный своей собственной реакцией и реакцией первой пациентки психоанализа Анны О., Иозеф Брейер отказался от таких понятий психоаналитической терапии, как перенос и контрперенос, от Фрейда отошли Альфред Адлер и Вильгельм Штекель. Особую роль в этом сыграли взгляды Фрейда на значение сексуальности, с которыми не все его ученики были согласны.

Альфред Адлер выдвинул понятие «органической неполноценности», которая возникает как следствие компенсации «неполноценных» функций, когда, например, человек с двигательными нарушениями стремится к высоким спортивным достижениям в беге. Известное понятие «чувства неполноценности» также идет от Адлера; это чувство возникает, допустим, тогда, когда успехи ребенка не вызывают у родителей должного одобрения. Обратив особое внимание на отношение своих пациентов к братьям и сестрам, на психологическую атмосферу в семье, которая может либо препятствовать развитию психики, либо способствовать ему, Адлер определил понятие «мужского протеста», под воздействием которого мужчина ни в коем случае не хочет показаться женственным, а, напротив, подчеркнуто мужественным (Adler, 1922 с. 41). Таким образом, Адлер составил конкуренцию Фрейду, теорию либидо которого он не принимал.

Адлера особенно интересовала проблема агрессивного поведения людей, которой Фрейд пренебрегал. Сюда следует добавить споры о научном приоритете и, наконец, политические разногласия (Адлер был убежденным марксистом). С уходом Адлера, несомненно очень важной ветви на дереве психоаналитического познания, психоанализ лишился социально направленной и педагогически одаренной личности; именно Адлер проницательно распознал у невротиков чувство неполноценности, равно как и проблему человеческой агрессивности.

Другую ветвь психоаналитического дерева представляет собой Вильгельм Штекель, литературно очень плодовитый ученый. Его «Расстройства инстинктивной и аффективной деятельности» (1908) вышли в 10 томах. Первый том посвящен «нервозным состояниям страха и их лечению» Следующие тома — онанизму и гомосексуализму, фригидности, импотенции. Психосексуальному инфантилизму, импульсивным действиям, фетишизму, садизму, мазохизму, а также неврозам навязчивых состояний. Штекель всегда высоко ценил Фрейда, хотя тот подверг серьезной критике «активную технику» Штекеля, равно как и его толкование бессознательных «чувственных влечений». Бездна, разделяющая разные точки зрения, уже не могла быть соединена мостом, и в результате Штекель, а следом за ним и Адлер покинули Венское психоаналитическое общество. В активном психоанализе Штекеля большую роль играла внезапность; все объяснялось им непосредственно из интуиции. Тем не менее, Штекель оставался верен теории Эдипова комплекса в той степени, в какой он признавал значение бессознательных процессов при возникновении «нервозных состояний страха», гомосексуальности, фригидности, импотенции, импульсивных действий, перверсий и неврозов навязчивых состояний. Краткосрочная психоаналитическая терапия очень многим обязана Штекелю.

Еще одна, гораздо более мощная ветвь, которая разрастается вплоть до

нашего времени — аналитическая психология Карла Густава Юнга. Как свидетельствует объемистая переписка между Фрейдом и Юнгом (1974), они много лет работали в теснейшем сотрудничестве. Как полагал Фрейд, Юнг должен был стать его преемником и послужить в Венском психоаналитическом обществе противовесом еврейскому большинству. Юнг, однако, не был согласен с чрезмерным акцентом на сексуальность как на причину неврозов, и разработал свою собственную теорию либидо.

Позднее между Фрейдом и Юнгом возникло сильнейшее соперничество, из-за которого Фрейд, как доподлинно известно, дважды терял сознание. По-моему, это произошло оттого, что он оказался слабее Юнга. Даже на того, кто не согласен с сутью психологии Юнга, производит впечатление диапазон его писаний, освещающих такие разнообразные темы, как психология и патология оккультных феноменов, диагностика с использованием ассоциаций, душевные причины психозов. Среди его книг особые споры вызвали «Символы и метаморфозы либидо» (1912), «Психологические типы» (1921), «Отношения между Я и бессознательным» (1928). Интересы Юнга в первую очередь относились к архетипам, символам сновидений, духовным проблемам современности, существованию души и образам бессознательного. К. Г. Юнг до сих пор очень влиятелен в германоязычных странах: в Штутгарте и Цюрихе есть юнгианские институты. В англоязычных странах Юнг, равно как и Адлер, достаточно популярен, о чем свидетельствуют многочисленные переводы и издания собрания сочинений. Различия и сходства в их теориях и методах лечения резюмировал Рольф Фечер (1978) в своей книге «Основные направления глубинной психологии Фрейда и Юнга». Важнейшие различия в краткой форме проиллюстрированы в таблице 1.

	Фрейд	Адлер	Юнг
Мышление	Причинное	Социальное	Целенаправленное
Толкование сновидений	Редуктивное (главное латентное содержание)	Целенаправленное	Компенсаторное (выявление архетипов)
Понимание бессознательного процесса	индивидуальный	атмосфера в семье	коллективное бессознательное
Сексуальность	Центральное значение	Побочное	Побочное
Агрессивность	Инстинкт смерти	Стремление к власти (мужской протест)	Не принимается в расчет
Перенос	Очень важно; основное средство изменений	Без внимания; элемент педагогики	Без внимания; отсылка к разъединенным архетипам

Таблица 1. Различия взглядов Фрейда, Адлера и Юнга.

4. Возвращение к стволу: теория инстинктов и теория травм

Психоаналитическая теория инстинктов

Мы рассмотрели ранние ответвления психоаналитического дерева, забыв о его стволе, как это сделали в свое время первые отступники от Фрейда. Внутренним содержимым ствола психоанализа являются теория инстинктов и психоаналитическая теория сексуальности. Сообразно с этим поведение людей определяется важнейшими сексуальными мотивами. Движущая сила обусловлена биологически.

Мы можем сравнить инстинкты психоанализа с инстинктами растений, которые весной развиваются из почек. С инстинктами случается нечто такое, что — если вернуться к нашему сравнению — напоминает весенний побег дерева или куста.

Инстинкты могут развиваться; но чаще они подавлены или развиваются в строго определенном направлении, как декоративные растения; таким образом, становится очевидным идущее извне (в данном случае из общества) воздействие на понятие «инстинкт».

Один из таких инстинктов — сексуальность. В нем принимают участие все генитальные функции, подобно тому, как они находят свое выражение в половом акте: очевидные действия и доставляющие наслаждение ощущения. В психоанализе понятие сексуальности настолько расширено, что удовольствие от сосания материнской груди, от испражнения и при мочеиспускании рассматриваются как проявления сексуального инстинкта, равно как и удовлетворение желания посредством гомосексуального или гетеросексуального полового акта.

К психоаналитической теории инстинктов относится гипотеза, что сексуальность впервые возникает не в период полового созревания, а намного раньше, в детском возрасте, в чем может удостовериться любой незастенчивый наблюдатель. Младенцы могут мастурбировать, а маленькие дети внимательно изучают свои гениталии. Для подтверждения теории сексуальности, Фрейд использовал непосредственные наблюдения за детьми, а также анализ снов своих пациентов, их шуток и так называемого «ошибочного поведения» (оговорок, забывчивости, смущения и т. п.).

Психоаналитическая теория инстинктов, таким образом, подчеркивает мощь сексуальности, о чем уже шла речь в обоих наших отступлениях касательно романов, трагедий и кинофильмов.

Борьба между теорией травм и теорией инстинктов

Необходимо упомянуть непростую проблему, известную со времен возникновения теорий психоаналитического дерева познания: антагонизм между теорией травмы и теорией инстинктов. В своем кратком изложении мне хотелось бы со всей определенностью подчеркнуть, что современная психоаналитическая теория и практика проистекают из теории инстинктов. Она обошла или, вернее сказать, вытеснила так называемую теорию травмы. Эта теория, игравшая заметную роль на ранней стадии развития психоанализа (см. рисунок психоаналитического дерева), была связана с травмой, (в дословном

переводе с греческого — «рана», «повреждение», «результат насилия»). В переносном смысле и в связи с областью психики это значит «шок», «потрясение».

Первоначально Фрейд считал, что сексуальные домогательства, о которых сообщали его первые пациенты, действительно имели место. Он полагал, что домогательства взрослых настолько ранят детей, что детское Я не в состоянии вынести их душевные последствия и тем более их переработать. Неприятные, болезненные переживания, вытесняются, тогда как связанные с ними аффекты не находят себе выражения, продолжают бессознательно развиваться и приводят к попыткам опосредованно покончить с невыносимым мучением и, как следствие,— к невротическим нарушениям. Не зная всех взаимосвязей, невозможно проследить происхождение этих нарушений от душевной травмы, но с помощью воспоминаний о травме и используя психоаналитический метод, их можно вновь вывести на уровень сознания. Для этого, как считал Фрейд, необходимо проявить подавленный аффект и стойко преодолеть последствие травмы — возникший симптом. Так случилось с первой пациенткой психоанализа — Анной О.,— которая, ухаживая за смертельно больным отцом, не могла реализовать свои сексуальные и агрессивные импульсы, поскольку боялась его огорчить. Она вытесняла эти импульсы, из-за чего у нее развился целый ряд симптомов: паралич, судороги, торможение, душевное расстройство. Стоило ей только заново пережить и довести до разрешения соответствующие аффекты, как симптомы исчезали — что доказывало наличие причинно-следственных связей между подавленными причинами и неврозом как их последствием. Таким образом, терапевтические методы «вскрытия» устраняют причины неврозов. Данный пример демонстрирует, что в появлении невроза в равной мере ответственны внешняя ситуация (травма, страх потерять отца) и внутренний мотив (желание стать ему близкой, быть может, даже сблизиться сексуально, и в то же время — желание его смерти).

В теории травмы особую роль играют внешняя травма и сопровождающий ее внутренний психологический шок, в теории инстинктов доминируют внутренние мотивы. В первом случае пациент оказывается жертвой внешних обстоятельств, во втором — их виновником: это существенное расхождение сохраняется вплоть до сегодняшнего времени, и несомненно будет определять будущее психоанализа.

После того как Фрейд стал постоянно узнавать от своих пациентов, что они подвергались сексуальной атаке со стороны родственников, в его голову закрались сомнения на этот счет, которые он изложил в письме Вильгельму Флиссу от 21 сентября 1897 года: «Я не верю более в мою невротику ... продолжающиеся разочарования при попытках довести анализ до полного завершения ... отсутствие полного успеха» — вот что смущало Фрейда. Сюда же относится следующая цитата: «Неожиданно то, что во всех без исключения случаях отца обвиняют в извращениях, (и мой собственный опыт здесь не исключение), удивительна частота истерий при подобных обстоятельствах, хотя частота такого рода извращенных тенденций по отношению к детям вряд ли так велика». Итак, от теории травмы Фрейд отказался, заменив ее теорией инстинктов, используя которую, можно закрыть глаза на серьезные свидетельства о сексуальных (и, стоит добавить, агрессивных) травмах и не замечать, насколько часто родители причиняют вред детям, хотя перспектива

логического разрешения этой проблемы еще далеко не исчерпана (Массон, 1984).

Вместе с тем это, конечно же, выдающееся достижение Фрейда, который путем «проб и ошибок» пришел к мысли, что наряду с травмой существуют инстинкты и внутренние психологические мотивы (включая мотивы сексуальные), управляющие людьми. При этом доводами в пользу сексуальных фантазий и соответствующего поведения детей

Точка зрения Фрейда	Теория травм	Теория инстинктов после 1897 г.
Соотношение жертва/виновник	Пациент-жертва, жертва соблазнов, насилия психологической жестокости	Пациент-виновник (будучи ребенком, он желает овладеть матерью/отцом устранить мать/отца)
Соотношение реальность/фантазия	Реальность	Фантазия
Главные направления в психоанализе	Ференци венгерская школа. (Главный представитель Балинт); Д.В. Винникот, Г.Когут и психология самости.	Главные направления психоанализа: Я-психология и особенно значимая сейчас теория отношений
Основные напрвления вне психоанализа.	Алиса Миллер: драма одаренного ребенка. Массон : Что сделали с тобои, несчастное дитя? А. Яновс: Первичная: терапия	

Таблица 2. Сравнение теории травмы и теории инстинктов.

науку о поведении и мотивации людей — см. Давид Рапапорт «Структура психоаналитической теории» (1959). Благодаря им психоанализ приобрел академический облик, что сделал его более привлекательным для психологов, чем во времена преобладания теории инстинктов*.

Психоаналитическая теория объект - отношений

Еще одна существенная часть ствола психоанализа — теория отношений. Центр тяжести в ней сдвигается с инстинктов через Я в сторону отношений, почему я и назвал сборник важнейших трудов этого направления, «Психология отношений между людьми» (Kutter, 1982). Психоанализ выступает здесь в роли теории межчеловеческих отношений и их нарушений, основу которой, разумеется, положило сочинение Зигмунда Фрейда «Об особом типе выбора объекта у человека», вышедшее в 1910 году.

Без статьи Михаэля Балинта «Первичный объект любви» (1937), без сочинений Вильгельма Р. Д. Фэрбернса (1925) о конфликтах между матерью и

ребенком. Без выявленной Джоном Боулби (1951) связи теории отношений с учением о жизни животных, без новаторских наблюдений Рене Спица за детьми (1954) теория отношений не оказалась бы сегодня важнейшим из направлений, продолжающих развитие психоанализа. Она созвучна мощному философскому течению, ведущему от Платона через Гегеля к марксистской диалектике и диалогическому принципу Мартина Бубера (Becker, 1970; Merlean-Panty, 1968; Popper, 1970).

«Анализ отношений» означает сейчас определенный метод анализа: в центре его внимания уже не монадно или солипсически** ориентированная психика (как если бы субъективная психика была единственной реальностью, а все остальное исключительно ее представлением), а напротив — то, что происходит между мной и другими, а именно отношения; это понятие, впрочем, нуждается в обновлении.

Особое внимание обратила на отношения между ребенком и матерью Мелани Клейн (1952), которая говорила о необходимости хорошего обращения и, вместе с тем, указывала на многочисленные нарушения отношений матери и ребенка, описав их в виде шизоидно - параноидальной

---

*Я отсылаю читателя к книге Германца Роскамна «Психоаналитическая Я-психология и ее использование» (1974), в которой указаны важнейшие труды того времени.

**От solus — «один», «ipso» — сам.

и депрессивной позиций. Она отметила в отношениях ребенка со своей матерью фантазии, связанные с жадностью и завистью, разрушительные импульсы и попытки искупить их. В очень важной «депрессивной позиции» ребенок обнаруживает, что он не только любит, но и ненавидит, равно как и то, что его тоже не только любят, но и ненавидят.

Из работы Мелани Клейн на дереве психоаналитического познания возникла целая ветвь — школа Мелани Клейн, которая уже много лет задает тон в Лондоне, оставив в тени психологию Я, которую после своей эмиграции в Англию представляет Анна Фрейд. Ее виднейшие лондонские представители — Уинфред Р. Байон, Дональд Мельцер и Герберт Розенфельд; она получила очень широкое распространение в Южной Америке, но не теряет своего значения и в Германии.

6. Ветви психоанализа: современное развитие теории отношений

6.1. Сандор Ференци и Михаэль Балинт. Венгерская школа

К стволу психоанализа несомненно следует добавить достижения Сандора Ференци в области психоаналитической теории с ориентацией на теорию травмы. В то время как Фрейд рассматривал поддержанную большинством его единомышленников теорию инстинктов и фантазии детей по поводу своих родителей и других участников отношений как важнейшие стимулы развития и расстройства человеческой психики, Ференци ни на минуту не упускал из виду того, что выпадает на долю ребенка, оказавшегося жертвой своих родителей. В своих сочинениях «Дети анализируют взрослых» (1931) и «Разговорная путаница между взрослым и ребенком» (1932) он сформулировал то, что впоследствии заимствовал у него Михаэль Балинт, и из чего возникла

венгерская школа психоаналитической теории отношений.

6.2. Эрик Г. Эриксон: теория идентичности

Развитая Эриком Гомбургером Эриксоном психоаналитическая теория идентичности — следующая крупная ветвь дерева психоаналитического познания. Эриксон обрисовал ее в вышедшей в 1956 году на английском, а в 1961 году на немецком языке книге «Детство и общество»; на эту ветвь могли опереться все недовольные тем, что психоанализ занимается лишь субъектом, поскольку Эриксон включил в свое рассмотрение и окружающий субъекта мир. У него не только есть «среднеожидаемые окружающие», как их называл еще Гейнц Гартманн (1939), но и, не будучи марксистом, он принимает во внимание тот или иной господствующий общественный строй, его историческое развитие и возможность его социологического определения. Эриксон размышлял об американской самобытности, о детстве Гитлера, о юности Максима Горького, написал две увлекательные биографии — юного Лютера и борца за независимость Ганди. Он вынес на обсуждение понятие кризиса и развил теорию, из которой, в частности, следует, что когда критические точки развития индивидуальной жизни соответствуют развитию общества, то возникают моменты, которые могут стать для истории выдающимися (Erikson, 1975). Понятие идентичности, введенное Эриксоном, до сих пор оказывает воздействие на психоанализ.

6.3. Рене А. Спиц: ранние отношения мать-ребенок

Следующая ветвь принесла плоды, в которых можно узнать идеи Рене Спица. Исходя из нескольких проницательных соображений и тщательно организованных наблюдений за детьми (и обезьянами), он написал «Возникновение первых отношений» (1954). «Нет и да» (1957) и «От младенца к маленькому ребенку» (1956) — работы, в которых в психологической перспективе отметил огромную роль отношений мать-ребенок, подчеркнув (вслед за Анной Фрейд) их основополагающий характер для первого года жизни. Широко известные понятия «трехмесячного смеха» и «восьмимесячного страха», равно как и идея «сбивчивого диалога» (1976), обязаны своим возникновением Рене Спицу.

6.4. Дональд В. Винникот: от педиатрии к психоанализу

Следующая ветвь дерева психоаналитического познания — работы Дональда Винникота, который наряду с Анной Фрейд и Мелани Клейн представляет в Лондоне третью группу психоаналитиков. Винникот много занимался детьми и, среди прочего, обнаружил, сколь важное значение для ребенка имеет т. н. «переходный предмет» (например, плюшевый медвежонок) — своего рода посредник между реальной матерью и образом матери, созданным ребенок. Важнейшие работы Винникота собраны во множестве вышедших на немецком языке книг, среди которых «От педиатрии к психоанализу» (1958), «Процесс полового созревания и благоприятное окружение» (1956) и «Семья и индивидуальное развитие» (1965). Во многом

благодаря бестселлеру Алисы Миллер «Драма одаренного ребенка и поиск истинного Я» (1979) понятия «истинного Я» и «ложного Я» стали широко известными. «Истинное Я» — это то, во что превращается потенциал человека при оптимальных внешних условиях. К «ложному Я» относится то, что получается с потенциалом в неблагоприятных внешних условиях, скажем, когда ребенка хвалят, одобряют и любят только при определенных условиях, например, когда он оправдывает ожидания родителей, то есть, когда ребенок послушен и податлив, иными словами, «принадлежит» родителям. Под влиянием таких неблагоприятных обстоятельств потенциал «истинного Я» может не развиться. Это означает, что разовьются нежелательные, но относящиеся к «истинному Я» потенциалы. Такие, например, как любопытство, сопротивление, самостоятельное мышление. Результатом этого может стать потенциальное «истинное Я», редуцированное «ложным Я». Идеи Винникота были подхвачены в Лондоне Масудом Р. Ханом (1974), в Германии — Лорой Шахт (1978) во Фрейбурге и Йохеном Шторком (1987) в Мюнхене.

6.5. Маргарет Малер: психическое рождение человека

Не желая предвосхищать следующую главу, где речь пойдет о «психологическом ландшафте» Германии, я хочу обратить внимание на еще одну ветвь психоаналитического дерева, а именно, на теорию, развитую Маргарет Малер и ее сподвижниками Фредом Пине и Анни Бергман из «Мастера Чилдрен Сентер» в Нью-Йорке. Они изучали детей и взрослых с помощью непосредственных наблюдений за отношениями между матерью и ребенком, причем сотрудник Маргарет Малер Эрнест Л. Абелин особое внимание уделил «отцовскому отношению» (1971). Поступательное развитие ребенка посредством процессов отделения и индивидуализации через стадии «дифференциации», обучения, «повторного сближения», вплоть до стадии «постоянного объекта», равно как и представление о психическом рождении человека как втором, духовном рождении, широко восприняты не только в психоаналитических, но и в далеких от психоанализа кругах. Этому способствовала вышедшая большим тиражом книга Малер, Пине и Бергман «Психическое рождение человека» (1975). Ежегодно на этой ветви появляются новые ростки (1978).

6.6. Отто Ф. Кернберг: современная теория отношений

Уточнение теории отношений Отто Кернбергом появилось в нескольких вышедших друг за другом книгах, довольно быстро переведенных на немецкий язык: «Пограничные нарушения и патологический нарциссизм» (1975), «Теория объект-отношений и практика психоанализа» (1976), «Внутренний мир и внешняя реальность» (1980). Исходя из теории Мелани Клейн, Отто Кернберг в чрезвычайно систематизированном виде развивает ту ветвь на дереве психоаналитического познания, которая способствует пониманию тяжелых личностных расстройств и имеет далеко идущее значение для их лечения. Книги Кернберга получили широкую известность еще и потому, что зачастую, читая описанные в них случаи расстройств, мы узнаем самих себя: в чувстве опустошенности и бессмысленности, в депрессиях и печали, в зависимости от

других, в слитком завышенных идеалах и связанной с этим опасностью еще большей замкнутости. Косвенным образом книги Кернберга могут оказаться полезными для понимания нормальной психической деятельности и ее легких расстройств, а также тезисов Фрейда о сексуальности и агрессивности. В последнее время в работах Кернберга наметилась дальнейшая дифференциация, позволяющая, например, деструктивную агрессию в любви извращенных личностей отличать от некоторой доли агрессивности в любви нормальных людей. Ответвление на ветви теории отношений Кернберга — выводы Джеймса Мастерсона о психотерапии пограничных больных (1980), тезисы Ваника Д. Волкана о психоанализе ранней теории отношений (1975) и клинический обзор пограничного синдрома Кристы Роде-Дахсер (1979), который особенно полезен в повседневном лечении таких больных.

6.7. Гейнц Когут: психология самости

Не должна быть забыта и еще одна бурно развившаяся в 70-е годы Ветвь нашего дерева, а именно, предложенная Гейнцем Когутом «психология самости». Как и все вышеназванные продолжатели Фрейда, Когут был вынужден эмигрировать; больше всего его интересовало связанное с бессознательными психическими процессами чувство самооценки, а также идеал, который мы формируем самостоятельно, с помощью родителей и окружающего мира. Самолюбие, которое называют «нарциссическим», глубоко поражает Я: все мы так или иначе его знали, независимо от того, с какими препятствиями столкнулись в процессе дальнейшего развития. Нарциссическое самолюбие играет по Когуту настолько важную роль в нашей психической деятельности, что Я и его судьба вполне заслуживают особого рассмотрения. Если в первой своей книге (1971) Когут в основном занимался вопросами лечения нарциссических пациентов, то в следующей книге (1977) он расширил свою теорию до психологии самости, обратившись при этом к трагическим сторонам человеческого существования: причинение человеку ущерба, резко меняющего жизнь, — бесчувственными родителями, непонятливыми партнерами или жестокими ударами судьбы (вплоть до заключения в концентрационный лагерь), жертвами которых он оказался. В теории Когута, как и в венгерской школе от Ференци до Балинта, вновь оживает старая теория травмы, восходящая к началу психоанализа. Следуя ей, в пациенте видят прежде всего жертву, с которой судьба обошлась сурово. Поэтому необходимо создать атмосферу, позволяющую ему обрести былое доверие и, заново пережив травму, преодолеть ее.

Не замеченные большинством психоаналитиков зеленые ростки на ветви теории Когута связаны в США с именами Эрнеста С. Вольфа, Пола и Анны Орнстейн и Иозефа Д. Лихтенберга, от которых возникли ответвления в ФРГ, ухоженные и взращенные Лоттой Келер в Мюнхене, Кристель Шеттель в Гисене и Гейнцем Вальтером в Констанце (1987; 1988).

В этой связи можно назвать и книги Алисы Миллер, поскольку на нее оказала сильное воздействие не только теория Уинникота об «истинном Я» и «ложном Я», но и концепция развития личности Гейнца Когута. Алиса Миллер пренебрегает инстинктивной стороной личности в гораздо большой степени, чем Когут, хотя при чтении его книг может возникнуть сходное впечатление. Как сообщил мне сам Когут, речь идет о мнимом противоречии: в первую

очередь его интересовало развитие Я, но он не забывал и теорию инстинктов, в особенности, когда сам пациент жаловался на свои побуждения.

6.8. Альфред Лоренцер и Клаус Хорн: психоанализ как материалистическая теория социализации и критическая теория субъектов

Мы подходим к немецкому варианту теории отношений в том ее виде, в каком она появилась благодаря Альфреду Лоренцеру из студенческого движения — материалистической теории социализации (1972) — и к критической теории субъекта рано умершего Клауса Хорна (1972), которого вдохновили на ее создание не только психоанализ, но и негативная диалектика Адорно. И Лоренцер, и Хорн получили сильнейшие импульсы от философии Юргена Хабермаса (1968), их психоанализ ориентируется на существенно новые перспективы, а именно на герменевтические формы, превосходящие в этом отношении герменевтику бессознательных сторон психики и «глубинную герменевтику». Речь идет об «интерактивных формах», столь тесно связанных со словом «отношение», что не возможно отрицать их родства с психоаналитической теорией отношений Маргарет Малер, Гейнца Когута и Отто Ф. Кернберга, с одной-единствен:ной, но важной оговоркой — Лоренцер дополнил психоанализ марксисткими идеями сообразно своему пониманию человеческой социализации как общественно детерминированной. Санкционированное обществом развитие людей вследствие сконцентрированных травматических воздействий ведет к искажению человеческой идентичности (Брюкнер, 1972). Капитализм рассматривается как непосредственная причина искажения человеческой личности, вызванная проникновением капиталистических отношений в семью и тем самым в раннее детское развитие ребенка. Психоанализ, таким образом, определяется: как социальная наука, а именно, как часть социологии (1971), хотя позднее Лоренцер более осторожно поместит психоанализ в центре треугольника между биологией, социологией и психологией (1985).

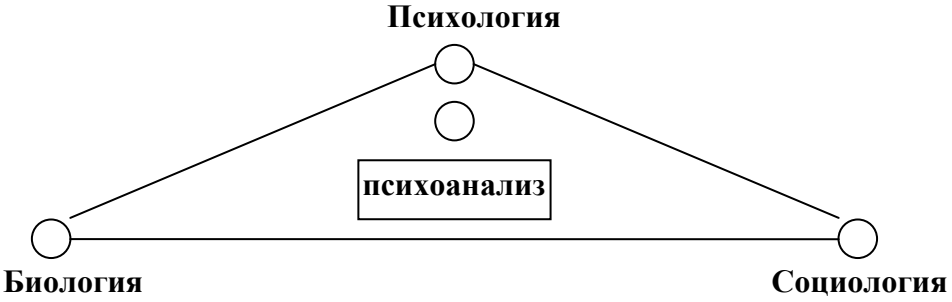


Таблица 4. Положение психоанализа между биологией, социологией и психологией (Лоренцер, 1985).

В следующей главе я расскажу о немецкой ветви дерева психоаналитического познания, а именно о ветви, созданной Александром Мичерлихом, и ее ответвлениях в критике общества и социальной психологии. Рядом с именами Альфреда Лоренцера и Клауса Хорна стоят имена многолетнего издателя журнала «Психея» Гельмута Дамера и, разумеется,

Маргарет Мичерлих-Нильсен, издавшей после смерти А. Мичерлиха книги «Миролюбивая женщина» (1985) и «Работа памяти» (1987). Этот феминистский вариант с его критикой психологии женщины Фрейда более уместен в следующей главе, где речь пойдет о развитии психоанализа в Германии. Характерна связь этого психоанализа с марксизмом во имя политических изменений, что особенно явно проявилось в студенческом "движении 68-го года и в женском движении 70-х годов с их демонстрациями — полной противоположности миролюбивому и спокойному англосаксонскому развитию психоаналитического знания (см. IX, 5).

III. РАЗВИТИЕ ПСИХОАНАЛИЗА В ГЕРМАНИИ

Эта глава отражает субъективный взгляд автора, который родился в 30-е годы во времена национал-социализма и сразу по окончании войны в поисках психоаналитической информации впервые столкнулся в одной из распространяемых оккупационными властями книг — «Психология жизни» — со структурной моделью Зигмунда Фрейда и, окрыленный духом психоанализа, нашел свой путь в этой области.

Тогда в научной психологии ФРГ и Западного Берлина доминировал не психоаналитический, а скорее психотерапевтический подход: в Западном Берлине, Штутгарте, Мюнхене работали преимущественно «аналитические психотерапевты» (как они сами себя именовали), вышедшие из пресловутого Имперского института психологических исследований и психотерапии, который возглавлял племянник Геринга. После изгнания в 1933 году большинства еврейских психоаналитиков этот институт приспособился к существующему режиму, ценой отречения от таких существенных понятий психоанализа Фрейда, как теории либидо, Эдипова комплекса и переноса. Подобная же участь постигла основанный в 1928 году Франкфуртский психоаналитический институт, тесно связанный с Институтом социальных исследований; в 1933 году национал-социалисты закрыли его, а библиотеку уничтожили. Беда не обошла стороной и сотрудников этого учреждения. Карл Ландауэр трагически погиб в концлагере; Эрих Фромм, Фрида Фромм-Рейхман, Зигмунд-Генрих Фукс и Генрих Менг эмигрировали; Фукс — в Англию, где сделал себе имя, разработав «групповой аналитический метод», Менг — в Швейцарию, где занимался профилактикой душевных заболеваний.

В поисках информации, имеющей отношение к пониманию психической природы болезней, с которыми я столкнулся в период медицинского обучения, я обратился в 1958 году в Институт психотерапии и глубинной психологии в Штутгарте. Здесь преподавали психоанализ Вильгельм Биттер, Герман Гундерт, Феликс Шотлендер. Обучение было ориентировано на психоанализ Фрейда, аналитическую психологию Юнга и так называемый нео-психоанализ Шульца-Хенкеса. Феликса Шотлендера лично я не знал, зато познакомился с Германом Гундертом, который встречался в Вене с Зигмундом Фрейдом, сотрудничал в области психоаналитических исследований с Эдуардом Хичманом и плодотворно работал над совмещением методов Фрейда и возникших в 30-е годы идей. Нельзя не упомянуть и трех женщин-аналитиков,— Ютту фон Гревениц, Урсулу Лессинг и Веру Шеффен,— оказавших огромное влияние на развитие психоанализа в Германии и увлеченных идеей синтеза концепций

Фрейда, Юнга и Адлера. Вильгельм Лайблин занимался психоаналитическим изучением сказок.

Огромную роль в моем профессиональном становлении сыграло учение об архетипах К. Г. Юнга, перед мощью которого отступило на задний план значение «переноса» и «контрпереноса» при непосредственном контакте пациента и психоаналитика. Полученное образование позволяло мне приступить к собственной психотерапевтической практике, но меня не оставляло чувство, что я еще не готов к общению с пациентами. Поэтому я продолжил изучение психоанализа в Институте Зигмунда Фрейда во Франкфурте. После работы в Тюбингене я открыл свою практику в Штутгарте — это был уже настоящий психоанализ.

Основанный в апреле 1960 года Институт Зигмунда Фрейда во Франкфурте стал, благодаря усилиям своего первого руководителя Александра Мичерлиха, настоящей цитаделью психоанализа. Научно-исследовательский и учебный институт психоанализа и психосоматической медицины земли Гессен, финансовую помощь которому оказывал министр-президент Георг-Август Цинн, довольно быстро добился признания со стороны мирового психоаналитического сообщества. Энергичная деятельность Мичерлиха, стабильное финансовое обеспечение и поддержка знаменитых иностранных специалистов сыграли благоприятную роль в развитии института. Здесь собрались все, кто имел научный вес и имя или приобрел их впоследствии: Клеменс де Боор, Гельмут Томэ, Тобиас Брохер, Вольфганг Лох и Герман Аргеландер.

Во Франкфурте когда-то уже существовал основанный в 1928 г. Институт психоанализа, поддерживавший тесное сотрудничество с Институтом социальных исследований, насчитывавшим в своих рядах таких ученых, как Хоркгеймер, Адорно, Герберт Маркузе, Норберт Элиас, Карл Ландауэр, Генрих Менг и Эрих Фромм. Определенное влияние на Институт Зигмунда Фрейда оказала критическая теория Франкфуртской школы. Основанный Александром Мичерлихом совместно с Гансом Кунцем и Феликсом Шотлендером, (а позднее издаваемый Мичерлихом) журнал «Психея» способствовал распространению психоаналитической мысли на германоязычном пространстве. В 1960 году к нему прибавился «Ежегодник психоанализа» (выходящий с 1979г. под редакцией Вольфганга Лоха и Фридриха Вильгельма Эйкхоффа).

«Немецкое психоаналитическое объединение», которое в результате серьезных разногласий отделилось 11 сентября 1950 г. от существовавшего при нацизме «Немецкого психоаналитического общества», было объявлено в 1952 году филиалом «Международного психоаналитического объединения», обучающим психоанализу Зигмунда Фрейда и способствующим его развитию. История этого знаменитого раскола документально представлена в каталоге выставки, устроенной на международном психоаналитическом конгрессе в Гамбурге в 1985 году (1985). Отделившаяся когда-то маленькая группа во главе с Гансом Мюллер-Брауншвейгом, Гансом Мархом и Герхардом Шойнертом, пользовалась поддержкой целого ряда известных психоаналитиков, которые вынуждены были в свое время эмигрировать в Англию и Голландию. Среди них были Вилли Хоффер, Паула Хейман, Михаэль Балинт из Лондона, Жан Лампл де Гроот и Пит К. Куипер из Амстердама.

Многочисленные визиты иностранных психоаналитиков во Франкфурт мы, учащиеся института, воспринимали как международное признание

Возможность обмениваться опытом с английскими и американскими коллегами была привилегией, которой пользовались лишь те немецкие аналитики, что состояли в Немецком психоаналитическом объединении. Признание заслуг молодых франкфуртских психоаналитиков иностранными гостями было незабываемым переживанием. Не менее впечатляющим событием явилось для многих личное знакомство с учеными такого ранга, как Михаэль Балинт и Паула Хейман. Некоторые иностранные психоаналитики согласились провести с нами «контрольные занятия». В частности, Пит К. Куипер специально для этого пробыл несколько дней в Гамбурге и Гейдельберге. Впоследствии я неоднократно проходил супервизию у Жана Лампла де Гроота и Пита К. Куипера в Амстердаме. Уже во времена моей учебы психоаналитическая ситуация в Западной Германии очень быстро изменялась : в 1950 году был основан институт в Гамбурге, известный впоследствии как Институт Михаэля Балинта. В 1961 году Хорст-Эбергард Рихтер создал в Ги-сене еще один институт. В 1962 году благодаря усилиям Вольфганга Аухтера к работе приступила группа психоаналитиков во Фрейбурге, а в 1965 году — рабочая группа Немецкого психоаналитического объединения Штутгарт-Тюбинген.

В настоящее время Немецкое психоаналитическое объединение стало третьей по величине группой (после США и Аргентины) Международного психоаналитического объединения, насчитывающего 6.700 членов. В 1988 году в Немецком психоаналитическом объединении было 500 высококвалифицированных сотрудников, каждый из которых практиковал психоанилиз не менее четырех лет, не менее 300 часов наблюдал по меньшей мере за двумя пациентами, проходил супервизию и получил соответствующие теоретические знания. (К немецкому психоанализу относятся, разумеется, и члены Немецкого психоаналитического общества, равно как и члены Немецкого общества психотерапии и глубинной психологии. Всего в ФРГ и Западном Берлине насчитывается до 1500 квалифицированных психоаналитиков).

Выдающейся фигурой Немецкого психоаналитического объединения вплоть до своей смерти в 1982 году был Александр Мичерлих — уже хотя бы потому, что в гитлеровские времена он стал на сторону Сопротивления. Он решительно выступил в защиту психоанализа и выдвинул новую теорию, которая привлекла к себе внимание научной общественности. Мичерлих был не только последовательным психоаналитиком, но и строгим критиком общества, а также выдающимся писателем. Который за свои книги «На пути к безотцовскому обществу», (1963) и «Неспособность видеть сны» (1967), в соавторстве с Маргарет Мичерлих-Нильсен, был по праву отмечен поощрительной премией Немецкой книжной палаты. Сейчас Александр Мичерлих воспринимается, в первую очередь как критический мыслитель и политический деятель. Об этом свидетельствует и его биография, написанная Гансом Мартином Ломаном (1987). Его психоаналитическая деятельность в области терапии и исследования известна гораздо меньше, хотя именно эта сторона его личности заслуживает самого пристального внимания. Изучая бессознательные процессы, он не забывал о том влиянии, которое имеет социальное положение на любого человека, будь то рабочий завода или менеджер крупного концерна.

Хорст Эбергард Рихтер — еще один характерный представитель немецкого послевоенного психоанализа. Его известные книги «Группа» (1972), «Солидарность — цель обучения» (1974), «Перемены или устойчивость» (1976),

«Ангажированные анализы» (1978), «Комплекс Бога» (1979), «О психологии миролюбия» (1982) и «Шансы совести» (1986) сделали имя Рихтера известным не только специалистам, но и широкой публике. Другую сторону его личности характеризуют прогрессивная политическая деятельность, выступления в защиту бездомных, и, не в последнюю очередь, участие в движении за мир, поскольку он охотно принимал участие в демонстрациях. Леворадикальные группировки, процветавшие тогда в студенческом движении, видели в нем идеальную фигуру руководителя, который поддерживал их надежды на более миролюбивый и экологически совершенный мир. Эти надежды питали Хорста Э. Рихтера куда больше, чем А. Мичерлиха, полагавшегося скорее на влияние научных доводов, чем на общественную деятельность*.

---

*Сын Александра Мичерлиха — режиссер Томас Мичерлих — воссоздал в фильме «Отец и сын» дискуссию между Гербертом Маркузе и Александром Мичерлихом, свидетельствующую о незаурядном таланте Мичерлиха.

Упоминая о социальной критике Х. Э. Рихтера, нельзя обойти вниманием его вклад в изучение современной семейной динамики и терапии. Именно он вместе с Гельмом Штирлином применил психоанализ в семейной терапии уже в 1963 году и описал этот опыт в своей лучшей, на мой взгляд, книге «Родители, дитя и невроз». Позднее он опубликовал ряд своих исследований, в числе которых следует отметить «Пациент и семья» (1970) и «Семья и душевная болезнь», явившееся итогом его совместной работы с Гансом Штроцка и Юргом Вилли. Менее известны другие его работы, например, ориентированное на психосоматику исследование «Сердечный невроз» (1969), а также исследование по проверке психоаналитической информации посредством специальных тестов, составленных на основе теории и практики психоанализа. Оба исследования были проведены в соавторстве с Дитером Бекманном. В 1972 году был испытан т. н. Гисенский тест, о практическом значении которого группа Х. Э. Рихтера составила объемистый доклад: «Сведения, полученные Гисенским тестом» (1979).

Вольфганг Лох — в отличие от Александра Мичерлиха и Хорста Эбергарда Рихтера — ограничил свою деятельность психоанализом, о чем свидетельствует, в частности, его докторская диссертация «Предпосылки, механизмы и границы психоаналитических процессов» (1965). В ней он развивает такие важные понятия психоанализа, как сопротивление, перенос, толкование, мотив, контрперенос и механизмы психоаналитической интерпретации Кроме того, он выявляет границы терапевтических функций. Вольфганг Лох — замечательный теоретик немецкого психоанализа, хотя его усеянные философскими цитатами сочинения написаны на таком уровне, что большинству психоаналитиков очень нелегко применить их на практике. Вклад Вольфганга Лоха в психоанализ представлен тремя книгами: «О теории, технике и терапии психоанализа» (1972), «О понятиях и методах психоанализа» (1972) и «Перспективы психоанализа» (1986).

Лично я высоко ценю его выступления в защиту гипотезы о взаимосвязи фрустрации и агрессии, которая позволяет гораздо лучше понять патогенез и структуру депрессивно - психотического состояния, чем гипотеза об изначальном инстинкте агрессии или смерти (1967). Не менее важны и его опыты по применению психоанализа в широкой медицинской практике,

которыми он занялся вслед за Балинтом, оказавшим на него заметное влияние (1969). Следует упомянуть, что особое внимание он обращал на роль и функции наставника и учителя в процессе взросления детей (1974), что позволило левым радикалам «заподозрить его в консерватизме. Последние работы Вольфганга Лоха об отношениях психоанализа и истины, об инстинкте и объекте, о коммуникации, языке и переводе, а также о проблемах смысла, в сущности, понятны только специалистам (1986). Мудрость жизненного опыта сгущена в них философскими и психоаналитическими размышлениями , что очень затрудняет чтение. И все же я не перестаю радоваться, когда он обогащает научные дискуссии своими проницательными аргументами, философской эрудицией, остроумными суждениями и афоризмами.

Совсем другая фигура — Гельм Штирлин, подобно Вольфгангу Лоху ориентированный в сторону философии и воспитанный на произведениях Карла Ясперса, Альфреда Вебера, Александра Мичерлиха и Виктора фон Вайцзекера. Хельм Штирлин долгое время провел в США, в Честнат-Лодж, где с 1957 по 1962 год изучал опыт психоаналитического лечения психозов. Он написал книгу «Конфликт и примирение» (1969), в которой увязал философию с психоаналитическими аспектами шизофрении. Заметную роль в его научной работе сыграли контакты с учеными группы, известной впоследствии как группа Пало-Альто: Грегори Бейтсон и др. После многолетней научной работы в Национальном институте психического здоровья в США он вернулся в ФРГ, чтобы занять в Гейдельберге специально учрежденную для него кафедру фундаментальных психоаналитических исследований и семейной динамики.

Однако он более известен не как психоаналитик, а как исследователь в области семейной динамики и терапии, о чем свидетельствуют его книги «От психоанализа к семейной терапии» (1975) и «Первый семейный разговор» (1978), написанные им в сотрудничестве со своими учениками Ингеборгом Рюкер-Эмбденом, Норбертом Вецелем и Михаэ-лемВиршингом. Я с неизменным интересом слежу за научной деятельностью Штирлина, хотя н сомневаюсь в том, что комбинация его системно-теоретических и психоаналитических подходов позволяет выявлять в семейной динамике, не только непосредственно наблюдаемое взаимодействие («интеракции»), но и бессознательные фантазии. Защищенная во франкфуртском Институте психоанализа диссертация Михаэля Бухгольца (1982) подтверждает это мнение.

Немецкую психоаналитическую школу обогатили и научные вклады Клеменса де Боора и Гельмута Томэ: оба сотрудничали в прошлом с Мичерлихом, оказавшим на них сильнейшее влияние, оба работали на основанном де Боором при финансовой поддержке фонда Рокфеллера психосоматическом отделении Гейдельбергского университета. Они последовательно применили психоанализ к лечению таких психосоматических болезней, как астма (1965) и нервная анорексия (1961). Мичерлих оказал немалое влияние на своих многочисленных коллег, впоследствии проявших себя в психоанализе.

В то время как поздний последователь Мичерлиха — Клеменс де Боор — вошел в руководство Института Зигмунда Фрейда и приложил все усилия для интеграции психоанализа в медицину, (за что его упрекали леворадикальные группировки, хотя это вполне соответствовало духу Мичерлиха), Гельмут Томэ создал отделение психотерапии и психоанализа в только что основанном Ульмском университете. В 1981 году он переиздал свои статьи о практике психоанализа под названием «От пассивного психоанализа к активному». По

его мнению, психоаналитик вовсе не является пассивным участником аналитического процесса, своего рода «зеркалом», отражающим психическое состояние анализируемого, а напротив, занимает вполне определенную позицию, осознает свою власть и не боится допускать ошибок на пространстве переноса и контрпереноса, выявляя с их помощью содержание бессознательного.

Гельмут Томэ и Хорст Кэхеле, преодолевая возражения руководства Института Зигмунда Фрейда, применили такой эмпирический метод, как механизированный анализ содержания в психоанализе, для чего делали магнитофонные записи не только отдельных психоаналитических интервью, но и психоаналитического процесса в целом и, используя колоссальный банк данных, исследовали тему страха. Это стало возможным благодаря тому, что Немецкое исследовательское общество щедро поддержало новый вид эмпирического исследования как особую область исследований (как в свое время поддержало идею создания Гисенского теста). Многолетняя работа Гельмута Томэ и Хорста Кэхеля увенчалась выходом в свет первого тома двухтомного «Учебника психоаналитической теории». Вышедшего в 1985 году одновременно на немецком и английском языках. В первом томе подвергаются критической проверке такие важнейшие психоаналитические понятия, как перенос, отношение, контрперенос, сопротивление, толкование сновидений. Исследуется сущность первичного интервью, действенность психоаналитических правил, а также выявляются средства, пути и цели психоанализа.

Немецкий психоанализ представлен не только выдающимся учеными, но и талантливыми литераторами. Среди них — Тилман Мозер, который рискнул свести воедино свое знакомство с психоанализом («Учебные годы на кушетке, фрагменты моего психоанализа») – 1974. И личную юношескую травму, вызванную ханжеским воспитанием (1976) и детские обиды: его книги «Грамматика чувств. Необходимые сведения о первых годах жизни» (1979), «Этапы близости. Пособие для влюбленных» (1986) и «Первый год. Психоаналитическое лечение» (1986) — красноречивое тому свидетельство. В своих последних публикациях Тилман Мозер критически рассматривает ограничения телесных контактов, постулированные в психоанализе. Он идет здесь настолько далеко, что не боится нарушить это табу психоанализа, дабы продемонстрировать своим пациентам, необходимость приятных прикосновений (1986, С. 164): «Слова опасны, поскольку питают ложное Я. Молчание ... может стать пропастью. Только телесный контакт способен наводить мосты между людьми».

Цюрихский психоаналитик Алиса Миллер относится, конечно, не к немецкому психоанализу, а к немецкоязычному; но я не могу обойти ее вниманием хотя бы по причине ее влияния на поколение студенческого движения. Ее книги «Драма одаренного ребенка и поиск истинного Я» (1979), «Сначала было воспитание» (1980) и «Ты не должен чувствовать. Вариации на тему рая» (1981) оказали сильное воздействие на многих, даже настроенных против психоанализа читателей. В отличие от теории влечений Фрейда Алиса Миллер не выдвигает на первый план бессознательные желания и поступки детей, а, напротив, в духе теории травмы уделяет особое внимание тому многочисленному и разнообразному вреду, который причиняют детям их бессердечные родители и от которого дети постоянно страдают. В этой

перспективе Алиса Миллер обобщает работы Гейнца Когута и Дональда В. Винникота и как последовательный защитник ребенка сосредоточивается на страданиях заброшенного, презираемого, беспомощного и беззащитного ребенка, воздавая при этом должное и чувству вины, присущему некоторым отцам и матерям. Ортодоксальные психоаналитики резко критиковали Алис Миллер за ее отказ от теории влечений. Современный официальный психоанализ почти не обращает внимания ни на нее, ни на ее книги. Несмотря на это, влияние Алисы Миллер на студенческую молодежь по-прежнему велико.*

---

*По мнению Алис Миллер (личное сообщение от 14.07.1988), причислять ее к психоаналитикам — значит вводить читателей в заблуждение. Она совершенно отошла от психоанализа, и объясняет причины этого в книге «Изгнанное знание» (1988). Она упрекает Фрейда в том, что он «изменил» правде о жестоком обращении с детьми. Три первые ее книги все же дают право причислить ее к величайшим психоаналитикам современности.

Совсем иначе работает в Цюрихе Ульрих Мозер — еще один представитель немецкоязычного психоанализа, член Швейцарского психоаналитического объединения, являющегося филиалом Международного психоаналитического объединения. Ульрих Мозер, находился сначала под влиянием анализа судьбы Шонди и написал книги «Психология выбора профессии и профессиональных расстройств» (1953), «Психология выбора партнера» (1957), позднее занялся «защитными механизмами» (1964), и, став руководителем отделения клинической психологии Цюрихского института психологии, полностью посвятил себя исследовательской работе. В сотрудничестве с Ильей фон Цеппелином он использовал знание и возможности информатики для того, чтобы используя компьютеры воспроизвести психические процессы и осуществил новое исследование, которое, выглядит многообещающим даже для тех, кто не знает теории информации. Использование теории информации позволяет эмпирически проверить гипотезы психоанализа о происхождении и переработке страха, о защите и защитных механизмах, а также гипотезу о переработке и смысле травмы. Сообщения с отделения клинической психологии подтверждают плодотворное междисциплинарное значение этого открытия.

В молодые годы Теа Бауридл не состояла в Немецком психоаналитическом объединении, а была членом Немецкого психоаналитического общества и Мюнхенской академии психоанализа и психотерапии. В германоязычных странах о ней говорили: она объединяет психоанализ и семейную терапию под названием «Анализ взаимоотношений» (1980) и продолжает разрабатывать возникший еще в 1968 году, во времена студенческого движения, «диалектико-освободительный принцип», продолжая оказывать влияние на леворадикальных психотерапевтов Германии. Подобно Хорсту Эбергарду Рихтеру она рассматривает психоанализ как способ сообщить обществу о возможности личного и социального освобождения. В двух следующих книгах «Психоанализ без кушетки. О теории и практике психоанализа» (1985) и «Возвращение вытесняемого. Психоанализ, политика и одиночка» (1986) Теа Бауридл пишет, что ортодоксальный психоанализ с его кушеткой и сидящим позади кушетки психоаналитиком («закушетным аналитиком», по выражению Тилмана Мозера) будет преодолен, что кризис будет понят как шанс, а способность к конфликту — как способность к

примирению. Психологические консультанты примут участие в политической жизни, а психоанализ станет политической наукой, достижения которой, как еще до Бауридл говорил Клаус Хорн, будут применяться исключительно в политических целях — во имя раскрытия революционного потенциала.

В согласии с идеей Марио Эрдгейма об «общественном производстве бессознательного» (1982) Теа Бауридл считает возможным сделать бессознательные психические процессы общества такими же явными, как и бессознательные психические процессы индивидуума. И таким образом разрешить главную проблему политики — проблему насилия (включая гонку вооружения), определяя ее как симптом коллективной мании величия, которую можно преодолеть. Эта точка зрения ввиду общественных процессов, не сводимых, разумеется, к взаимоотношениям господствующих и подчиненных, является довольно спорной. Тем не менее, я согласен с Теа Бауридл в том, что в задачи психоанализа входит анализ бессознательных компонентов общественных процессов. Для этого необходимы, однако, знания в самых разных областях социологии и политических наук, позволяющих получить точное представление о том, как, например, демократия в ФРГ выигрывает от распределения власти между законодательным парламентом, правящей исполнительной властью и средствами массовой информации как «четвертой властью».

Последняя по порядку, но не по значению в этом списке — Маргарет Мичерлих-Нильсен, выдающаяся представительница психоанализа послевоенной Германии. Сначала она работала под руководством своего мужа Александра Мичерлиха, наблюдая за психосоматическими и психоневротическими пациентами и обучая будущих психоаналитиков в Гейдельберге и Франкфурте. Здесь я провел под ее руководством психоаналитическое лечение, в течение которого очень многому научился. Огромное удовольствие доставляло слышать, как Александр и Маргарета Мичерлих вели высоко интеллектуальные и конструктивные споры о том, как правильнее толковать те или иные аспекты работ Фрейда. После смерти Александра Мичерлиха в деятельности Маргареты Мичерлих-Нильсен прозвучала, на мой взгляд, слишком резкая нота: она стала сотрудничать с Алисой Шварцер, обратившей на себя внимание своей феминистской книгой «О маленьком различии и его великих последствиях. Женщины о себе, начало освобождения» (1975). Позднее Маргарет Мичерлих-Нильсен стала движущей силой издания и распространения полемического сочинения «Неприятное в психоанализе» (1983), в котором такие неизвестные прежде авторы, как Марио Эрд-гейм, обвиняли психоанализ во лжи и неискренности, Пауль Парин и Голди Парин-Маттей бичевали безответственную власть психоаналитиков, а Гельмут Дамер клеймил клинически ориентированный психоанализ как «запуганный психоанализ». Я по-прежнему очень высоко оцениваю вклад Маргарет Мичерлих-Нильсен в психоанализ на протяжении ее «психоаналитического периода». Куда можно отнести «Особенности лечебной техники для невротических пациентов» (1961— 1962), «Проблемы психоаналитической техники в отношении пассивнофемининной эмоциональной установки у мужчины» (1962—1963), «О фантазиях избиений и их проявлении при переносе» (1965), а также предъявленные ею высокие критерии допуска к психоаналитическому обучению (1970). Не меньшего внимания заслуживает и ее критика взглядов Фрейда на развитие женской сексуальности и идентичности

(1971, 1975, 1978). Что же касается ее новых публикаций — «Миролюбивая женщина» (1985) и «Работа памяти» (1987) — то я невольно задаюсь вопросом, не отказалась ли она от уравновешенной психоаналитической позиции в пользу однозначных партийных интересов феминизма? Ко всему прочему, она пылко критикует Немецкое психоаналитическое объединение, которое, по моему мнению, не заслужило столь деструктивной критики, поскольку оно, о чем свидетельствуют дискуссии на совещаниях и встречах членов объединения, и само отлично видит опасности академического психоанализа.

1. Немецкое психоаналитическое объединение переосмысливает нацистское прошлое

Очень высоко я оцениваю усилия Маргарет Мичерлих-Нильсен, направленные на выявление роли психоанализа во времена национал-социализма. В этой связи можно назвать также книги Ганса Мартина Дохмана «Психоанализ и национал-социализм. Усилия по преодолению непреодолимой травмы» (1984) Регины Локот «Воспоминания и заметки. К истории психоанализа и психотерапии во времена национал-социализма» (1985). Эти публикации помогли немецкой психоаналитической группе ощутить сохранившуюся и поныне травму нацистского прошлого. Помимо всего прочего сохранению этой травмы способствовало и то, что на совещании Международного психоаналитического конгресса 1977 г. в Иерусалиме было отклонено предложение провести следующий психоаналитический конгресс в Германии. Это означало, что подобная заявка — преждевременна, что с нацистским прошлым еще не покончено и что именно этим необходимо заняться в первую очередь. Члены Немецкого психоаналитического объединения очень интенсивно работали в этом направлении , не знали к себе жалости и не пытались избежать стыда и вины. В результате, произошли заметные перемены, которые не остались незамеченными иностранными представителями, и поднятый в 1979 году в Нью-Йорке вопрос о проведении Международного конгресса 1985 года в Гамбурге был решен положительно. Несомненно удачнее, чем два года назад, в Иерусалиме, была сформулирована и сама заявка тогдашнего председателя Немецкого психоаналитического объединения. Он сказал: «Нам известно об амбивалентных чувствах многих из вас и мы их уважаем». Требовалось публично сказать о чувствах тех психоаналитиков, которые, спасаясь в 30-е годы от преследования нацистов, эмигрировали главным образом в США.

2. Значение психоанализа для педагогики, философии и богословия

Отстранение от больничного ухода (смотри приложение «Упорядочение больничных касс») не помешало таким заслуженным психоаналитакам, как Гюнтер Биттнер и Алоиз Лебер, с успехом применить психоанализ в педагогике. Не менее активны были и проявляющие интерес к психоанализу социологи, которые на отделении общественных наук Франкфуртсокго университета вонзили в современное общество «жало Фрейда» (1980).

Психоанализ подтолкнул таких значительных философов, как Юрген

Хабермас (1968), к конструктивной интеграции философской герменевтики и психоанализа. Рольф Денкер в Тюбингене использовал потенциал психоанализа для своей работы «Объяснение агрессии, или образ Я как чужеродная схема. Статьи по философии от Канта до Блоха» (1985).

Таким образом, психоаналитическая сцена в Германии вовсе не ограничивается, как утверждают авторы «Полемического сочинения» (Мичерлих-Нильсен и др., 1983), областью медицины. Его влияние столь же сильно ощущается в социологии, политэкономии, педагогике и философии; достаточно вспомнить выдающиеся произведения «Авторитарный характер» Адорно, Френкеля-Брунсвика, Левинсона и Сан-форда (1956), или «Социальные аспекты психоанализа» (1972) Игоря Карузоса. «Либидо и общество, изучение Фрейда и Фрейдовой левизны» (1982) Гельмута Дамерса. Книги Герберта Маркузе, особенно, «Эрос и цивилизация» (1955), пспхоаналитически ориентированное понимание Норбертом Элиасом исторических процессов или забытые сегодня попытки совместить психоанализ с марксизмом, собранные в двух книгах «Аналитической психологии» Гельмута Дамера (1980) и в двух томах «Марксизм — психология — сексуальная политика», изданных в 1970 году Х. П. Генте.

Сегодня нет практически такой области, которая не подверглась бы влиянию психоанализа.

Так, в 1972 году Йорик Шпигель, занимающийся богословием, выпустил «Психоаналитическое толкование библейских текстов», а в 1978 году в книге под многозначительным названием «Дважды ясно» осветил глубинный смысл библейских текстов, как богословским, так и психологическим методами. Критика религии З. Фрейдом нашла себе, благодаря Иоахиму Шарфенбергу в евангелическом (1968) и Гансу Кюнгу в католическом лагерях (1987), критически мыслящих экзегетов, которые поняли, как применять психоанализ Фрейда для разъяснения богословских вопросов, полностью отказавшись от возможности его практического применения в форме «clinical pastoral training» (Becher, 1972).

3. Психоанализ в университете — шансы для взаимных инициатив

Гаральд Леопольд-Левенталь — родом из Вены, колыбели психоанализа,— издал в 1987 году пособие по психоанализу. В юбилейном сборнике в его честь под названием «Психоанализ сегодня» были опубликованы многие его статьи по психоаналитической теории и практике, мышлению и речи, по проблемам современности, отраженным в зеркале психоанализа. В октябре 1987 года Леопольд-Левенталь проводил первые Фрейдовские чтения, организованные Институтом Зигмунда Фрейда и Институтом психоанализа Франкфуртского университета. Тем самым психоанализ был введен в университет и занял достойное место в академической жизни наравне с медициной, социологией, педагогикой и психологией. Это был вызов обеим сторонам: психоанализу — заново проверить и объективизировать психоаналитическую теорию и практику в конструктивной междисциплинарной работе с использованием методов других наук; другим наукам (включая филологию и литературу) — попытаться, используя психоаналитический метод,

проанализировать и истолковать то, что не поддается методам данной науки. Имеются обширные психоаналитические интерпретации художественной литературы, выполненные, в частности, Петером Детмерингом. Сюда же можно добавить психоаналитические исследования Герхарда Даля о «Смерти Вергилия» Германа Броха (1974), книгу Жана Лапланша «Гельдерлинге и поиски отца» (1975). Многочисленные психопатографии, предметом анализа в которых становятся, например, драмы Августа Стриндберга, романы Оноре де Бальзака, баллады Конрада Фердинанда Мейера, «Смерть в Венеции» Томаса Манна и болезнь Флобера, доказывают возможность плодотворного психоаналитического истолкования литературы. Филология и литература обращают на это самое серьезное внимание (1975).

С другой стороны, перед психоанализом стоит вопрос о критическом изучении его другими науками, например, лингвистикой или (как во Франкфурте) психологией и социологией. Психоанализ не должен при этом опасаться конструктивной критики со стороны других наук, если те, в свою очередь, способны довериться психоанализу. Социолог Ульрих Эверман (1976) говорит о «скрытых смысловых структурах», а лингвист Гисберт Кезелинг (1983) — о «скрытых речевых структурах». Такие ученые, как Конрад Элих (1980) и Дитер Фладер (1982), проводя лингвистические исследования психоаналитических интервью и текстов группы Балинта, выясняют, что бессознательные процессы имеют решающее значение не только при лечении, но и в обыденной жизни; вот то конструктивное сотрудничество, которое позволяет ожидать внушительных результатов.

Совместная работа психологов и психоаналитиков, напротив, оставляет желать много лучшего. В США Мэтью Х. Эрдели (1985) ввел психоанализ в академическую психологию в виде «психологии познания». Одна за другой в психологии появляются новые работы, в которых (порой неумышленно) давно известные психоанализу сведения преподносятся как открытия. В качестве примера (среди множества подобных работ) можно назвать статью о «покинутых мужьях» («Психология сегодня». 1988 _ 4.), в которой описываются давно уже известный психоанализу факт, а именно, что покинутые женами мужья ищут у своих матерей потерянную любовь и чувство семьи. В Саарбрюкене Райнер Краузе путем изощренного эксперимента заново проверил психоаналитическую концепцию переноса и контрпереноса и достиг, таким образом, конструктивного вклада в сотрудничество психологии и психоанализа (1988). Во Франкфурте подобные возможности для взаимоотношений используются довольно односторонне. Психоаналитики при поддержке научных сотрудников применяют определенные психологические тесты в том числе франкфуртскую шкалу «представления о себе» (1986) — в своих исследованиях группового процесса (1985) и природы процесса психосоматического (1988). Психологи же, за редким исключением, пренебрегают возможностью получить неочевидные сведения посредством психоаналитических «интервью» (см. Главу VII).

IV. ПСИХОАНАЛИЗ НА ФОНЕ НАУКИ

1. Является ли психоанализ наукой?

Используя дерево психоаналитического познания, мы проследили развитие психоанализа на протяжении десятилетий, прошедших после его открытия Фрейдом, вплоть до современной ситуации в ФРГ. Настало время обсудить нередко поднимаемый вопрос о научности психоанализа. Как уже отмечалось во вступлении, наука неоднократно отрицала психоанализ. Если психоанализ включают в университетской программе в раздел медицины, социологии или психологии (как во Франкфурте), то ему отводят разве что вспомогательную роль и воспринимают его с недоверием как науку очень сомнительную. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует представить себе общую панораму наук и отыскать в ней положение той или иной науки. Для этого зададим себе несколько научно-теоретических вопросов: Как устроены отдельные науки по методу, теории и практике? Чем они отличаются друг от друга? В чем состоит общее и на чем основано различие?

Сначала в университете преподавали только признанные церковью науки. Изучая которые школяры, тогдашние студенты, постигали грамматику, риторику, диалектику, математику, логику, физику, метафизику, этику, политику, астрономию и геометрию. Позднее стали готовить художников, юристов, медиков и богословов. Сегодня только во Франкфуртском университете насчитывается 21 факультет, на которых можно получить специальность как по гуманитарным, так и по естественным наукам. К первым относятся социология, педагогика, психология, богословие, история, классическая филология, современная филология и искусствоведение. Ко вторым — математика, физика, химия, биология, география, геология и медицина. Двадцатый факультет — информатика, двадцать первый — физкультура и спорт.

Я могу быть экспертом лишь в определенной науке: в ней я хорошо во всем ориентируюсь, могу все сам проверить. Что касается других наук, то я полагаюсь на утверждения моих коллег с других факультетов. Физик продемонстрирует мне с помощью электронного микроскопа, как выглядит микроструктура клетки, объяснит, что такое модель атома. В лучшем случае, я используя логику и здравый смысл, пойму его объяснения, в худшем — поверю представителю другой науки, что то, что он объясняет на основании своих методов и теории, соответствует действительности. При этом возникнут дополнительные трудности в понимании специального языка другой науки, поскольку я не знаком ни с определениями понятий, ни с методами исследований, ни с объемлющей их теорией.

Все ученые говорят, однако, на обычном языке. Если бы они взяли на себя труд и перевели свой специальный язык на обычный, тогда понимание стало бы возможным. Сложные понятия специального языка утратили бы свою загадочность. Об этой возможности свидетельствуют многочисленные научно-популярные издания. При этом существует, конечно, опасность упрощения, которой подвергаюсь и я. В каждой науке имеются положения, многозначность которых вряд ли выразима обычным языком. Особые методы исследований и

сложные теории не удается перевести на обычный язык без смысловых потерь. В таких случаях я могу верить свидетельству ученых, а могу и не верить. Если я им не верю, то, по большому счету, у меня остается возможность самому изучить соответствующую науку, т. е. научиться самостоятельно применять ее методы, чтобы независимо от других проверить, можно ли с помощью методов этой науки повторно обнаружить те или иные данные или нет.

Выразим это образно: в «ландшафте» различных наук я могу исследовать неприступную гору, лишь используя необходимое снаряжение, чтобы затем, как Вильгельм фон Гумбольдт, с помощью сектанта изготовить карту, но с этим снаряжением мне не удастся осуществить подводные исследования. Понятно, что без тренировки и обучения мастерству погружаться в неизвестные глубины нельзя. Впрочем, кое-какие возможности познакомиться с подводным миром есть и у ныряльщика-любителя без специального снаряжения: ему нужны только здоровые дегкие, подводная маска и дыхательная трубка. Читатель уже догадался, к чему я клоню.

2. Различие между естественными и гуманитарными науками

Все науки собирают знания и посредством публикаций в журналах и книгах делают их доступными широкой общественности. Предметом знаний считаются достоверные явления, т.е. те, что происходят при определенных условиях неизменно и действительно что-то объясняют, а не наблюдаются случайно. Всему должны предшествовать систематические исследования, в которых гипотезы проверялись бы при помощи определенных методов. В первую очередь это возможно в естественных или точных науках. В них формулируются номотетические законы, например, закон тяготения, когда после множества проведенных опытов делается вывод , касающийся общих закономерностей. В широком смысле можно говорить об эмпирических науках, т. е. о науках, данные которых опираются на опыт и, следовательно, на наблюдение. Если наблюдениям соответствуют точные показания, то мы говорим о точных науках, выводы которых оформляются в так называемых протоколах. Требующее объяснения положение вещей, таким образом, определяется через объясняющее положение вещей. За основу берется показание, отнесенное только к одному случаю. Если это показание подтверждается при повторных исследованиях, оно становится выводом из всеобщей закономерности. Следуя т. н. схеме Гемпеля-Опенгейма, мы используем «гипотезу о законе», которая при определенных обстоятельствах должна логически объяснить положение вещей так, что «объясняемое» действительно будет объяснено посредством «объясняющего», в виде возобновляемых исследований по новой проверке закономерностей.

Интерпретационные науки

В гуманитарных науках такого рода исследование невозможно. Будучи идеографическими дисциплинами они описывают только частное в его совершенном своеобразии, например, определенную историческую эпоху или поведение отдельной личности. Подобные явления мы уже не станем — как в случае естественных наук — считать и измерять, а напротив, займемся

отдельной личностью, попытаемся достичь эмпатии, чтобы понять, как она думает, чувствует и действует.

Гуманитарные науки имеют дело не с измеримой вещественностью природы, а с изменчивыми субъективными переживаниями и индивидуальным душевным складом человека. В соответствии с предметом их изучения — духовно-психическим образом — их метод является не объясняющим, а понимающим, истолковывающим, интерпретирующим. Мышление связано с интерпретацией произведения искусства или литературного текста. Наша цель — обнаружить, что хотел сказать художник, понять стоящий за строками текста смысл или сокровенное сообщение, которое скрыто за явно изображенным на картине. В этой работе принимают участие наша интуиция, фантазия, способность сопереживать и способность «входить» в текст, пластику или живописное полотно, что является важным условием для того, чтобы неочевидное сделать очевидным. Нагляднее всего это проявляется на примере изобразительного и драматического искусства.

Художник творчески и образно работает, побуждаемый силой своего воображения. Выражение сознательно пережитой реальности придает его произведению индивидуально-субъективный характер: это касается равным образом и художника, и зрителя. Только при условии общего исторического понимания можно понимать художественное произведение, причем, импрессионистическая и экспрессионистическая живопись демонстрирует нам, что субъективная реальность не всегда точно соответствует реальности объективной.

В литературоведении, а прежде всего в философии тоже занимаются интерпретацией, истолкованием. Большинство текстов этих наук истолковывают стихи, рассказы и романы, интерпретируют мифы и реальность (1976). При этом учитывается, какую именно информацию для людей как существ родовых несут в себе мифы: интерпретация становится, таким образом, учением о смысле (1972) или истолкованием знаков (Eco, 1972).

Герменевтика и феноменология

Мы оказались в области гуманитарных наук, которые, в отличие от естественных наук, не поддаются точным измерениям, но к объективной реальности которых нам удастся приблизиться посредством нашего субъективного понимания. Это вовсе не значит, что научный характер гуманитарных наук берется нами под сомнение,— просто мы имеем дело с двумя разными научными парадигмами. В гуманитарных науках нередко удается довольно точно описать те или иные процессы. С другой стороны, в естественных науках многие процессы описываются лишь приблизительно, как в современной атомной физике лишь с определенной вероятностью. Зачастую физик вынужден прибегать к образности описывая, например, свойства электронов то как волну, то как частицу. История интерпретирует дошедшие до нас источники, изучая, допустим, образ жизни какого-то народа в глубокой древности. Однако источники могут склонять к ошибочным умозаключениям, поскольку толковать их можно по-разному. Скажем, название улицы «Брандтштрассе» можно объяснить тем, что в этом названии увековечили имя бывшего Канцлера Брандта. Однако не исключено, что имейся в виду Брандт — бывший бургомистр какого-то маленького городка, или название улицы просто

намекает на то, что много лет назад здесь случился большой пожар, или лес на этом месте были расчищен посредством выжигания. Убедительность той или иной интерпретации подтверждается или опровергается дальнейшими исследованиями — изучением источников, раскопками и т. д.

Во всяком случае предположительная интерпретация должна быть уточнена соответствующими доказательствами. Неопределенные поначалу заключения могут получить после новых раскопок изобилие вполне законных с научной точки зрения подтверждений. Их следует однако подтверждать в дальнейшей исследовательской работе, чтобы Можно было ручаться за их «объективность».

В арсенал гуманитарных методов наряду с герменевтическим входит феноменологический метод. Феноменология — в широком смысле слова— это учение о «феноменах», т. е. о явлениях в том виде, в каком они предстают нашим чувствам. В узком смысле слова феноменология — это основанное Гуссерлем философское течение. Оно занимается феноменами, которые исследуются как данные сознания, как сущности и как смысловые связи. Многочисленные представители феноменологической школы через непосредственное созерцание и интуицию стараются — и это сближает их с герменевтикой — прийти к знаниям, которые проистекают из непосредственного переживания и устремлены к целостности, смыслу и экзистенциальному пониманию. При этом наша фантазия и склонность создавать в психике представление о вещи используются так же интуитивно, как и сами возникшие фантазии, которые подвергаются аналитической проверке в соответствии с их собственной логикой.

Феноменология, таким образом, не является отбросившим всякое теоретизирование созерцанием. Она — определенный метод рефлексии, который подводит под непосредственное созерцание и интуицию критический фундамент. Чтобы понять человека, недостаточно проникнуться его чувством, допустим, несчастной любви и вызванного ею страдания, вспомнив при этом свою собственную любовь. Мы должны снова и снова перепроверять, поняли ли мы на основе нашего личного воспоминания то чувство, которое испытывает другой. В противном случае, легко возникают всевозможные недоразумения, для избежания которых необходимо постоянно возвращаться к критической позиции.

В герменевтике (толкователь, разъясняющий) все обстоит точно так же. Если я знаком с ситуацией, о которой мне рассказывает другой, я могу сказать: «Ага, так вот что ты чувствуешь!» Иногда для этого необходимы подробные рассказы, точно описывающие испытанные переживания. Простое по обстоятельствам событие, например, автомобильную аварию с легкими повреждениями, можно без труда понять из короткого описания; напротив, сложные супружеские проблемы, трудности в воспитании детей, запутанные семейные ситуации без дополнительной переработки понять невозможно. Еще труднее понять человека, рассуждающего о самоубийстве, пребывающего в состоянии глубокой депрессии, или того, кто говоря попростому, «сдвинулся», а выражаясь психиатрически, страдает шизофренией.

Тем не менее, если мы достаточно терпеливы для того, чтобы внимательно слушать, замечать полутона и действительно стараемся понять, что произошло с другим, мы сумеем выявить скрытую подоплеку непонятного прежде поведения. При этом мы должны методом проб и ошибок снова и снова

высказывать свои догадки, и посредством заданных собеседнику вопросов проверять, соответствуют они реальности или нет. Тем самым мы оказываемся в знаменитом герменевтическом круге, где наше предварительное понимание вводит нас в ситуацию собеседника. Понимание себя и понимание другого начинают взаимодействовать и приводят в конце концов к адекватному пониманию жизненной ситуации другого.

Способности герменевтического понимания индивидуально различны: если один без труда схватывает смысл современного стихотворения, то другому это не удается; один наслаждается, слушая классическую музыку, другой больше любит современную. Кто-то с большой легкостью понимает алкоголика, кто-то — невротика или находит общий язык с психически больным. Здесь есть свои границы — границы восприятия, понимания, чуткости, переработки восприятия, вкупе с опасностью ошибочных умозаключений, которые при герменевтическом методе обычно возникают тогда, когда истолкование дается слишком рано, то есть когда пренебрегают необходимостью долго и интенсивно входить в ситуацию другого.

Научная теория

В научно-теоретической перспективе мы рассматриваем «ландшафт» наук извне, подобно тому как Землю наблюдают со спутника. Попробуем рассмотреть науки с научно-теоретической точки зрения и разделим их на номотетические, т. е. устанавливающие законы, и идеографические, т. е. подробно описывающие отдельные случаи. Научная теория различает применяемые в отдельных науках методы, которые она описывает и сравнивает. Точно так же можно описать теории отдельных наук и сравнить их по степени логической обоснованности, непротиворечивости и способу происхождения.
Особое научно-теоретическое значение имеет возможность проверять и подтверждать выводы, констатируемые той или иной наукой. В идеальном случае выводы, добытые одним ученым, при применении тех же методов другими учеными, остаются прежними. Однако быстро выясняется, что, например, в современной физике, при исследовании одних и тех же явлений одними и теми же методами, вряд ли удастся прийти к одним и тем же выводам, поскольку за разделяющее эти исследования время может измениться не только предмет исследования, но и эти методы и даже сам исследователь.

Кроме того, наблюдаемые феномены могут восприниматься по-разному: один исследователь называет определенный промежуток цветового спектра зеленым, а другой — именует его голубым. Одно и то же высказывание будет по-разному восприниматься и толковаться разными исследователями. Чтобы избежать подобных недоразумений, изучаемые понятия должны быть операционально определены таким образом, чтобы в любом случае было понятно, о чем идет речь. Пример замечательного операционального определения — понятие «остров». Остров — это часть суши, окруженная водой или часть суши, которую можно обогнуть на лодке.

Такие сложные феномены, как любовь, точному определению без тех или иных оговорок не поддаются. В попытке дать точное определение этому феномену заключается большая опасность, ибо любое операциональное определение делает феномен любви слишком поверхностным (в количественной психологии, например, величина любви определялась частотой

поцелуев или продолжительностью «поглаживаний»).

Интроспективная сторона феномена любви в этом случае вряд ли будет определена. Большинство эмпирических социальных исследований и исследований в экспериментальной психологии проводятся именно так: наблюдаемые стереотипы поведения точно описывают, по возможности рассчитывают и фиксируют на киноленте. В результате возникает обилие статистических сведений, которые, распределенные по таблицам, оседают в бесчисленных дипломных работах, диссертациях и монографиях. Эти сведения позволяют выявлять отдельные закономерности, например, что определенный процент людей после автомобильной аварии или специального психологического эксперимента ведет себя именно так, а не иначе. Естественные для здравого смысла и ожидаемые способы поведения становятся, таким образом, научными категориями.

3. Освобождающие науки

Прежде чем перейти к психоанализу, я хочу упомянуть еще одно научное направление, которое находится между нередко обвиняемыми в позитивизме эмпирическими науками и гуманитарными науками, а именно критическую теорию Франкфуртской школы, связанную с именами Адорно, Хоркгеймера и Хабермаса. «Критическая теория» не довольствуется нейтральным коллекционированием сведений, а понимает исследование как просвещение и критику господствующих общественных отношений. Она использует методы феноменологии и герменевтики и, как и они, пытается глубоко и обстоятельно разъяснить индивидуальные события, но, будучи критической, постоянно учитывает воздействие на человека со стороны тоталитарного общества. Тем самым «критическая теория» оказывается чем-то третьим, находящимся между естествознанием и гуманитарными науками, а именно — освобождающей наукой, которая, вполне в духе Просвещения, не только анализирует и постигает смысл исторически сложившихся отношений, но и критикует их. После этого она проверяет, становятся ли субъекты свободнее от того, что они делают и имеют ли они возможность освободиться из-под власти и опеки. Или же они занимаются исключительно накоплением знаний, но совершенно не знают (в практическом смысле этого слова) не только своего внутреннего мира, но и внешнего мира социальных структур, деспотических отношений, экономической зависимости и т. д.

4. Позиция психоанализа

Наблюдая психоанализ как бы извне, с научно-теоретической точки зрения, не так-то просто указать его место в системе наук. Порой создается впечатление, что психоанализ, подобно хамелеону, меняет свою окраску.

Следуя психоаналитику Гейнцу Гартманну (1972), психоанализ можно классифицировать как естественную науку. Если его данные, такие, например, как «Вытеснение бессознательного содержания есть причина невроза» или «Отмена вытеснения посредством психоанализа устраняет невроз». Воспринимать как общие закономерности или, как выражаются академические психологи, повсеместно действующие психологические закономерности.

Опираясь на эти критерии, философ Адольф Грюнбаум (1984) делает вывод, что психоанализ пребывает в очень непростом положении.

Но с таким же правом можно поместить психоанализ в ряд идеографических наук, ссылаясь на единственный в своем роде и неповторимый результат каждого отдельного анализа, который не допускает обобщения. Двигаясь в этом направлении, французский философ Поль Рикер (1969) в своей работе «Истолкование. Опыт над Фрейдом» определяет психоанализ как герменевтическую науку.

Другие, например, Альфред Лоренцер (1974), считают психоанализ «критически-герменевтической эмпирической наукой», понимая при этом «эмпирический» не в естественно-научном смысле (как наблюдаемый опыт), а как опыт, проистекающий из косвенным образом раскрываемых переживаний.

В таком случае правильнее было бы назвать психоанализ «наукой переживаний». В более поздней публикации (1984) Альфред Лоренцер открыто говорит об «анализе переживаний». В другой работе (1985) он помещает психоанализ в центр треугольника между социологией, психологией и биологией (см. табл. 3). Я поддерживаю мнение, что в психоанализе переработаны и использованы элементы каждой из этих трех наук — когда речь идет о таком сложном объекте, как человек, иначе и быть не может. В антропологии или, выражаясь современным языком, в науке о человеке дело обстоит точно так же. Здесь собирают и классифицируют данные, показывающие зависимость человека как от биологически данных процессов, так и от разнообразных воздействий общества, исторической эпохи и психологических процессов, возникающих в человеке и между людьми.

Психоанализ — наука о человеке

Психоанализ рассматривает человека не только в трех вышеназванных теоретических перспективах, но и корректирует его отношение к жизненной практике. Это значит, что его не только исследуют методами, идущими извне, но и открывают ему методы, идущие изнутри, применяя которые человек воспринимает себя как субъект. К объектному измерению поддающихся описанию феноменов психоанализ присоединяет субъективный аспект человеческого переживания как результат интроспективного метода. Если принять во внимание еще и освобождающий потенциал психоанализа, то мы получим очень близкую к действительности модель психоанализа.

Психоанализ как герменевтическая и объясняющая наука

Прежде чем предпринять попытку классификации психоанализа, я хотел бы обсудить еще три важные работы, в каждой из которых поднимается вопрос: Какой наукой является психоанализ — объясняющей и отвечающей понятию естественной науки или приближающейся к искусству толкования, т. е. ориентированной герменевтически?

1. Ганс-Юрген Меллер. Психоанализ — объясняющая наука или искусство толкования? (1978).

2. Пит К. Куипер. Заговор против чувств. Психоанализ как герменевтика и естественная наука (1976).

3. Юрген Кернер. От объяснения к пониманию в психоанализе (1985).

Как это уже проделывал психолог Мейнард Перрец (1972), исследователь науки Ганс-Юрген Меллер применяет к психоанализу очень жесткие мерки, ориентированные на естественные науки. Он проверяет, действительно ли психоанализ представляет — в соответствии с упомянутой выше схемой Гемпеля-Оппенгейма — научные объяснения. Если психоанализ это делает, значит он в состоянии не только давать объяснения явления в прошлом, но и высказывать прогнозы, которые впоследствие могут оправдаться. Опираясь на научно-теоретические критерии, Миллер приходит к выводу, что в отличие от теории поведения психоанализ невозможно подвергнуть эмпирической проверке. Таким образом, его следует классифицировать скорее как искусство толкования или герменевтический метод. Меллер на этом не останавливается и задает следующий вопрос: Как можно подтвердить толкование? Для этого Йорг Зоммер в своей новой книге «Диалогические методы исследований» (1987) предложил следующие критерии: критерий соответствия (содержание и выражение сознания должны соответствовать друг другу), критерий связности (истолкования должны быть взаимосвязаны) и критерий практики (истолкование оказывается пригодным в. жизненной практике). Помимо монологического подтверждения истолкования посредством реакции пациента: «Да, так оно и есть! Теперь у меня словно пелена с глаз спала». Сюда добавляется диалогическое подтверждение, заключающееся в том, что партнеры обсуждают в диалоге предложенные истолкования и сходятся на одном из них (критерий согласия).

Два других автора — психоаналитики Пит К. Куипер и Юрген Кернер — решают проблему альтернативы («естественная наука или гуманитарная наука») в пользу принятия обеих альтернатив: «и то, и другое». Это значит: всякая односторонность только во вред. Куипер подчеркивает, что односторонняя естественно-научная ориентация упускает из виду субъективную компоненту «человеческого удела» и жизнь чувств в целом. Поэтому его книга носит название «Заговор против чувств».

Односторонний способ констатирует лишь полуправду. Вместе с тем, Куипер допускает, что в психоанализе существуют и причинные (каузальные) объяснения, когда, например, говорится, что изменение произошло потому, что «пребывание переживания в сознании» оказалось для сознания настолько болезненным, что в конце концов оно не смогло его переносить. При этом, при всех оговорках в отношении каузального мышления, возникает причинно-следственное отношение «если... то...» между «вытеснением» и «проявлением» невротического симптома. Например: если состояние осознания для Я невыносимо, то мысль вытесняется (хотя бы ценой невротического симптома!). Другие примеры такого причинной связки: «Если меня покинет некий важный для меня человек, то я буду грустить», «Если меня будут преследовать, то я обращусь в бегство».

Правда, тяжелые психические обстоятельства не всегда приводят к причинной связи, в смысле линейного причинно-следственного мышления. Согласно Грегори Бейтсону (1972), мы скорее имеем дело с циклическим мышлением, которое обращается во множестве самых разных систем. По этой причине системно-теоретическую локализацию Лоренцером психоанализа в центре треугольника между психологией, социологией и биологией лучше было бы представить в виде пересекающихся окружностей, где область всех трех

систем находится на их общем пересечении, а остальные области соприкасаются лишь с двумя или с одной.

Юрген Кернер поднимает интересный вопрос: Не заменяется ли при психоаналитическом методе герменевтический подход объясняющим методом? Попробую последовательно уточнить его мысль следующим образом: Во время психоаналитического сеанса я поступаю преимущественно герменевтически, а между психоаналитическими сеансами время от времени, словно выпадая из психоаналитического метода, задаюсь вопросом, как связаны между собой герменевтически понимаемые феномены в причинно-следственном отношении. В течение сеанса я слушаю пациента и пытаюсь понять смысл того, что он мне рассказывает, причем изложение и восприятие обстоятельств дела анализируемым и аналитиком однократны и не вполне поддаются определению. Между сеансами я пытаюсь, исходя из своей отдаленной позиции, применить к данному случаю повсеместно действующие законы. Например, привлекаю психоаналитическую теорию возникновения неврозов навязчивого состояния (регрессия к анально-садистской фазе) и пытаюсь объяснить навязчивый симптом причинно-следственным отношением «если ... то ...».

Речь в защиту психоанализа перед родственными ему науками

В этой книге я произношу речь в защиту психоанализа перед родственными ему науками. Вместе с тем, я хочу исповедаться в том, что я в действительности сохранил из психоаналитической теории и практики, а отчасти рассказать психоаналитикам о том, что они все-таки делают. Существует обширная литература о психоаналитической практике, но то, как она на самом деле проводится, лучше всего воспринимается из описаний самих психоаналитиков, а еще лучше — из сообщений анализируемых. При этом поражают огромные различия и расхождения. Фрейд, например, в своих работах советовал вести себя подобно зеркалу, лишь отражая то, что исходит от пациента, в то время как отчеты ранних анализируемых Фрейдом свидетельствуют об обратном. Согласно им Фрейд представляется аналитиком, который держал себя очень добросердечно и доброжелательно. Для сегодняшних психоаналитиков ситуация ничуть не изменилась. То, что они пишут, не всегда соответствует тому, что они делают в действительности. Исследования психоаналитической теории и метода на основании работ Фрейда с использованием философской логики, автоматически ведут к выводам, которые не соответствуют тому, что происходит в психоанализе. Это, разумеется, сказано не в упрек теоретикам науки, а скорее относится к психоаналитикам, которые не всегда четко и точно сообщают о своей деятельности.

Если психоаналитики и впредь будут собираться лишь в своих собственных обществах, напоминающих эзотерические кружки, призванные сохранять и оберегать психоанализ Фрейда от других наук, ситуация вряд ли изменится. Было бы гораздо лучше раскрыть психоанализ, дать ему выход наружу. Если психоаналитик, подобно мне, обосновался в Институте психоанализа на психологическом факультете университета, он вовсе не должен избегать обмена информацией с коллегами-психологами и попыток отыскать с ними общий язык. Такие попытки, однако, не подразумевают отказа от психоаналитических постулатов. Психоанализ может оказаться полезным для

других наук. Применяемые в психоанализе методы следует рассматривать исключительно с научно-теоретической точки зрения, адекватно предмету его исследований. Так, наряду с лингвистическими коммуникационно-теоретическими, общественно-научными методами могут обнаруживаться «скрытые смысловые структуры» и соответствующие им «скрытые речевые структуры». Посредством определенного психологического тестирования можно понять изменения, протекающие на протяжении психоаналитического процесса, их проявления во времени. Это можно сделать при помощи Гисенского теста (1972) или с помощью анкеты для оценки изменения состояния в течение психосоматического заболевания (1981). Если благодаря подобным исследованиям психоанализ станет понятным и доступным для описания другим ученым, я вижу в этом не опасность, а напротив — возможность не только лишить психоанализ налета мифологичности, но и лучше интегрировать его во всю совокупность наук. Чтобы эффективно использовать эту возможность, психоаналитики должны еще более открыто, чем раньше, информировать о том, каким образом они добывают свои сведения, как они их истолковывают и каким образом обосновывают свои истолкования. Я остановлюсь на этом особо в главе VIII, где буду говорить о психоаналитическом методе лечения.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

1. Предварительные замечания

В психоанализе понятия личности, лица, персоны и характера употребляются различным образом. В то время как одни рассматривают «персону» в качестве философского понятия, представляя личность в эмпирически-психологическом смысле (как сумму наблюдаемого), другие причисляют к понятию личности всю внутреннюю жизнь, включающую в себя чувства идентичности, самостоятельности и самосознания. В психологии 50-х годов под личностью понимали определенный характер; существовало целое учение о характерах, об определенных типах; на передний план выступала характерологическая система как таковая, представленная в многочисленных книгах, из которых наибольшее количество переизданий выдержал труд Губерта Рорахеса «Краткое введение в учение о характерах» (1948). Согласно этому учению, в структуре характера представлены различные слои, или полярности. Интенсивность и глубина, экстраверсия и интроверсия — являются стержневыми понятиями этой характерологии.

Сегодня современная психология рассматривает личность в определенном контексте и в зависимости от конкретной ситуации, всякий раз выделяя при этом независимые от ситуации отличительные личностные черты. Различные сферы проявления «персоны» — эмоции, познание, мотивации, восприятие, мышление, поведение — составляют области соответствующей психологии: психологии познания, психологии мотивов и т.п, так что целостный взгляд на личность при этом теряется, и возникает снова уже в виде «концепции самости»в качестве последовательного накопления опыта (феноменальная самость) и как репрезентация персоны (познающая самость).

Это проявляется в поступках и остается столь же устойчивым, что и характер персоны.

В современном психоанализе личность проявляется в определенной динамике, как нечто, воспринимаемое с помощью «личностного измерения», «измерительной техники», наблюдений и тестов или нечто, что согласно теории научения и поведенческой терапии разворачивается между стимуляцией или раздражением и реакцией. Таким образом, личность сводится к комплексу из «реактивных диспозиций», которые могут быть условными и безусловными. Для более целостного понимания человека подобных теорий недостаточно. Поэтому внутри самой психологии не прекращаются попытки устранить эти затруднения: здесь стоит упомянуть работу Абрахама Маслоу «Мотивация и личность» (1954) и личностно — ориентированную теорию Карла Р. Роджерса (1961), Но и они не дают действительно полной картины того, что мы понимаем под личностью.

В связи с этим представляется уместным дать здесь по возможности более ясное разъяснение сущности психоаналитической теории личности. Эта теория возвращает нас к Фрейду, однако за последние десятилетия она во многих отношениях проделала значительные шаги в своем развитии. Следуя исторической логике можно описать развитие психоаналитической концепции личности в соответствии с тем, как она постепенно выделилась из теории влечений через «Я — психологию», вплоть до «психологии самости» и теории объект — отношений. Однако мы можем выбрать и иной путь, и для начала изложить общие описанные психоанализом закономерности, чтобы затем, принимая во внимание единственный в своем роде характер конкретной личности, рассмотреть, каким именно образом он отличается от характеров других людей. Впрочем, можно и объединить оба способа, если проследить развитие психоаналитической науки как в плане общей, так и дифференцированной теории личности.

Для начала стоит коротко упомянуть, как психоанализ пришел к своим теориям: самоанализ Фрейда играл на этом пути столь же важную роль, что и текущие наблюдения за невротическими пациентами. Разумеется, здесь можно задаться вопросом — почему данные, полученные от невротических больных, могут быть применимы к «нормальным личностям». В академической психологии это недопустимо, поскольку там существуют идеальные, функциональные и статистические нормы, определяющие, что является здоровым, а что больным. В психоанализе, напротив, существует мнение, что границы между нормой и патологией не столь строги, т. к. здесь наличествуют очень текучие переходные состояния, встречающиеся гораздо чаще, чем экстремальные формы патологий. Отсюда можно предположить, что, преодолевая известное заболевание, мы начинаем осознавать, что наряду со здоровыми компонентами психического мы несем в себе и патологическое начало. Кому не нравится психоаналитический подход к личности вообще тот может ограничиться рассмотрением ее теоретической части в плане применимости к «невротикам» или лицам с иными психическимим расстройствами.

Прежде чем вдаваться в детали, я хочу сразу дать понять, что психоаналитическая теория личности не во всем обоснована эмпирически. Так, например, критика экспериментальных штудий психоанализа Зигмунда Фрейда Айзенком и Уилсоном (1973) вполне справедлива. Однако, есть и возражение

против подобной критики. Например, хотя опросы студентов колледжей и не дают подтверждений — с желаемой точностью — важнейших положений психоанализа, таких, как сексуальное развитие, роль эдипова комплекса и значения вытеснения, можно предложить читателям самим в процессе чтения убедиться, в какой степени представленные здесь теории могут подтверждаться на примере их собственных переживаний и переживаний их друзей. Сюда можно включить и опыт других людей, а также анализ перечисленных в главе 1 драм и фильмов.

2. Образ человека по Фрейду

Образ человека у Фрейда сначала определялся влечениями как управляющими силами. Доминирующее место отводилось половому влечению. Проявление этого инстинкта Фрейд обнаруживал в снах, ошибочном поведении, оговорках, забывании, ошибках речи, в шутках, иронических высказываниях. Каждой из названных тем он посвятил по книге: «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905). В этих книгах, снабженных многочисленными примерами, Фрейд необычайно ярко живописал, как порой в той или иной степени мы попадаем под влияние бессознательных фантазий. Для иллюстрации образа человека «влечения», я хотел бы привести примеры из личной жизни и психоаналитической практики. Известно, что в разговоре те или иные вещи могут отторгаться наперед, если, скажем, говорящий не уверен, что не имеет дело с «непристойностью». Или передо мной лежит книга, написанная автором, по отношению к которому я ощущаю бессознательное презрение. Или из моей памяти начисто стирается болезненная для меня сцена.

Всякий, при условии внутренней честности, отыщет в личной жизни массу примеров фрейдовских оговорок и бессознательного забывания, ошибок в поведении и речи и т.д. То же самое касается и многочисленных шуток, с помощью которых мы компенсируем разнообразные состояния подавленности или угнетенности — не только сексуального характера,— поскольку в шутке мы, по меньшей мере, выражаем что-то недозволенное и получаем возможность смеяться по этому поводу.

Возвратимся, однако, к серьезным теоретическим положениям.

2.1. Психоаналитическая теория сексуальности

Учение о фазах

В современном психоанализе нельзя оставить без внимания учение о фазах; следует определить развитие человеческой личности по этой модели. Речь идет об известных «оральной», «анальной» и «фаллической» или «генитальной» фазах, которые в психоанализе со времен Фрейда считаются длящимися с момента рождения до пятого года жизни. Акцент классического психоанализа падает на «инстинктное» развитие фаз.

В оральной фазе раннего детства мы непроизвольно ищем грудь, чтобы присосаться к ней (от латинского oris — рот), позднее грудь может заменить соска, большой палец руки или что-то другое (или сигарета в более взрослом возрасте).

В анальной фазе мы включаем в сферу наших переживаний физиологические процессы, такие как дефекацию и мочеиспускание. Но на отношение к таким «инстинктным выражениям» влияет мнение окружающих. Например, всякий читатель может представить себе разницу между фанатично аккуратной матерью, требующей от ребенка чистоплотности уже ко второму году жизни и матерью, которая дает малышу время научиться самому контролировать готовность «помочиться» или «наложить кучу». В первом случае ребенок будет зависим от матери, во втором — он получает способность самостоятельно управлять своими выделениями и при этом ощущать комфортность — качество, особо выделяемое в классической теории влечений Фрейда.

Не менее чреваты последствиями и влияния окружающих людей. Выражением этого влияния служат различные стили семейного воспитания, сказывающиеся, в частности, на развитие так называемой «генитальной» сексуальности. Например, родители могут быть убеждены в том, что сына следует воспитывать в духе традиционного представления о мужчинах — т. е. особенно «жестко»,— когда ребенок не должен выказывать своих чувств (мужчины не плачут), однако, проявлять отвагу, мужество, упорство и энергичность. Совсем противоположные требования предъявляют родители, следующие традиционным представлениям о воспитании дочери: мягкая, нежная, чувственная, податливая. При этом инстинктивным влечениям наносится существенный вред, поскольку такой подход к воспитанию лишает и юношу, и девушку возможности свободного развития и выбора в каждом конкретном случае соответствующей формы женского или мужского образа. Девушки могут быть столь же энергичны, что и юноши, которые, в свою очередь, могут вполне развивать свою чувственность.

В этом случае, фалло — центрическая ориентация классического психоанализа с его теорией «зависти — к пенису» неизбежно уступила бы свое место полицентрической позиции, принимающей во внимание перспективу обоих полов. Мы еще возвратимся к этой новой точке зрения в параграфе 3.1.

Проблема агрессивности

Сексуальность и агрессивность: два основных побудительных мотива человеческой жизни и межличностных отношений. Проблема агрессивного, т. е. оскорбительного, разрушительного и жестокого обращения, не разрешена до сих пор. Поэтому этот вопрос не может быть упущен в представленной здесь психоаналитической теории личности. Фрейд испытывал определенные затруднения в определении психоаналитической сущности феномена агрессивности. Какое-то время Фрейд полагал, что агрессивно-садистическое поведение является следствием влечения. Вопрос лишь в том, понимать ли агрессивно-садистические влечения в духе монистической теории как относящиеся к сексуальности, или в духе дуалистической теории как представляющие собой самостоятельную группу влечений. Положение не прояснилось и тогда, когда Фрейд — скорее спекулятивно, нежели основываясь на наблюдениях,— выдвинул гипотезу влечения к смерти, влечения, которое характеризуется стремлением к собственной смерти, но вторичным образом обращено на других.

Следующая теория строится на том, что агрессивное поведение

реактивируется в результате фрустрации. Фрейд долгое время не мог остановиться на чем-то определенном. В дальнейшем при рассмотрении феномена агрессивности психоаналитики столкнулись с такими же трудностями: если бы они отклонили гипотезу «влечения к смерти», тогда им следовало бы поддержать гипотезу о первичном влечении к агрессии. В любом случае следующее поколение психоаналитиков было вынуждено решать актуальный вопрос «экстремальной агрессивности», как они обозначили историю преследования евреев нацистами. Подобные крайности не оставляют иного выбора, кроме как согласиться с существующим в человеке влечением к агрессивности, цель которого — причинять вред другим, оскорблять, разорять, убивать их. В процессе социализации деструктивные проявления инстинкта или влечения к агрессии могут быть ограничены путем их канализации в конструктивное русло. Первоначально необузданное, нескоординированное, беспощадное и грубое поведение можно превратить из беспредметной агрессии в агрессию конкретную, адресную, позволяющую человеку отстаивать свою точку зрения и защищаться от опасности, давая, в случае необходимости, нацеленный отпор.

В молодости мы выясняем свои отношения в прямом соперничестве себе подобными, в то время как в зрелом возрасте предпочитаем интеллектуальное противоборство, используя в качестве оружия аргументы и факты.

Беспредметнаяая агрессивность угрожает межличностным отношениям. Одна опасность — уничтожение другого человека или целого народа (геноцид). Другая — саморазрушение (суицид). Подобные экстремальные возможности человека свидетельствуют, насколько актуальна проблема человеческой и межличностной агрессивности. Следует признать очевидную истину: человек в основе своей отнюдь не «благороден, отзывчив и хорош», потенциально он зол и опасен. Удручающий феномен агрессивности следует включить поэтому в драматический список conditio humana наряду с сексуальностью, тревогой, страхом. Только таким образом мы сможем лучше управиться со скрытыми в нас разрушительными силами подчинить их себе таким образом, чтобы они не стали, подобно атомной энергии, источником постоянного страха, а могли бы быть использованы во благо, как, например, рентгеновские лучи в медицине.

2.2. Развитие структурной модели

На протяжении своей творческой жизни Фрейд предпринимал неоднократные попытки теоретического описания проблемы одновременного сосуществования в человеке различных многообразных процессов. В наброске 1895 года он представил личность, как «реальное Я», которое управляется инстинктом самосохранения и половым влечением. Соглашаясь с тем, что кроме полового существуют и другие инстинктивные побуждения, конституирующие личность, Фрейд был вынужден откорректировать свою теоретическую гипотезу. В 1914 году в работе «О нарциссизме: Введение» он ввел и описал совершенно новое определение — «нарцистические» особенности. Последнее действует на наше чувство собственного достоинства, самооценки и самосохранения. В связи с появлением «Массовой психологии и анализ человеческого Я» (1912) и «Я и Оно» (1923) возникли существенные предпосылки к эскизной разработке известной в последующем структурной модели: «Оно», «Я» и «Сверх-Я». Эта модель подверглась незначительным

изменениям в 1926 году в работе «Торможение, симптомы и тревога». Структурная модель появилась под названием «Разделение психической личности» в «Новой серии лекций введения в психонализ» 31 лекции и в 1938 г. в «Кратком очерке о психоанализе». Я считаю структурную модель Фрейда одним из самых, в высшей степени, практических вкладов в теорию психоанализа.

Она получила свое дальнейшее развитие в учении об идентичности Эрика Эриксона (1950, 1959), психологии самости Гейнца Когута (1971, 1977) и теории объект-отношений Лондонской школы: Мелани Клейн (1937, 1952), В. Рональд, Д. Фэрбэрн (1952), Дональд В. Винникот (1965, 1965, 1958), Джон Боулби (1951, 1969, 1973, 1980), М. Масуд Х. Хан (1974). Лондонская школа объект-отношений, как мы видели на иллюстрации дерева психоаналитического познания (табл. 3), благодаря Отто Ф. Кернбергу (1975, 1976, 1980) достигла вершины своего развития в США. Синтез приведенных различных моделей личности я попытаюсь осуществить в параграфе 3.2. этой главы.

Аффект — травма — модель

Согласно данной модели произошедшее в раннем детстве травматическое событие, которое не в силах переработать незрелая детская личность, ведет непосредственно к психическому повреждению как событию драматическому. Нанесенная травма оставляет за собой следы, способные привести к значительным нарушениям в последующем развитии. Подобными травмами могут быть случаи сексуального домогательства, жестокое телесное обращение, и даже «всего лишь» душевная жестокость и холодность, когда детям, например, дают понять, что они не желанны, что они всем мешают, действуют на нервы и т.д. Первичным здесь является внешняя травма, вторичным — психическая, т. е. травматизация внутренняя. Иными словами первично — повреждение, вторичен — сам вред. Этот вред может состоять в недостатке заботливого обращения, или в избытке травматизирующих событий, результатом которых будет тревога, волнение, реактивная ярость. Эти аффекты, однако, могут и не выражаться открыто, и тогда они влияют отрицательно на развивающуюся детскую личность. Результатом окажется «торможение в развитии» или «детские неврозы». Такие, как недержание мочи, кала, крайнее упрямство, апатия, а — позднее — и трудности в самом процессе обучения.

Топографическая модель

В данной модели рассматривается соотношение сознательных и бессознательных процессов и различаются три области по мере их психоаналитической значимости:

1) бессознательную
2) предсознательную
3) сознательную

Между ними пролегает граница, которая, однако, при определенных условиях может быть полупроницаемой или проницаемой полностью. Образно говоря, границы контролируются часовыми, определяющими возможность перехода этих границ. «Часовые» могут либо пропускать психические содержания на границе между бессознательной и предсознательной областями. Либо

удерживать предосудительные инстинктивные влечения от перехода. То же самое происходит и на границе между предсознательной и сознательной областями.

Легко себе представить, что «часовые» могут быть подкуплены, если контрабандистам необходимо переправить контрабанду через границу (см. табл. 6).

Сознание	Предсознательная	Бессознательная область

Таблица 6. Топографическая модель (измененная после Фрейда).

Данное наглядное представление топографической модели отнюдь не отменяется структурной моделью, развившейся впоследствии. Топографическая модель, как и прежде, оправдывает себя в повседневной психоаналитической практике. Она также вполне согласуется с «психологией восприятия», с «психологией памяти», а также с моделью реактивного возбуждения в теории научения и поведенческой терапии. Стоит лишь представить, что сознательное раздражение первоначально может быть предсознательным, или более длительное время,— бессознательным,— не прекращая при этом своего воздействия.

Следует остерегаться усматривать в бессознательном некое существо или особую сущность. С которой в психоанализе иногда обращаются как со «святыней». Топографическая модель позволяет нам разъяснять, каким образом аффективный импульс (страх или гнев) временно попадает в область сознательного восприятия, а затем вытесняется, по мере того, как страх или гнев оказываются неугодными сознанию. Последние вытесняются сначала в предсознательную, а затем в бессознательную области, или «искореняются вовсе».

Можно провести определенные параллели между топографической моделью и «психологией памяти». В понятийном аппарате «психологии памяти» существует понятие «оперативной памяти», выполняющей функции, аналогичные предсознательной области топографической модели, и понятие «памяти долговременной», которая соответствует бессознательной сфере. На языке информационной теории в бессознательной области (или «долговременной памяти») накапливаются элементы, недоступные сознанию, однако, при определенных обстоятельствах они могут стать полностью ему доступны.

Аналогия с психологией памяти и информационной теорией не укрылась от глаз рассудительных психологов.

Принимая во внимание сказанное, психолог Мэтью Хью Эрделай (1985) представил топографическую модель психоанализа в контексте информационной теории, облегчив, тем самым, понимание психоанализа как «психологии познания».

Структурная модель

В предлагаемой модели по отношению к реальности активно действуют три инстанции или личностные подсистемы: «Оно», «Сверх-Я» и «Я». При этом сфера «Оно» в широком смысле идентична бессознательной области

топографической модели. В структурной модели господствуют особые закономерности, не контролируемые в большой степени «Я», такие, как «сдвиг», «сгущение», «замена», которые лишь отчасти и в искаженной форме могут выражаться в снах. Господствующий принцип — «принцип удовольствия», по аналогии с политикой, крайним выражением которой выступает анархия.

В «Сверх – Я» локализованы нормы и ценности, являющиеся следствием воспитания, а также результатом присутствия эталонной родительской «матрицы». Нормы и ценности наряду с сопутствующими им «заповедями» и «запретами» по большей части не осознаются индивидом. Однако они никогда не теряют своего потенциального воздействия, вступающего — в очень значительной степени — в форме ограничений автономии «Я».

Таким образом, «Я» располагается в весьма узком промежутке между «Оно» и «Сверх-Я», и в отличие от последних двух находится в сложном положении. Фактически «Я» угнетается с обеих сторон. Со стороны инстинктивного «Оно» на него давят стремящиеся к удовлетворению сексуальные и агрессивные импульсы. Меж тем их подлинное удовлетворение доставляет подростку немалые хлопоты и проблемы в отношении с родителями. С другой стороны, на «Я» оказывает влияние «Сверх-Я», требующее соблюдения моральных норм и предписаний. Если добавить к перечисленному актуальную реальность, также способную угнетать «Я», то психоаналитическая картина нашей личности предстанет в весьма драматических тонах, (см. табл. 7).

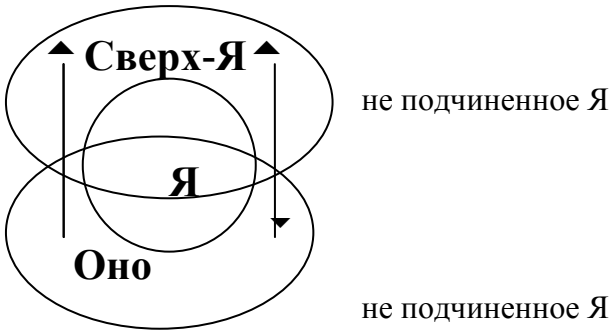


Таблица 7. «Я», сжатое и довлеемое «Сверх-Я» и «Оно». Бессознательные связи между «Оно» и «Сверх-Я».

Положение вещей, однако, может предстать в ином свете, если рассматривать «Я» не искаженным детскими или невротическими нарушениями. А, напротив,— как отлично развитое, «зрелое» «Я». Подобное «зрелое» «Я» является носителем сознания. Посредником между порывами инстинктивного «ветра», дующего из «Оно» и локализованными в «Сверх-Я» предписаниями и запретами. Кроме того, «Я» является «органом» проверки, перепроверки и окончательного принятия решений. Органом, который расследует конфликты, вытекающие из периодически повторяющихся требований «Оно» и «Сверх-Я». «Я» опробует то или иное компромиссное решение, в результате чего-либо подтверждает или отвергает его. Решение принимается совершенно сознательно.

При этом исполнение инстинктивного желания или предписаний Сверх-Я» может быть также отсрочено или перенесено на будущее. Компромисс может быть достигнут и путем частичного отказа от желания либо частичного удовлетворения в социально приемлемой форме, т.е. в «сублимированном» виде. При таких благоприятных обстоятельствах потенциалы «Оно» полностью находятся в распоряжении «Я». В связи с этим «Я» ощущает себя действенным и обогащенным, поскольку отражаемые им эротические, чувственные или страстные порывы интегрированы в «Я».

По отношению к «Сверх-Я» зрелое, здоровое «Я» также автономно, поскольку оно сознательно решает, имеет ли смысл соблюдать в той или иной ситуации выдвигаемые «Сверх-Я» запреты. Кроме того, «Я» решает вопросы целесообразности принятия каких-либо предубеждений и возможности их критической перепроверки. Тем самым происходит превращение предубеждений в сознательное мнение — убеждение.

В натянутых отношениях с «Я» находятся также и не упомянутые еще идеалы нашей личности. В структурной модели они либо локализованы в «Сверх-Я», либо представляют собой отдельную инстанцию. «Я» перепроверяет их на возможность реального осуществления и выбирает пути их возможного достижения. Иначе говоря, оно ставит вопрос: что лучше,— благодаря решительным действиям приблизиться к идеалу или приравнять идеал к реальному поведению?

«Я», «Оно», «Сверх-Я» и «Идеал» зрелой личности четко отделены друг от друга и не втянуты в тягостные конфликты, характерные для ребенка и невротика. «Я» в качестве «стержня личности» претерпевает на протяжении жизни человека множественные изменения вследствие того, что ему приходится усваивать обширные области, принадлежащие «Оно» и «Сверх-Я». Совсем в духе изречения Фрейда,— «Там где было «Оно» стало «Я». «Сверх-Я» перестает располагаться над «Я», а, скорее, находится рядом. Таким образом, в психоанализе, понятие «Я» идентично понятию личности, что соответствует определению Фрейда, представившему «Я» как «понятие» связной организации душевных процессов в личности .

В этой связи вспоминается наглядный пример с всадником и конем, который использовал еще Платон. Данный образ достаточно живо воспроизводит разбираемые здесь отношения «сила — слабость». Можно представить, что неопытный в искусстве верховой езды ребенок будет подчиняться коню, в то время как искусный наездник использует силу коня в своих интересах. Пример со всадником выдвигает две альтернативы: если всадник умеет управлять конем, тогда его силы («Я») возрастают приобретением части силы лошади; в противном случае всадник («Я») терпит поражение, чувствует себя бессильным, слабым и полностью отданным на произвол самого коня («Оно»).

На первом рисунке (?) инстинктивная сторона интегрирована в личность, признан примат генитальности. Эрогенные зоны, включая связанную с ними чувственность, при этом также блокированы, как и связанные с ними желания и мотивы. Они находятся в распоряжении (по мере надобности) в той или иной определенно заданной ситуации. У человека есть власть и контроль, с помощью которых можно, действуя активно, управлять исходящими из «Оно» импульсами; такая модель личности вероятно понравится читателю, поскольку «Я» в данном случае выступает в качестве сильной инстанции, той личностной

составляющей, которая мыслит, чувствует и поступает относительно автономно. Она крепко держит коня за поводья, может обуздать и укротить его, когда это понадобится. Зависимость от реальности, от биологически заданных инстинктивных порывов «Оно», от требований «Сверх Я» и от претензий наших идеалов, прежде препятствовавшая автономии «Я», в значительной степени ликвидируется, что является целью любого психоанализа (см. табл. 8).

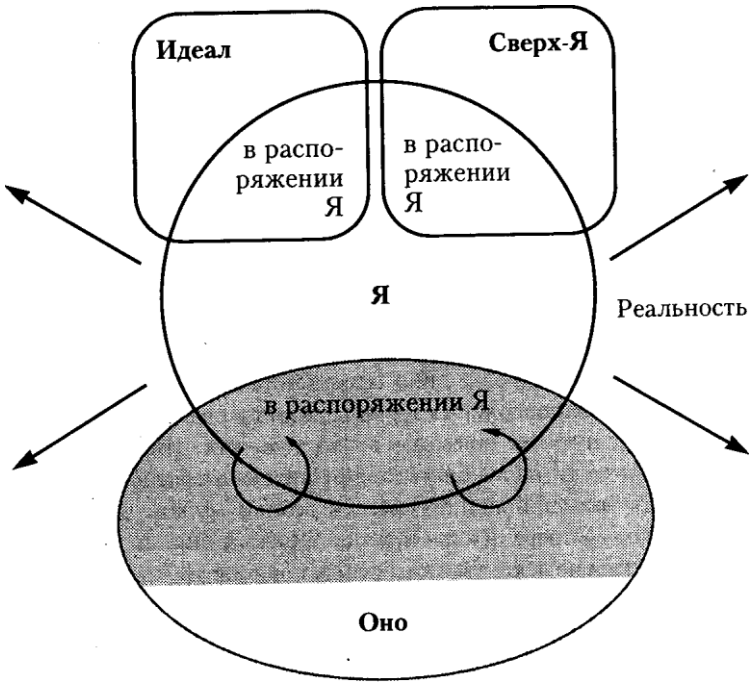


Таблица 8. «Я», свободное от «Сверх-Я» и «Оно», умеющее использовать их в своих интересах; Идеалы и «Сверх-Я» частично интегрированы в «Я», частично находятся извне, но тем не менее не управляют «Я».

3. Дальнейшее развитие теории Фрейда

3.1. Современные психоаналитические аспекты сексуальности

В десятилетия, последовавшие за смертью Фрейда, психоаналитическая теория сексуальности обогатилась многочисленными новыми вкладами, была усовершенствована и дифференцирована. Это, в частности, подтверждает и книга Мартина С. Бергмана «Анатомия любви» (1987), в которой наглядно описана неспособность любить, а также разнообразные формы мазохистской, садистической, нарцистической, платонической и сублимированной любви. В последние десятилетия появилось много литературы на тему женской сексуальности, что было вызвано женским движением 70-х годов. Женщины привнесли некоторые изменения в классическую точку зрения Фрейда, и мужская сексуальность, единственно «правившая бал» в «эпоху патриархата» — как мера и ориентация – лишилась своей монополии. В социологических, педагогических, психологических и политических кругах большие изменения произвела открытая дискуссия на тему феномена гомосексуальности, освободившая впоследствии многих от прежних предрассудков и выдвинувшая новые точки зрения.

Имеет смысл начать с общей проблемы половой идентичности, затем рассмотреть некоторые аспекты разнообразной литературы о женской сексуальности, после чего перейти к теме мужской сексуальности, чтобы в конце концов обратиться ко все еще спорной теме гомосексуальности.

Половая идентичность

Если мы хотим сколь нибудь широко понять женское и мужское половое развитие и его нарушения, то нам следует обратить внимание на три следующих аспекта половой идентичности:

1. Биологический аспект, т.е. определенный физиологический пол мужчины или женщины с относящимися к нему первичными и вторичными половыми признаками.

2. Общественные половые стереотипы или клише, по которым определяется, что является женским, а что мужским. Сверх того, существуют, как известно, различные мнения по этому поводу в разных группировках, слоях и группах. К этому же относятся перемены в мнениях по поводу женского и мужского на протяжении всего исторического развития. Различным восприятиям мужского и женского соответствует господствующее законодательство, закон о семье, уголовный кодекс, практика распределения заработной платы, разделение труда в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и на общественной службе. По традиционному разделению ролей женщине отводится роль домохозяйки и матери, а мужчине — профессиональная жизнь. Это типичное половое разделение мужчины и женщины рассматривается в психологии по-разному: различия в агрессивном поведении, уровне активности, доминантности и импульсивности, принимается во внимание страх и тревога, относящиеся как к послушанию, так и к протесту и к пространственному восприятию. Согласно тесту Гиссена женщины предстают скорее боязливыми, заботливыми, уступчивыми, менее честолюбивыми, более слабыми, аккуратными, более депрессивными и более утомляющимися, чем мужчины, у которых доминируют твердость, господство, меньший страх и большее честолюбие. Таким образом, старые стереотипы ролей мужчины и женщины по их собственной оценке все еще остаются в силе, несмотря на известные изменения в этой области.

3. Психическое самосознание себя как мужчины или женщины. Психолог и психоаналитик Роберт И. Штолер, который занимался проблемой половой идентичности, указывал в целом ряде своих работ (1968, 1973, 1975а, 1975), в частности, на чувство, при котором индивид вполне определенно ощущает себя либо мужчиной, либо женщиной. Это по большей части зависит от родителей, но также и от влияния группы сверстников. Так, уважение к отцу способствует раскрытию мужской идентичности, а к матери — женской. Если дочь испытывает проблемы с женской идентичностью матери, тогда это с большой вероятностью скажется впоследствии в виде «ломаной идентичности»

Не следует упускать из виду, что мы, во время своего развития, в большей или меньшей степени идентифицируем себя с важнейшими участниками отношений. При этом в любом обществе принципиально важное значение для обоих полов имеет первый объект отношений — универсальный объект — мать.

Это обстоятельство играет значительную роль в развитии половой

идентичности как мужчины, так и женщины: в начале развития дочь идентифицирует личность матери со своим полом, а сын — с полом противоположным. Это представляет для мальчиков опасность феминизации, которой противостоят с помощью: отделения от матери, обращения к отцу или путем дезидентификации, т. е. обратного изъятия идентификации.

Опасность для дочери по отношению к матери заключается в «недостаточном разграничении». Чтобы не стать его жертвой, дочь со своей стороны нуждается в особенных усилиях в форме «постоянной работы по разграничению».

Исходная ситуация отношения детей к матери содержит в себе как недостатки, так и преимущества для каждого пола. Женщина имеет шанс на стабильную женскую «эго — идентичность», поскольку ей легче, будучи рожденной женщиной, идентифицироваться с ней, чтобы прийти к стабильной половой идентичности. Опасность же сохраняется в чрезмерном «соединении» и недостаточном разграничении при нечетких границах личности, что может препятствовать развитию автономии и независимости.

В начале своей жизни мужчина вынужден идентифицировать себя с лицом противоположного пола. При слишком большой идентификации с матерью ему угрожает феминизация. Это, правда, имеет и свое преимущество, заключающееся в стимулировании у него желания отмежеваться от противоположного пола и тем самым развить в себе большую автономность.

Рано или поздно в поле зрения растущего ребенка попадает мужская Персона, как правило, отец. При его отсутствии в роли мужского начата могут выступать дядя, дедушка или другие родственники мужского пола. Предпосылкой для идентификации с «отцовской фигурой» является преимущественно хорошее отношение к ней. Идентификация оказывается прочной, если в ее основе лежит положительное отношение к «отцовской фигуре». Подчеркнуто мужественный отец будет способствовать раскрытию половой идентичности мальчика, а слабый, фемининный отец, напротив, усложнит этот процесс. Для девочки слишком сильная идентификация с отцом несет опасность чрезмерной «маскулинизации». В то же время в отношениях с отцом дочь получает наилучший шанс понять разницу полов и тем самым достигнуть «отграничения».

Наряду с идентификацией с мужским и женским началом для самоосознания ребенком своей половой роли, немаловажное значение имеют сами повседневные отношения с отцом или матерью. Весьма значимо и отцовское восхищение растущей дочерью как женщиной, и то, как мать поощряет развивающееся мужское начало сына. Не стоит удивляться силе и стойкости классических стереотипов, если в семье одобряют лишь традиционные игры (для дочери — игра в куклы, для сына — игра в автомобили).

В этой области родители послевоенных десятилетий кое-чему научились. Они позволяют своим детям параллельно с традиционными ролями опробовать в игре и новые формы поведения. Это позволяет расширять половую идентичность на другие области, которые ранее считались привилегией другого пола (например: вязание и приготовление пищи — для мужчины и вождение машины — типичная мужская профессия — для женщины).

Самоосознание определенной половой идентичности во многом зависит от бессознательных фантазий о том, что слывет мужским или женским.

Мальчик в подобной ситуации находится в более выигрышном положении, поскольку он без труда определяет свою половую принадлежность, наблюдая и касаясь своего полового члена. Девочке же в этом отношении приходится тяжелее в виду отсутствия зримых признаков пола. Как известно, Фрейд выстроил на этом основании свою теорию «зависти к пенису». Впрочем, зависть к пенису угасает, как только девочка обнаруживает, что внутри своего тела она также имеет вполне выраженные половые органы. Анализ пациенток в психоанализе свидетельствует, что у женщин чаще всего отсутствуют положительные фантазии относительно своих половых органов. Подчас женщины представляют их в виде полости, содержащей мочу, грязь, кровь, полости, из которой наряду с этим появляются дети. Но как только женщина включается в психоаналитический процесс, у нее появляются образные картины. Одна пациентка представляла женские гениталии в виде цветков лотоса или ларца с сокровищами, который следует открыть. Жорж Деверо в своей книге «Баубо. Мифическая вульва» (1981) собрал коллективные фантазии о женских гениталиях и, таким образом, пришел к выводу, что последние могут быть использованы как оружие против мужчины путем их внезапного обнажения, что, в известной степени, аналогично мужскому эксгибиционизму.

Проблемы с половой идентичностью, как правило, являются результатом нарушения идентификации в период развития: чрезмерная идентификация мальчика с матерью может привести к феминизации, а дочери с отцом — к маскулинизации.

К указанной проблеме относятся и последствия идентификаций, ставших необходимыми в результате защиты от невыносимой тревоги. Широко известна кастрационная тревога — «страх кастрации» — мальчиков. Являясь маленькими эдипами, они желают спать с матерью, боятся папиного наказания и, чтобы избежать его, с самого начала отрекаются от своей мужественности и ведут себя скорее пассивно, т. е. «по-женски».

Аналог со стороны женщин состоит в том, что женщина из страха взять на себя женскую роль предпочитает развиваться маскулинно. Страх при этом может иметь различные причины. Он может проистекать из того, что «быть женщиной» значит «беременеть и рожать детей» или «взять на себя все те неприятности, которые пережила мать», т. е. быть подвластной мужчине, сохранять обязательство вступать с ним в половые сношения и т. п.

Отсутствие одной из персон того или иного пола, как это случается в неполных семьях или в семьях с часто отсутствующим отцом, разумеется, неблагоприятно для развития зрелой половой идентичности. Растущий в такой семье ребенок мужского пола может испытывать серьезные сложности с развитием по мужскому типу.

Один лечившийся у меня мужчина, отец которого погиб во время войны, когда ребенку не было еще и года, демонстрировал, тем не менее, что отсутствие непосредственного «переживания отца» успешно компенсируется фантазиями о нем, основанными на рассказах об отце других людей. Однако подобные случаи скорее оказываются исключением, чем правилом. Опыт показывает, что отсутствие отцов – (?)
она кажется себе жалкой и ненужной. В соответствии с Фрейдом здесь берет свое начало широко распространенный женский комплекс неполноценности.

€Как мы убедились, такой комплекс может развиться из опыта, приобретаемого дочерью в общении с матерью; этот опыт противостоит устойчивому чувству уверенности в себе, в своей половой принадлежности. Негативный опыт такого рода случается гораздо чаще, чем это принято считать в классическом анализе: «маленькое» отличие (изначально устанавливаемое девочкой) не имело бы столь «большого» значения, если бы мать была более уверена в своей женской идентичности. Негативная оценка женщины, в соответствии с тем, как она ощущается матерью и воспринимается дочерью, еще более возрастает, если она дополняется соответствующим невысоким мнением отца.

Не следует недооценивать в этой связи неочевидность восприятия женских гениталий, в отличие от мужских. Особенно в состоянии эрекции. Отсутствие ощущения гениталий представляет для девочек определенные трудности, о чем свидетельствует анализ девушек и взрослых женщин, а органическое ощущение скрытого внутри влагалища и непосредственно присоединенных к нему фаллопиевых труб и яичников выражено достаточно смутно. Более или менее детальное образное представление о женских гениталиях может быть получено лишь путем собственного исследования с помощью пальца или, как в женских группах, путем визуального наблюдения. Иногда такое представление можно получить с помощью врача — гинеколога, способного зримо продемонстрировать картину возбужденного состояния женщины. Тогда женщина почувствует себя не «пустой» в генитальной области, а выстроит более адекватный образ собственного тела, в котором гениталии будут представлены достаточно подробно. При этом закладываются благоприятные предпосылки для переживания не только женской сексуальности, но и для последующей возможной беременности, родов и воспитания ребенка.

Если женская сексуальность будет оцениваться по этим принципам, тогда мы сможем забыть раннюю фаллическую ориентацию психоанализа. Фрейдовские положения о «зависти к пенису» и женском комплексе неполноценности отвергаются многочисленными авторами — феминистками. Движение «женского протеста» включает в свои ряды следующие имена: Симона де Бовуар (1960), Нэнси Чодороу (1978), Суламифь Файрстоун (1970), Бэтти Фридон (1963), Люси Иригерей (1977), Джульетт Митчелл (1976), Урсула Шой (1977), Рената Шлезир (1981) и Алис Шварцер (1975). Между тем существуют попытки положить начало синтезу двух экстремальных позиций, что находит свое выражение, к примеру, у Маргарет Мичерлих-Нильсен (1985). Стоит упомянуть об особом значении смены объекта в развитии здоровой женской сексуальности. Последнее означает, (следуя высказываниям Фрейда в его работе о женской сексуальности), что рано или поздно женщина переориентируется с первого объекта (матери) на второй объект (отец).

В патологических случаях, когда имеют место неврозы связи (см. гл. VI 3.3.), первичная связь с матерью сохраняется в своем перманентном виде, характеризуемом как торможение в развитии. Последнее усугубляется

негативным опытом в отношениях с отцом. Смене ориентации с матери на отца, напротив, способствует негативный опыт в отношениях с матерью и позитивный — с отцом.

Ранний психоанализ, полностью фиксируясь на плохо исследованных на тот момент патологических случаях, полагал, что девочка не развивается дальше из-за того, что она — в отличие от мальчика — не страдает от кастрационной тревоги. Поэтому у нее нет необходимости (по причинам защитного характера, а не из специфических особенностей развития) идентифицировать себя с отцом. Сейчас стало очевидным, что решающим фактором в развитии здорового женского сексуального поведения является оценка роли женщины обществом. Насколько уверенно чувствует себя мать в той или иной ситуации как женщина, как отец и другие люди — мужчины и женщины — ведут себя с подрастающей девочкой и насколько естественно приобщены к этому ее гениталии (если они вообще к этому приобщены).

Мужская сексуальность

Возникшая в психоанализе теория сексуальности тождественна теории мужской сексуальности. Она по сути «фаллократическая», т. е. прославляющая мужской член, ориентированная на мужские гениталии. Тем самым данная теория представляет своеобразное выражение мужской гордости по отношению к лишенной пениса женщине. Эта гордость, вне всякого сомнения санкционированная общественным мнением, способствует развитию у мужчины здорового чувства собственного достоинства. Фаллократическая ориентация дает, однако, и повод для некоторой переоценки собственной значимости. Крайним выражением такой переоценки может служить описанный Гансом Эбергардом Рихтером «комплекс бога» (1979), при котором превозносится все мужское, а все женское обесценивается. Подобное самовозвеличивание может приводить к большим техническим успехам — небоскребам, самолетам, полетам на луну и к звездам, но одновременно — и к саморазрушающему началу,— например, изобретению атомного оружия.

Негативное воздействие на мужскую чувственность оказывают и некоторые ограничения: нацеленность на профессиональные достижения и успехи, отрицание проявления чувств вообще, в особенности таких тонких их проявлений, как любовь, ласка или печаль. Сомнительный мужской образец демонстрирует, например, Хемингуэй. «Мужчины без женщин» должны стойко выдерживать соперничество с природой («Старик и море»), демонстрировать сверхчеловеческие подвиги на войне («По ком звонит колокол») и оставаться в результате в проигрыше («Победитель не получает ничего»).

В психоаналитическом лечении мужчины, поэтому, требуется некоторое время для повторного раскрытия в нем подавленных предшествующим воспитанием чувств, чтобы получить доступ к собственным ощущениям и тем самым создать условия для развития наполненных чувствами отношений с другими людьми. Рейбен Фаин в своей недавно вышедшей книге (1987) подробно описал возможные судьбы мужской сексуальности. К примеру, одна состоит в том, что маменькин сынок развивается в папиного соперника; другая изображает мужчину, играющего роль Дон-Жуана с его напускным превосходством по отношению к женщинам. Типичные супружеские конфликты, напротив, очень далеки от общепринятых представлений о

мужском идеале. Здесь главным оказывается — и по докладам Кинси (1948, 1953) и по рапортам Хайт (1976) — вопрос о мужской неверности. Последняя объясняется неудовлетворенной в моногамии мужской сексуальностью, удовлетворение которой мужчина пытается обрести с другими женщинами. Не находя удовлетворения в узаконенном браке, мужчина стремится «к новым ощущениям», и весь опыт повторяется снова «и так до бесконечности».

В настоящий момент женская эмансипация бросает вызов мужской сексуальности: женщины раскрывают свое собственное право на сексуальность. Это ставит мужчину в непривычную ситуацию, вызывающую у него страх. Это сказывается, в частности, в возрастании нарушений мужской сексуальности: импотенции, преждевременном семяизвержении, неспособности быть откровенным с женщиной и посвящать себя ей.

Тем самым широкая область сексуальности сужается. Однако удивляться этому не следует, поскольку профессиональные интересы мужчин не оставляют им времени для занятия сексом. Они тратят все свои силы на общественной службе, которая приносит им славу и почет и которая одновременно все дальше и больше отдаляет их от отношений с женщинами, от других людей, отчуждает от собственной мужской сексуальности. Такие мужчины часто добиваются больших успехов на работе. Однако, они также часто страдают от нарцистических расстройств личности (см. гл. IV. 3.1.), связанных с одиночеством и неспособностью любить. Возможно, у политиков это выражено ярче, чем у других людей, что демонстрирует нам Рейбен Фаин на примере Уинстона Черчилля, Ричарда Никсона и Кеннеди. Однако и в областях искусства, и спорта найдется множество примеров того, как ради великих целей жертвуют сексуальностью, совсем в духе фрейдовской теории сублимации, согласно которой сексуальные потребности могут удовлетворяться, сдвигаясь в сторону сексуально акцептированной деятельности, а не через секс, как таковой. Как показало исследование Бригитты Митташ (1987), поэты оказываются гораздо ближе к своим эмоциональным сексуальным потребностям, нежели ученые. Слабое утешение, однако.

Гомосексуальность

Женская гомосексуальность содержит, как правило, латентную «связь с матерью». Либо более молодая женщина «примыкает» к старшей, представляющей для нее мать, либо старшая в своих чувствах к молодой воспроизводит отношения «мать — дитя» с позиции матери. Подобные отношения между женщинами дают основания усматривать невротическую «связь» в контексте заторможенного развития, состоящего в том, что женщина бессознательно боится смены «объекта» любви на мужчину и по привычке держится за мать. К невротическим формам гомосексуальных отношений между женщинами следует скорее отнести те, в которых мужчина по причине бессознательного страха вообще исключен из сферы отношений. В этом случае мужчину избегают, как объект фобический. Структура подобной женской гомосексуальности, таким образом, сравнима с фобией (см. гл. IV. 2.4.)

-115-

Лесбийские отношения, в которых обе партнерши в равной степени сливаются друг с другом в результате сильных бессознательных регрессивных процессов, бывают связаны с не совсем четкими личностными границами

между обеими. Классификационно их можно было бы отнести с известной долей сомнения ближе к психотическим проявлениям; впрочем, подобные расстройства можно в принципе наблюдать и в отношениях гетеросексуальных. Преимущества женской сексуальности кроются скорее всего в особой форме нежности, встречаемой гораздо реже в отношениях между мужчиной и женщиной. Книга Верены Штефан «Линька» («Стягивание кожи», 1975) или сравнительно недавно изданная книга Марины Гамбарофф «Скажи мне, как сильно ты меня любишь?» (1987) дают этому красноречивое свидетельство.

О лесбийских отношениях в узком смысле этого слова мы говорим тогда, когда важнейшую роль играет генитальная сексуальность. В каком объеме это встречается в том или ином случае, расценить с большей вероятностью трудно, к тому же в самом психоанализе имеется совсем немного аутентичной информации о фактических отношениях между женщинами при лесбийских связях. Того, кто желает получить об этом более обширную информацию, я отсылаю к книгам Шарлотты Вольф (1973), Д. Х. Розен (1974), Л. Барбах (1975) и Х. Норвуд (1985).

О мужской гомосексуальности известно больше. Наряду с женской она расценивается как вариант отношений, точно также способных — как и гетеросексуальные отношения — быть и нормальными, и патологическими. К нормальным относятся те гомосексуальные связи, относительно которых мужчины занимают сознательную позицию. Тогда в рамках психоаналитической теории личности речь идет об эффективном расширении личных переживаний, т. е. об однополых отношениях, которые — как свидетельствуют многочисленные примеры мужской дружбы — не ограничиваются, скажем, состязанием мужчин друг с другом в футбол, но могут демонстрировать регулярные спонтанные реакции после забитого мяча, выражающиеся в обниманиях, дружеских похлопываниях и т. п. Между тем существуют и такие отношения между мужчинами, которые (как, например, в Голландии) могут приводить даже к гомосексуальным бракам.

Зачастую отношения между мужчинами характеризуются, однако, редуцированной сексуальностью, способной выражаться в борьбе, брутальных половых актах и взаимных нападениях, как это впечатляюще продемонстрировано в фильме Райнера Вернера Фассбиндера «Кирель». Выявляющиеся в психоаналитическом лечении мужчин разнообразные патологические процессы позволяют считать психоаналитический подход к мужской гомосексуальности как к явлению отчасти патологическому правильным. Но лишь отчасти, ибо было бы неверно переносить патологические проявления у отдельных личностей на мужскую гомосексуальность в целом. Адекватным представляется и психоаналитическое объяснение патологических проявлений гомосексуальности. Прежде всего,— это невроз, при котором нерешенные эдиповы конфликты влекут за собой непреодолимый страх женского пола. Женщин в этом случае стараются избегать по аналогии с фобическим объектом. Тем самым гомосексуальные отношения полностью соответствуют бессознательным процессам при фобиях, описанным мною в главе VI 2.4. Последовательная интерпретация заключается в том, что гомосексуальность у мужчин происходит от очень рано возникших доэдиповых конфликтов. Гомосексуалист столь невротически перерабатывает нарушенные отношения мать — дитя, что бессознательно идентифицирует себя с матерью. Подобное объяснение представляется верным, когда мужчина-

гомосексуалист ощущает в себе женское начало. При этом он вовсе не обязан выглядеть как женщина, о чем имеют обыкновение выражаться в гомосексуальных кругах. Этой феминной форме мужской гомосексуальности присуще тесное родство с трансвестизмом — желанием одеваться как женщина — или с транссексуализмом — желанием стать женщиной.

Сексуальные отношения между мужчинами, которые лишены всякого женского или материнского компонента, указывают на то, что сексуального контакта с мужчиной ищут лишь потому, что не имеют такового с женщиной из-за бессознательного страха перед ней.

Иногда играют роль и обусловленные развитием или из «соображений защиты» идентификации с отцовской фигурой, когда молодой человек любим настолько, насколько он стремится быть любимым отцом. Здесь я сошлюсь на приводимый Фрейдом (З. Фрейд, 1911) случай латентного нарцистического желания президента сената Шребера по отношению к гомосексуального другу.

Очень часто гомосексуальное поведение может возникать как следствие, собственно, дефицита отношений с отцом. Тогда гомосексуальный партнер, как правило, более старший мужчина, призван заменить

-117-

страстно желаемое с детства, но не получаемое удовлетворение от общения с отцом. Элизабет Р. Моберли решительно настаивает на такой точке зрения в своей книге (1983); данная позиция согласуется с моим мнением о «неврозе дефицита» (см. гл. VI 3.3.). Гомосексуальные отношения — это еще и попытки наверстать пропуски в отношениях с отцом или все же довести до благополучного исхода неисцеленные раны в бессознательной попытке самоисцеления. Сходным образом мыслит Фриц Моргенталер (1974) в отношении к определенным проявлениям гомосексуальности, испытывающей такого рода дефициты в психических структурах, которые затем восполняются гомосексуальным партнером. В этом смысле гомосексуалисты представляются людьми, достойными сочувствия,— их детство было лишено элементарного человеческого общения и теперь они отчаянно пытаются компенсировать свою недостачу в гомосексуальных отношениях.

Надеюсь, что в приведенном изложении мне удалось по возможности непредвзято познакомить читателей с тем, что мы знаем на сегодняшний день о мужской и женской сексуальности. Кто желает получить более подробную информацию, тому я посоветую воспользоваться книгой Фрица Моргенталера «Гомосексуальность, гетеросексуальность, перверсия» (1984).

3.2. Развитие структурной модели

Эмоциональность и телесность

Касаясь эмоций, аффектов или чувств, мы получаем схематический образ человека, характеризующийся следующими особенностями: человек пережил травму (травматическая модель), наряду с сознательными им управляют и бессознательные влечения (топографическая модель), причем те или иные области различаются (структурная модель), а, кроме того,— человек состоит из скелета, крови и плоти. В 1978 году я выпустил книгу о «Человеческих страстях», в которой описал любовь и ненависть, ревность и зависть, а также жадность, месть, любопытство и восхищение.* Поэтому здесь стоит ограничиться

* Книга вышла в 1989 году под названием «Страсти. Психоанализ чувств» в виде карманного издания,

---

следующим: социализация в человеческом сообществе рассчитана на способность людей к адаптации, приспособлению. Согласно Винникоту (1965, 1965) такой человек живет не своим «истинным», а по большей части своим «ошибочным Я». Это всегда «Я» подавленное, неспособное развиваться, «Я», которое — в данном аспекте — не имеет доступа к своим чувствам, эмоциям и аффектам. В рамках психоаналитической теории объект-отношений это означает, что человек не имеет доступа к своим чувствам как по отношению к другим людям, так и по отношению к самому себе. В этой перспективе перед человеком встает устрашающий выбор, как это убедительно описывает Макс Фриш в книге «Homo Faber» — быть «Homo Faber» или «homo sentiens», т.е человеком чувствующим. Декартово «Cogito, ergo sum» (мыслю, следовательно, существую) можно было бы дополнить — «Sento, ergo sum» (чувствую, значит существую — нем.—).

Психоанализ долгое время пренебрегал миром эмоций, прежде всего в «классические» времена «психологии Я» (см. ** 5.). Лишь в 70-е годы аффекты впервые стали использоваться в анализе. Аффекты служат не только отправной точкой влечений, они обогащают межчеловеческие отношения, делают их в первую очередь человеческими. Кроме того, они оживляют психоаналитическую практику. Поэтому психоаналитикам не следует чураться страстей.

Современная теория аффектов учитывает в отдельности первичные аффекты: радость, печаль, гнев, страх, отвращение, изумление, интерес и стыд. В каждом из этих аффектов объединены телесные (психологически-гормональные и моторные, т. е. иннервированные мускулатурой) компоненты, выражающие аффект экспрессивно в мимике и жестикуляции, а также когнитивные составляющие. Последние осознаются чувственным образом. Они поражают нас (пассивно), а мы испытываем их (активно). Что касается социальных измерений, то они управляют мерой близости и отдаления: в радости мы хотим обняться, в отвращении — отдалиться от человека.

Мы переживаем аффекты и в отношении самих себя. Испытываем чувство внутреннего стыда, когда не соответствуем собственным идеалам. В этом случае стыд наполнен смыслом, он становится сигналом. Стыд, однако, может нарушать отношение к себе и к окружающим,

-119-

например, если мать фрустрирует своего ребенка именно в тот момент, когда он горд своими успехами, говоря ему: «И не стыдно тебе!». Ребенок неизбежно свяжет свою радость от успеха с горьким стыдом, что впоследствии может легко повториться в сходной ситуации.

То, что в действительности психоанализ непростительно упустил, так это телесность. Психоанализ ведет речь со ссылкой на представления и фантазии, а тело при этом остается, фактически, не у дел. Тем самым повторяется то, что многие из наших пациентов пережили от родителей, будучи детьми, а именно — слабую заботу о своем теле. Каким же образом пациенты научатся находить в психоанализе правильное отношение к своему телу, если на психоаналитической кушетке повторяется их детский опыт «утраченной

телесности».

Оставляемые психоанализом пробелы заполняются иными методами, непосредственно концентрирующимися на теле:— «концентративная двигательная терапия» — «функциональное расслабление» — биоэнергетика. Однако и сами психоаналитики уже заметили свои упущения: Дитер Айке (1973) вынес на рассмотрение идею «тело как партнер». Выступая как тело в субъектной форме, мы имеем тело и в качестве объекта. И здесь налицо субъектно-объектные разногласия с телом. Мы можем любить или ненавидеть свое тело, точно так же, как другого человека,— уважать его или презирать, хорошо или плохо с ним обращаться. Эльмар Брэлер (1986) пишет о «телесном существовании» как об аспекте, упущенном медициной. Зигфрид Цепф (1986) повторяет эту мысль в книге «Тело — место преступления. Расследование. Критика психоаналитической психосоматики». Лично я во времена своего сотрудничества в психосоматической клинике занимался вопросами теории и практики психосоматических нарушений (1980, 1984). Сегодня налицо усилившийся интерес психоаналитиков к телу, к образу, который мы составляем о своем теле, к его развитию, к нарушениям его функций.

Ранние опыты, связанные с телом, влияют на наши переживания, в особенности, в связи с сексуальным поведением, с отношением к здоровью и болезни. С определенной уверенностью можно сказать — наша личность не может быть полной без тела. Это и имел в виду Фрейд, когда писал в «Я и Оно» (1923. Русский пер. Фрейд, 1989, с. 380):
«"Я" прежде всего — телесно». Способ обращения нашей матери с нашим телом (при кормлении, ношении на руках, уходе), в то время «когда мы еще не пришли к осознанию собственного «Я», стойко влияет на отношение к нашему телу — обращается ли она с нами легко и свободно или судорожно и с трудом. Расставив новые акценты, психоанализ сделал устаревшей дуалистическую теорию влечений с ее ориентацией исключительно на сексуальность и агрессивность. Конечно, последняя и сейчас еще может представлять достаточно дифференцированную картину человека как и в 30-е годы. Сексуальность и агрессивность по-прежнему важны. Но сегодня в современном психоанализе мы рассматриваем дифференцированного человека как живое существо, не чуждое страстей, человека, находящегося в «сети отношений», на которые он реагирует и на которые влияет в своей сознательной деятельности, имея при этом бессознательные желания, фантазии и обилие чувств.

Психоаналитическая теория идентичности

В подходе Эриксона к идентичности (1950) структурная модель Фрейда рассматривается как учение об идентичности, поскольку она включает в себя социологические аспекты. Идентичность — это сумма того, что делает нас неизменной личностью, которая остается относительно стабильной во времени, в пространстве и обществе. Она является результатом борьбы внутри нас «инстинктивных требований» и требований общества, идущих от извне, и может — как «Я» в структурной модели Фрейда,— быть относительно суженной и лабильной, или оказываться сравнительно широкой и стабильной.

Согласно Эриксону учитываются и общественные влияния. Так, к примеру, есть существенная разница между евреем, живущим в антисемитском окружении (как меньшинство в большинстве) и тем, кто живет в большинстве,

имея возможность считать меньшинства козлами отпущения. В той или иной обстановке человек принимает или не принимает отведенные ему обществом роли. В благоприятном случае роли и сформировавшаяся самоидентичность согласуются, в неблагоприятном — они расходятся. Сейчас, например, молодые люди часто вынуждены заниматься профессией, которая не подходит их идентичности. Ролевые и идентификационные конфликты в таком случае неизбежны.

-121-

Конфликты происходят и в случае социального роста, когда, например, человек с идентичностью, развившейся в рабочей среде, неожиданно попадает в окружение буржуазного общества. Здесь могут возникать страхи из-за опасности не сойтись с представителями буржуазии и в то же время сохраняется чувство вины по отношению к классу, из которого человек вышел.

Не менее тяжелы проблемы половой идентичности, в частности, исследованные Робертом И. Штоллером (1968, 1975). Сама проблема проистекает не только из слабо стабилизированного соматического фундамента, но вырастает в результате воспитания и общественного влияния. Название одной из книг, имеющих непосредственное отношение к женскому движению высказывает эту мысль напрямую: «Мы не родились девочками, нас сделали такими» (1977). Таким образом между биологической природой и обществом возникает личностное осознание и желание быть мужчиной или женщиной, что находится, как показывает проблема т. н. транссексуализма, в относительной независимости от пола заданного биологически.

Психология самости и теория объект-отношений

В психологии самости Когута на передний план выдвинуты нарцистические желания «самосохранения», «самоосуществления» и «самосознания». В соответствии с этим подходом здоровое самосознание личности является следствием сложного ее развития. При этом первоначальные детские фантазии о большом значении себя и родителей трансформируются на протяжении долгого времени,— сопутствуемые постоянными коррективами,— в образы реалистические (1974). Если стремления к самосовершенствованию последовательно н хорошо интегрируются в сознательную личность, тогда результатом явится способность к сочувствию, творчеству и юмору. Если нарцистнческие устремления, напротив, останутся бессознательными, то это приведет к нарцистическим личностным расстройствам, которые будут рассмотрены в следующей главе.

В теории объект-отношений Лондонской школы и Отто Кернберга вполне в соответствии с «интерактивной теорией» Альфреда Лоренцера (1971) важными признаются отношения, формирующие личность, между людьми. Личность развивается не изолировано от окружения, а в нерасторжимой связи с ним. При этом влияние на нее оказывается вплоть до зрелого возраста в форме т. н. «образцов отношений», прежде всего отношений между ребенком и матерью. Если в них преобладают любовь и понимание, то это, как констатировал Гете и подтвердил Фрейд, ведет к относительной компенсации: «Если ребенок был неоспоримым любимцем матери, то в его жизни сохраняются такие пленительные чувства, такая уверенность в успехе, какие нередко действительно влекут за собой успех» (Фрейд, 1917.). Если же,

напротив, общения с матерью не хватает, то развиваются многообразные расстройства (см. гл. VI).

Синтез различных теорий личности в психоанализе не представляет особых трудностей, поскольку нам требуется лишь объединить уже названные аспекты, чтобы добиться совокупного образа личности: архаические инстинкты, выраженные в сексуальности и агрессивности, являющиеся ее фундаментом; нормы, ценности и идеалы, представляющие «надстройку»; в центре располагается «Самость», обладающее чувством самости, которое выражено в нарцистической удовлетворенности и самоуверенности. Нашим исполнительным органом является при этом «Я», различаемое в «я-чувстве», которое делает нас способными направлять наш корабль между Сциллой взрывных инстинктов и влечений и Харибдой давящих запретов. Разумеется, при этом во внимание постоянно принимаются те или иные обстоятельства господствующей реальности. Это образ человека, в равной степени не сводимый ни к «инстинктивному существу», ни к бытию, управляемому исключительно внутренними нормами. Человек здесь проявляется гораздо сложнее и глубже; он выступает как личность, в прямом смысле этого слова, уверенная в себе, способная столь же конструктивно противостоять ежедневным требованиям со стороны окружающего мира, как и оказывающаяся в состоянии действовать активно; и делать это, не находясь в изоляции, а будучи в тесных социальных контактах с другими людьми: в личных отношениях, в больших и малых группах, которые определяют нас точно так же, как и мы определяем их. Подобная личность в состоянии развивать в себе и сексуальные и агрессивные инстинкты, но в постоянном соперничестве с другими влечениями, так что они не только интегрируются

-123-

в личность, но и позволяют существование таких дифференцированных чувств, как способности любить или, перефразируя название популярной книги Эриха Фромма (1959) «Искусство любви», искусства любить.

3.3. Специальные теории личности

Дифференцированная психология личности

Единственность в своем роде и непохожесть одного человека на другого настолько очевидны, что на этом строится даже паспортная система. Аналитик встречается со своими анализандами, не имея о них никакого предварительного мнения, предрассудка, заранее заданных схем, и всякий раз получает новую информацию. Не случайно Теодор Рейк назвал свою вышедшую в 1935 году книгу о вскрытии и понимании бессознательных процессов «Изумленная психология». Тем не менее психоаналитику в его работе вполне могут помогать постоянно хранящиеся в его памяти определенные человеческие типы, что в духе старого учения о характерах или «на слуху» у современной дифференцированной психологии. Правда, при этом сохраняется опасность загнать пациента под определенную схему. Так называемый «Labeling approach» в социологии, т.е. подход, характеризующий личность с помощью определенных ярлыков, по заслугам получил надлежащую критику. Однако, я не собираюсь здесь заниматься типологическими опровержениями. В конечном

счете, речь идет о том, чтобы читатель мог лучше ориентироваться в многообразии душевных процессов посредством представления об определенных типах личностей.

Начнем с описанного Фрейдом в 1908 году т. н. канального» или «навязчивого» характера, который в психоанализе называется анальным вследствие того, что с психогенетической точки зрения его особенности тесно связаны с процессами, вращающимися вокруг выделений и слежения за чистотой анального отверстия. Речь идет о человеке, который с раннего возраста воспитан в духе чистоплотности, чрезвычайно собран, бережлив и довольно-таки упрям. Психоанализ рассматривает данные черты характера частично как продолжение первоначальных побуждений (упрямство), частично как реакции по отношению к первоначальным противоположностям: аккуратность против неаккуратности, бережливость против широты и щедрости натуры. Подобные интерпретации характерного поведения убеждают психоаналитика в своей непосредственности вследствие того, что он привык в своей каждодневной практике наблюдать регрессивно оживляющиеся «инстинктивные влечения» и метаморфозы. Не имея основательного психоаналитического опыта, можно, пожалуй, испытать удивление при взгляде на подобные взаимосвязи. Между тем непосредственные наблюдения за детьми предоставляют необходимые доказательства для подобной точки зрения.

Оральный характер, возможно, воспринимается легче, поскольку причинно-следственная связь актуального поведения взрослого с детским поведением здесь более ясна: речь идет о людях, которые по причине слишком долгого кормления грудью в младенческом возрасте, склонны к бессознательном упорству в стремлении что-либо получить: какие-либо собственные усилия не обязательны, «все должно приходить само собой». Сегодняшнее общество потребления делает слишком много для того, чтобы облегчить подобным людям их «упорное» существование в своих «оральных привычках». Не случайно питье, еда и курение столь легко приобретают характер пагубной привычки, своеобразной «мании». В сублимированной форме это проявляется в ненасытном стремлении к «пище духовной», к которой мы влечемся, чтобы насытиться, как делали это с «пищей телесной», будучи детьми. Вариант «орального» характера распознается в поведении, которое, говоря обиходным языком, знаменуется «прокусыванием») и «прожевыванием». Здесь достаточно очевидна связь с ролью жевания в детском возрасте. Существуют люди, научившиеся медленно, однако усердно жевать в раннем детстве. И уже в зрелом возрасте, находясь в сходном положении, они способны пережевывать проблему до тех пор, пока она не будет решена. Другим терпения явно не достает, и они быстро заглатывают полученное, будучи не в состоянии пережевывать его сколь-нибудь продолжительно. Здесь с очевидностью просматривается параллель с манерой и способом работы разных людей. Всякий из нас прекрасно знаком с людьми, стремящимися нетерпеливо «проглотить» все, попадающееся им на пути, и с теми, которые так долго «пережевывают жесткую вещь», пока она не будет готова к употреблению.

Понятие генитального характера принадлежит еще старой гвардии психоаналитиков. В зрелом возрасте у людей такого типа сказываются

-125-

непосредственно детские переживания «свободы перемещения» или, напротив, полного торможения. Вильгельм Рейх назвал характеры таких людей,

находящихся между свободой и сексуальным торможением, «инстинктивными» или «инстинкт-заторможенными». В этом случае детское поведение продолжается либо непосредственно во взрослом возрасте, либо оно тормозится внешними влияниями.

Разумеется не всякому будет по вкусу, если понятия, имеющие отношение к учению о болезнях, переносятся в область «нормальной» психологии. Такое положение, строго говоря, означает, что мы определяемся по образу и подобию тех процессов, которые мы обнаружили и описали у наших пациентов. Однако, если подойти к этому вопросу непредвзято, то, по крайней мере, отдельные черты или элементы болезненных проявлений сможем обнаружить и у себя. Вспомним, например, как из страха мы избегаем угрожающей ситуации, как, порой, навязчиво контролируем свое поведение, вспомним депрессивное настроение, склонности к маниакальному поведению или граничащую иногда с заблуждением сверхчувствительность, позволяющую нам переоценивать объективные высказывания других людей в отношении самих себя. В соответствии с этим можно говорить о фобическом, навязчивом, маниакальном или параноидальном и депрессивном характерах. В рамках неопсихоанализа часто встречаются подразделения на истерические, навязчивые, депрессивные и шизоидные структуры. Тем самым можно сказать, что в перспективе особенности, свойственные психопатологическим проявлениям, можно рассматривать, в смысле типологии, в контексте учения о характерах. Прилагательное «истерический», которое, к сожалению, приняло в бытовом языке довольно уничижительное значение, обозначает свойство личности, обнаруживаемое у людей, которые любят разыгрывать сцены, с удовольствием находятся в центре внимания и при этом усваивают черты «прекрасной индифферентности». Проявление такой индифферентности дает основания видеть за внешним показным безразличием скрытое неравнодушие, в частности, к эротике. В этом смысле истерическая структура может быть поставлена в один ряд между «инстинктивным» и «инстинкт-заторможенным» характером, как у Вильгельма Рейха, поскольку здесь сексуально-эротические составляющие в равной степени находят и свое выражение, и скрыты за показным равнодушием.

Общеизвестно, что Навязчивая структура была отнесена Фрейдом к «анальному» характеру, поэтому, не задерживаясь на ней, я хотел бы упомянуть вкратце депрессивную структуру. Она характерна для людей, в той или иной степени пребывающих «не в духе», в подавленном настроении. Такие люди преимущественно пессимистичны, постоянно ожидают разочарований и тем самым часто сами их провоцируют («Руководство как быть несчастным», 1985). Постоянные ничем непреодолимые разочарования в других людях, потеря важнейших участников отношений и бессознательное чувство вины создают и поддерживают депрессивное состояние. Последнее никогда не бывает статичным, никогда не обходится без влияний и, как показывает ежедневный психоаналитический опыт, возникает в результате динамического бессознательного процесса и может быть успешно преобразовано с помощью психоанализа.

В своей сути последнее рассуждение относится и к шизоидной структуре — понятию, пугающему, вероятно, тем, что оно напоминает о шизофрении. Страх этот вполне обоснован, поскольку родство с шизофренией постулировано уже фактически самим названием. Шизоидные люди холодны, дистанцированы,

застенчивы, недоверчивы, неконтактны и оторваны от жизни. Всякий знает подобных людей и даже, вполне вероятно, обнаружит некоторые черты в самом себе. Это открытие, разумеется, не более приятно, чем обнаружение у себя т. н. «истерических» черт.

Вследствие их политического значения я не хочу обойти вниманием два типа характера, а именно первоначально описанный Вильгельмом Рейхом т. н. обывательский характер. Он очень хорошо подходит к нашему обществу, ориентированному на успех, поскольку его психическая структура идеальным образом соответствует требованиям этого общества и прямо-таки олицетворяет собой все добродетели: долг, послушание, пуританскую этику, откладывание любого удовольствия напоследок, на «после работы», прославление способностей и принципа достижения успеха (1932). То, что такие люди существовали и продолжают существовать сейчас, дает достаточно подтверждений правильности подобного определения данного характера. В конце концов, все мы выросли в обществе, которое ориентировано на достижение и успех, и поэтому, в той или иной мере, испытали на себе его влияние.

Переход от обывательского к мазохистскому характеру достаточно малозаметен. К последнему добавляется готовность к страданию.

-127-

Если страдание культивируется до такой степени, что оно принимает характер удовольствия, то обозначение «мазохистский» окажется в полном соответствии с определением. Речь здесь идет о людях, которых с самого детства столь много «дрессировали», что им не оставалось никакой иной возможности давать волю своим сексуальным «инстинктивным желаниям», не говоря уже об агрессивных; они могли испытать нечто из запрещенных удовольствий лишь в извращенной форме, а именно, путем страдания. Это люди неплохо относятся к авторитарным системам, политические ли они или конфессиональные, все равно. Отчасти, это связано с привычкой родителей подвергать детей телесным наказаниям. И совсем не случайно родители с трудом расстаются с подобной привычкой.

Связи между тоталитарными общественными структурами и структурами характера станут еще очевиднее, если в заключение мы обратимся к т.н. авторитарному характеру, а именно к описанной в 1950 г. Теодором В. Адорно, Бруно Беттелгеймом, Эльзой Френкель-Брунсвик, Марией Ягода и другими — авторитарной личности.

Под авторитарными понимают людей, в значительной степени подверженных предрассудкам, воспринимающих для себя суждения других в виде собственных предрассудков, людей, которые выше всего ценят общепринятое, не признают чужого, воспринимая лишь себя и свою группу. Склонность к критике подавляется в зародыше. Человек с характером авторитарного типа рано научается приспосабливаться и подчиняться. В политической сфере такие люди ведут себя лояльно по отношению к государству и его режиму. В сущности они всегда стоят на стороне государства, на стороне носителей власти. В тоже время для подобного типа характерно требование от других, нижестоящих, такого же подчинения себе или соответствующей вышестоящей инстанции, короче, силе. Родители любят таких детей. Авторитарно структурированные государства требуют подобного поведения от своих подданных.

Как показали статистические данные, полученные исследованиями

Адорно и его коллег, подобный характерологический тип получает высокие оценки по трем, используемым авторами исследования, шкалам, а именно, по шкале эгоцентризма, антисемитизма и фашизма. Это означает, что с авторитарным поведением связана не только переоценка собственной нации или народа, но также и заниженная оценка или вообще презрение к другим нациям или народам, в особенности, к национальным меньшинствам. При этом становится очевидным, что подобным людям наряду с эгоцентрическими и антисемитскими присущи и фашистские черты. Сюда присовокупляется предрасположенность к антидемократическим идеям, стремление стойко придерживаться консервативных ценностей, связанная с авторитарностью подчиненность, часто незаметная во внешнем поведении; всегда находящаяся наготове и вспыхивающая под покровительством диктатора агрессивность и, в конечном итоге, готовность к деструктивному поведению, к разрушению. Анализ характеров фашистских лидеров Эйхманна и Геса показывает присутствие в них среди прочего, постоянной готовности терзать, пытать и убивать. Во времена национал-социализма такие характеры в созвучии с его расовой идеологией, получали возможность высвобождения своих деструктивных импульсов.

Однако не будем обманываться относительно самих себя. Подобные черты скрыты в каждом из нас. Исследование социального психолога Стенли Мильграма недвусмысленно показывает, как легко нормативное влияние группы может способствовать жестокому поведению. Две трети участников в экспериментальном исследовании были убеждены в правильности всего, исходящего от властных структур. Именно эта часть испытуемых гораздо охотнее подчинялась приказу наказывать (мнимому наказанию) других электрошоком. Они шли на это с особенной легкостью прежде всего тогда, когда были уверены, что наказываемое лицо им незнакомо и находится в другом помещении.

Параллели с манипулируемым характером, или с извне руководимой личностью очевидны. Речь идет о людях, не имеющих собственного мнения и всякий раз неизменно приспосабливащихся к внешним обстоятельствам. Возможно, некоторые читатели помнят превосходный фильм Вуди Аллена, в котором подобный тип представлен в юмористическом облике. В таких людях мы без труда узнаем тип «попутчика», встречавшегося не только во времена национал-социализма, но отыскать который и сейчас не представляет особого труда. Александр Мичерлих никогда не уставал клеймить подобное поведение и занимался вскрытием его причин; факт, дающий достаточное основание для того, чтобы не терять надежду найти причины появления таких характеров не только в семейной сфере (вынужденное приспосабливание из-за избиений), но и в политической (воспитание в духе подданничества). Имеет смысл, отринув возможный страх, взглянуть в глаза неприятной правде и

-129-

констатировать присутствие в нас некоторых отрицательных черт представленных здесь неприукрашенных типов характеров. Тем самым мы будем способствовать развитию критического мышления, ликвидации предрассудков и замене их на самостоятельные мнения. Мы сможем тогда напрямую, без всякой утайки, раскрыть в себе неприятные и болезненные особенности и создать предпосылки к тому, чтобы не вводить в заблуждение ни себя, ни других.

Со времен выхода в свет «Трех очерков по теории сексуальности» Зигмунда Фрейда (1905) психоанализ не единожды поднимал вопрос о раннем человеческом развитии. В рамках данного введения у меня нет возможности подробно остановиться на этом вопросе в связи с его обширностью. Поэтому я отсылаю читателя к превосходному обзору Дитера Ольмейера (1973). На сегодняшний момент наряду с общеизвестным подразделением Зигмундом Фрейдом человеческой сексуальности на фазы (учение о фазах) чаще других обсуждаются теории развития Дональда В. Винникота (1965, 1965) и Маргарет Малер (1975). Марта Бекай(1981) представила их в своем докладе на 32 Интернациональном психоаналитическом конгрессе в Хельсинки, сведя в наглядную таблицу.

-131-

VI ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О БОЛЕЗНЯХ

1. Предварительные замечания

Существует масса разнообразных возможностей включения психоаналитического учения о болезнях в введение в психоанализ. Мы могли бы ориентироваться по известному психоаналитическому учению о фазах, по которому развитие человека протекает в оральной фазе через анальную к генитальной ступени развития. Можно описать особенности каждой из фаз, относящиеся к ним конфликты, возможности решения этих конфликтов и, наконец, невротические попытки справиться с ними. Последствиями этого являются связанные с той или иной фазой специфические невротические расстройства, которые мы в последовательном порядке разделим на «оральные», «анальные» и «генитальные» неврозы. В оральной фазе главную роль, разумеется, играет дуальное отношение между ребенком и матерью, в то время как для генитальной фазы характерен треугольник отношений ребенка с матерью и отцом, представляющий собой несомненную общественную ячейку. Различные социальные обстоятельства всякий раз создают те или иные конфликтные ситуации, которые, если они не могут быть решены в соответствии с типом конфликта, влекут за собой попытки решить их в соответствии с тем или иным характерологическим типом. Поэтому психоаналитическое учение о болезнях подразделяется следующим образом:

Серьезные нарушения в отношениях между матерью и ребенком ведут к усилиям по преодолению этих (серьезных) нарушений. Такие усилия могут проявляются клинически в виде шизофрении и тяжелой депрессии. Нарушения в фазе «оральности» способны в последующем приводить к психическим нарушениям — алкоголизму и наркотической зависимости. К этому же относятся и нарушения, относящиеся к пище, особенно, распространенная сейчас у молодых женщин «мания похудения» со своей чрезвычайной формой — булимией, а также хроническая склонность есть очень много, приводящая к ожирению. При других психосоматических заболеваниях — на примере которых мы сможем убедиться, что психические причины серьезно участвуют в

их возникновении,— тяжелее установить причинно-следственную связь между оральной фазой, с одной стороны, и развивающейся психической болезнью, с другой. Определить например, зависимость между душевным состоянием и кожным заболеванием можно, установив соответствующие причинно-следственные связи, наблюдая, например, за заботливым уходом матери за младенцем. Стоит лишь представить, что мать может или чрезмерно стимулировать кожу младенца или избегать всякого к ней прикосновения. При астме, повышенном кровяном давлении и ревматизме суставов выстроить такую зависимость, напротив, не так легко. Я еще вернусь к этому сложному вопросу при обсуждении психосоматических заболеваний. Не менее интересные причинно-следственные связи обнаруживаются между определенными нарушениями оральной или анальной фаз, с одной стороны, и делинквентным поведением, с другой.

Здесь важно предостеречь читателя от попыток представить обусловленные психикой заболевания, опираясь на психоаналитические фазы развития. Основываясь на сегодняшнем уровне развития психоанализа, я считаю эти попытки слишком поспешными. Вместо этого можно предложить читателю проследить за тем развитием, что пережила психоаналитическая наука за последнее время. Я напоминаю о дереве психоаналитического познания. Однако мы все же не станем терять из поля зрения показанные до того причинно-следственные связи между определенными фазами развития и конкретными психическими заболеваниями, только потому уже, что они имеют

-133-

большое практическое значение для основной цели анализа, а именно — исцелить пациента с помощью психоаналитических мероприятий или, выражаясь иначе, устранить те или иные нарушения.

Поэтому сначала мы обратимся к психоаналитическому учению о неврозах в той его форме, в какой оно выделилось уже во времена Фрейда как учение о классических неврозах, будучи к тому моменту относительно законченной теорией. Стержневым комплексом этих психических нарушений, выделяемых порой как «классические», является эдипов комплекс — неизбежный судьбоносный конфликт между сыном, матерью и отцом, изображенный в драматической форме в трагедии Софокла и научно систематизированный Фрейдом в его «эдиповой» теории классических неврозов, истерий, неврозов навязчивого состояния и фобий*. Следует также учитывать, что во многих работах не уделяется необходимое внимание невротической депрессии.

Перед тем как приступить к разбору отдельных неврозов, необходимо выявить основные взаимосвязи между эдиповым конфликтом, тревогой и т. н. защитными механизмами. В связи с этим я хочу еще раз уже в рамках психоаналитической теории личности поднять затронутую проблему разграничения между здоровьем и болезнью и прояснить вопрос, который горячо обсуждался еще во времена студенческого движения (60-е годы): о взаимосвязи между возникновением, числом и развитием невротических нарушений и общественными процессами. В тесной связи с этим я затрону современные «пост-классические» неврозы (нарцистические неврозы) и т. н. «пограничные» нарушения и перверсии и поговорю об их отношении к доэдиповым конфликтам. Из очень ранних нарушений отношения «мать — дитя» вытекают серьезные психические расстройства, такие, например, как

шизофрения, депрессия и мания, которые мы, следуя психиатрической классификации, называем психозами. Однако, с этими заболеваниями психоанализ разобрался уже во времена Фрейда. Соответственно специальные главы посвящены делинквентному поведению, алкогольной и наркотической зависимости, психосоматическим нарушениям, поскольку из-за их частоты и распространенности именно эти нарушения приобретают наиважнейшее значение в политике и здравоохранении.

---

* Для женщины имеет значение — (с известными оговорками) — тройственный конфликт между дочерью, матерью и отцом.

---

2. Классическое учение о неврозах

2.1. Страхи механизмы защиты

В причинно-следственной цепи между первоначальными эдиповыми обстоятельствами и позднейшими невротическими расстройствами существенную роль играют страх и защитные механизмы. Без страха нет и невроза.

Страх может одолеть нас молниеносно, целиком охватить всю личность, не давая ей никакой возможности контролировать этот словно автоматический приступ. Мы беспомощны перед ним, подчинены ему.

Паника возникает тогда, когда контроль страха полностью перестает действовать. Здесь мы попадаем в давно вроде бы преодоленное состояние детского беспомощного страха. Однако в то же время страх может быть осмысленным и целесообразным сигналом об опасности; мы ощущаем его и в силу наших душевных возможностей перерабатываем, чтобы затем иметь возможность надлежащим образом противостоять не только самому страху, но и стоящей за ним опасности.

Упомянутый в начале главы неконтролируемый, автоматически протекающий страх с паникой соответствует очень ранней, архаической ступени развития. Способность к сигнальному страху, напротив, предполагает известную зрелость личности. В то время как страх автоматический способен подавить «Я», сигнальный страх состоит у «Я» на службе, поскольку предупреждает его об опасности.

Подобная защита от опасностей предполагает, однако, способность реально им противостоять. Эта способность еще не сформировалась в детском возрасте. Отсюда и очевидность широкой распространенности детского страха, о чем знает каждый из нас по собственным детским воспоминаниям или может регулярно наблюдать как у своих собственных детей, так и у отпрысков своих ближних: страх темноты, страх остаться одному, страх привидений, способных преследовать и убивать, страх перед грозой, страх перед возможными грабителями и т.п. У детского «Я» нет, увы, в распоряжении никаких способов поведения, чтобы противостоять этим страхам надлежащим образом.

Исходя из насущной необходимости, ребенок изобретает психические механизмы, которые — если они действуют — защищают его от страха. Тем самым страх становится по меньшей мере переносимым, хотя и это дается известной ценой, о чем мы вскорости тоже будем вести

речь. «Я» словно выстраивает для своей защиты стену, долженствующую отделить его от опасности, дать возможность в случае необходимости спрятаться за ней. Для этого защитная стена должна выглядеть достаточно мощной (продолжая наше сравнение), способной отразить страх. Опасность же не всегда возникает извне. Она может проникать и изнутри, из личных психических сфер. Таким образом, следует различать защитные стены по отношению к внешним опасностям и такие же стены против опасностей внутренних.

Первоначально психоанализ искал причины невротических нарушений во внешней травматизации (сравни: теория травмы, гл. 2). Позднее он достаточно активно занялся построением психоаналитического подхода в виде теории влечений, т.е. стал рассматривать лишь возникающие внутри нас инстинктивные побуждения, особенно сексуальные и агрессивные, в качестве причины психических нарушений,

Очевидно, что идеей «защитных» стен занимались психоаналитики, не согласные с теорией инстинктивных побуждений. На психоаналитическом языке (в особенности благодаря превосходной систематизации Анны Фрейд) «защитные стены» получили название защитных механизмов. К ним в первую очередь относится известное понятие вытеснения. Это активное мероприятие «Я», состоящее в том, что напирающие из бессознательного влечения вытесняются из сознания точно так же, как вынырнувший на поверхность воды предмет снова скрывается под водой. Такое сравнение особенно наглядно демонстрирует сущность процесса вытеснения. Представьте себе пробку, которую вы желаете утопить в воде. Пробка выталкивается на поверхность воды с такой же силой, какую вы прикладываете, чтобы утопить ее. Поэтому требуется особенное усилие, чтобы длительно удерживать под водой такую вещь, как пробка, которая благодаря своей стойкой плавучести вытесняется из воды на поверхность. Почему же она остается под водой? Перейдем от физики к психологии и ответим: потому что, если пробка всплывет — страх возникнет снова.

Какие защитные формы страха мы различаем? Страх наказания, страх повреждения, например, много упоминавшийся в раннем психоанализе страх малышей перед воображаемой кастрацией, страх быть пристыженным (точнее, страх стыда), страх потерять расположение важнейшего участника отношений. Страх, характерный для серьезных нарушений — это страх истинной или предполагаемой потери важных для человека лиц. Вот мы и познакомились со всей палитрой страхов, играющих важную роль в возникновении невротических нарушений. Так что же удерживает пробку под водой? Аффективные порывы, но равно и чувство вины и чувство стыда. Теперь мы в состоянии проследить сложные бессознательные процессы, протекающие в нас. Влечения точно пробка выталкиваются наверх. Это провоцирует страх, чувство стыда или чувство вины. Поэтому необходимо защищаться не только от этих влечений, но и от чувства вины и стыда.

Я хочу перечислить здесь некоторые распространенные защитные механизмы соответственно с тем, как они систематизированы в психоанализе. Те, кому они покажутся несколько странными, получат возможность перепроверить их на самом себе или на пациентах с невротическими расстройствами.

Теперь, когда мы разобрались в каком опасном положении находится «Я», которое (уважаемый читатель простит мне этот сильный пример) словно измазано калом и, угнетаемо требованиями «Оно», становится понятным, что «Я» из страха быть наказанным всеми силами старается избежать реализации этих требований. Пользуясь психоаналитическим выражением, мы говорим о формировании реакции, когда «Я» реагирует в форме антиреакции. Это означает: на попытки измазать его калом «Я» отвечает в форме резкого противодействия, а именно, оно становится фанатиком чистоты.

В другом защитном механизме, именуемом термином изоляция, представление или фантазия, связанные с влечениями, изолируются от связанного с этим аффекта. Им может являться непосредственно сам аффект страха. Однако это могут быть и аффекты, связанные с чувствами вины и стыда или аффекты радости и печали. Тогда изоляция состоит в том, что связанные с этим представления изолируются от относящегося к ним аффекта. Практический пример из обыденной жизни: я зол на друга и потому хочу его оскорбить. Чтобы сохранить дружбу я изолирую свой гнев от представления «друг». Невротический выигрыш состоит тогда в том, что аффект гнева изолирован от понятия друг. В результате гнев становится во много раз менее, опасен, чем гнев, связанный с понятием друг.

При защитном механизме — смещении — страх проявляется уже не при первоначально вызвавшей его ситуации, например, перед отцом, который жестоко обращается с ребенком, а сдвинут, к примеру, на собаку в ситуации, когда ребенку угрожает собака. Этот защитный механизм, особенно проявляющийся при фобиях, все-таки,

-137-

в конечном итоге, достигает того, что страх перед жестоким отцом исчезает. Если ребенок не встречает собаку, то он абсолютно свободен от страха.

Смещение чаще всего происходит во сне, когда болезненное для сознания содержание сдвигается на нечто менее болезненное. Однако и жизнь полна такими смещениями: стоит нам только обратить внимание на то, к каким изощренностям склонны мы в этом смысле, когда не можем уже больше вспомнить неприятного нам имени, теряем что-нибудь, оговариваемся. Фрейд весьма наглядно описал подобные случаи в своей «Психопатологии обыденной жизни» (1901).

Еще один важный защитный механизм — «проекция». Он состоит в том, что мы защищаемся от инстинктивных побуждений, которые нам неприятны, тем, что просто-напросто проецируем их на других лиц, т. е. отодвигаем от себя. При этом мы начинаем воспринимать лицо, на которое проецируем то или иное влечение, не таким, каковым оно в действительности является, а искаженно, т. е. именно таким, каким оно выглядит согласно нашему представлению.

Психоаналитический опыт свидетельствует, что такие проекционные механизмы необычайно распространены. Тем не менее их наличие может быть не доказано в экспериментально-психологических исследованиях. Однако негативный результат связан еще и с тем, что условия экспериментально-психологических опытов в отличие от условий психоаналитической ситуации не годятся для того, чтобы доказывать наличие подобных бессознательно протекающих процессов. В процессе психоаналитического лечения доказательства наличия проекций обнаруживаются достаточно легко, и, например, в групповом психоаналитическом лечении сразу становится

очевидно, когда большинство лиц стремятся сделать «козлом отпущения» определенную персону. После осуществления этих попыток они констатируют, что углядели в этой персоне нечто такое, что изначально присуще совсем не ей, а им самим.

Изменившееся посредством проекции восприятие другого человека, разумеется, должно после осознания самого процесса точно соответствовать изменению восприятия собственной личности, которое теперь уже способно регистрировать первоначально спроецированные на другую личность составляющие собственной персоны. Например, собственные влечения, скажем, предосудительные сексуальные или агрессивные импульсы.

Впрочем, защитный механизм проекции, в отличие от защитных механизмов вытеснения, формирования реакции и изоляции, постоянно включает в свои усилия по защите другую личность. Тем самым речь идет уже о т. н. межличностном защитном механизме, в отличие от тех, что функционируют лишь в нас самих — интрапсихических или моноличностных защитных механизмов,— вытеснение, формирование реакции или изоляция. Однако проекции могут включать в себя не только других людей, но и социальные институты и учреждения, даже общество в целом, или его часть, скажем, правительство, парламент, суд или школу, семью, сельское хозяйство. Всегда, когда сильно очерняются, или сильно идеализируются подобные организации, мы в праве подозревать здесь процесс бессознательной проекции. В этой связи психоанализ может внести важный вклад и в реалистическое восприятие политических процессов. Ими ведают в первую очередь политологи и социологи. Однако психоаналитики могли бы при особенно преувеличенных, бросающихся в глаза или часто повторяющихся идеализациях, или, наоборот, девальвациях определенных учреждений нашего общества осторожно высказать подозрение: не действуют ли тут бессознательно проективные процессы, например, при экстремальном очернении государства и его аппарата террористами или чересчур преувеличенная его идеализация консервативными гражданами (обывателями). Подходящие примеры находятся как во внешней, международной политике, так и во внутренней, всякий раз демонстрируя особенности, позволяющие четко подозревать наличие проективных процессов. Более подробно мы поговорим об этом в 9 главе, где речь пойдет о применении психоанализа к политическим процессам.

2.2. Классическая истерия или конверсионный невроз

Эдипов комплекс, конверсия, симптомы

Достигнув темы истерии, мы подошли к изначальному вопросу, который был поставлен на заре становления психоанализа как отдельного психотерапевтического направления. С изучения истерии психоанализ начал и свое исследование неврозов. Центральным конфликтом является уже множество раз упоминавшееся тройственное отношение

-139-

между ребенком, матерью и отцом. Со стороны малыша это означает: «Я хочу «спать» с мамой». Инстинктивные побуждения или влечения, организующие подобную форму детского отношения, представляют сексуальную, а в узком смысле, генитальную природу, т. е. они ориентируются на гениталии и половое

совокупление. Одновременно это включает в себя ревностное желание ребенка удалить отца, которого он считает помехой на пути своего вожделения, хотя вовсе не означает желания его непосредственного физического устранения. В связи с идеей сексуального союза ребенка с матерью речь идет об инцесте или об инцестном желании.

Как показывают бесчисленные аналитические случаи, подобные влечения актуализируются с большей или меньшей силой в определенные годы в детстве. В качестве вытесненных воспоминаний они могут снова всплывать на поверхность из бессознательной области, или их присутствие обнаруживается при повторной манифестации в «переносе». Когда, например, пациентка психоанализа, представленная в тройственном конфликте в роли девочки, реагирует на жену психоаналитика — зачастую бессознательно — с ревностью и в своих фантазиях мечтает переспать с ним, тогда наше подозрение имеет полное право на существование, и мы можем вполне разглядеть здесь повторение влечения, изначально относившегося к отцу.

Сюда (к предосудительным влечениям) примыкает страх быть наказанным за подобное желание. Страхи не всегда относятся к гениталиям непосредственно, как предполагает часто цитируемая в психоанализе идея кастрационной тревоги, а к тому, что вообще способно нанести вред телу, например, побои, которые, увы, еще частенько случаются. Кроме того из-за своего желания ребенок может лишиться необходимых ему любви и общения (страх потери любви , а это действует еще болезненней.

При истерии подобные влечения из страха перед наказанием полностью исключаются из сознания путем вытеснения. В результате атмосфера разряжается и сознание освобождается от предосудительных турбулентных (от турбулентный — буйный, хаотичный) импульсов. Где же пребывают вытесненные инстинктивные желания, страхи и связанное с ними возбуждение? Они не могут обратиться в ничто. Посредством дальнейших бессознательных (патологических) процессов, т. е. типичного для истерии способа «формирования компромисса», влечения превращаются в истерические симптомы или, выражаясь психоаналитическим языком, конвертируются. Отсюда и происходит понятие конверсионный невроз, обозначающее классическую истерию.

Для некоторых понятие «конверсии» может показаться не совсем ясным, поскольку здесь приходится соглашаться с тем, что психические процессы могут преобразовываться в телесные. Однако, если исходить из того, что влечения всегда связаны с телесным возбуждением, то проблема отпадет сама собой. Так, нас может , буквально, «лихорадить» от возбуждения, когда мы отправляемся на встречу, от которой надеемся получить исполнение наших сексуальных желаний. Причем, «лихорадить» уже от одной только фантазии по поводу предстоящего. Телесные возбуждения, связанные с влечениями, автоматически активизируют те органы, которые должны принимать участие в реализации тех или иных инстинктивных побуждений. В случае сексуальных желаний это, разумеется, в первую очередь половые органы. Исследования Мастерса и Джонсона (1966) доказали это научным путем.

«Смещение» подобных возбуждений с половых на другие органы в психологическом эксперименте вряд ли не докажешь. В каждодневной практике, однако, психоаналитики постоянно наблюдают так называемые «генитализации», проявляющиеся через «смещение». Я вспоминаю об одном

своем пациенте, чертежнике, генитальные возбуждения которого проявлялись в виде нарушения двигательной функции правой руки. В другом случае, все члены тела женщины-пациентки болели оттого, что изначально локализованные в генитальной области боли, связанные с неудовлетворением сексуального желания, превратились в результате бессознательной «конверсии» и «смещения» в «боли в конечностях».

Доказательства для названного бессознательного процесса находятся тогда, когда процесс смещения переводится с помощью анализа в обратном направлении, т. е. возбужденными становятся не те органы, ^а которые бессознательно было сдвинуто возбуждение, а то «первоначальное место», к которому и имеет отношение исходное возбуждение, т. е. в генитальную область. По данной схеме можно распределить многообразные истерические симптомы:

— не объективируемые головные боли, объясняемые тем, что неослабевающее сексуальное возбуждение «ударяет», так сказать, в голову;

— желудочные колики, когда не может быть ослаблено «раздражение» в желудке;

-141-

— «истерическая» рвота, когда связанное с сексуальным влечением чувство отвращения выражается не прямо, а через рвоту, совсем в духе того, что «меня от этого тошнит»;

— зрительные и слуховые расстройства, легко объясняемые тем, что нужно не увидеть, не заметить, не расслышать запрещенные инстинктивные желания, чтобы не беспокоить ими сознание.

По традиции, симптомы считаются «меньшим злом» по сравнению со злом «гораздо большими, а именно, сексуальными влечениями, которые сами не воспринимают относящиеся к ним запреты и связанные с этим конфликты. Впрочем, истерические симптомы следуют не по принципу неврологически обусловленных параличей и контрактур, связанных с закономерностями неврологии, а популярным представлениям о теле. У нашего чертежника было прежде всего онемение предплечья, соответствовавшее в его случае напряжению члена, а у женщины-пациентки боли в руках и ногах не были обозначены определенными суставами или соответствующими зонами иннервации.

Если рассматривать сексуальные фантазии в нерасторжимой связи с сопровождающими их телесными процессами, то остававшаяся долгое время неразрешимой проблема «конверсионного» невроза, получает свое объяснение. Она кажется нерешаемой лишь до тех пор, пока мы держимся за очень удобную для нашего мышления идею разделения души и тела. В детском возрасте все мы пережили нерасторжимую связь представлений с ощущениями, а ощущений — с относящимися к ним представлениями.

Тип исполняющий желания. Мстительный тип

Наряду с телесными функциональными расстройствами и органическими не объективируемыми болями, при истерии существуют, однако, нарушения, относящиеся исключительно к психической области. К примеру, нарушения сознания, при которых мы уже не в силах воспринимать отдельные события; кроме этого, расстройства памяти и способности вспоминать, когда речь идет о

событиях или переживаниях прошлого. Сюда присоединяются заполняющие всю личностную сферу фантазии, способные управлять поведением человека бессознательным путем. С подобным мы уже сталкивались в рамках психоаналитического учения о личности при т. н. «истерическом» характере. Склонность, этого характера к театральным инсценировкам и сверхвозбудимости, к эротическим двусмысленностям описаны в главе V. 3.3.

Рассмотрим теперь так называемый тип исполняющий желания. Это, например, женщина, которая исполняет свои бессознательные желания быть мужчиной тем, что ведет себя как мужчина. Возможно, некоторые знают и другой, описанный Куипером (1968) тип нежно кастрирующей женщины; последняя ведет себя ласково по отношению к мужчине, но делает это лишь затем, чтобы получить возможность «кастрировать» его при удобном случае. К примеру, вначале она возбуждает его сексуальным образом, однако, затем отказывает ему в сексуальном удовлетворении, унижая, тем самым, его «мужское начало». Процессы подобной девальвации относятся не только к женщинам: мужчина тоже может воплощать свои неисполненные желания в специфическом поведении, надеясь таким путем заполучить желаемое: стремиться постоянно быть в центре внимания, обрести любовь окружающих или стоять выше других на лестнице успехов.

О мстительном типе мы говорим, когда бессознательная месть определяет все поведение человека, что показано, скажем, на примере Электры, которая не может перенести убийство своего любимого отца Агамемнона. Всю дальнейшую жизнь она мечтает о мести, пока брат Орест не исполняет, наконец, ее желания, убивая Клитемнестру. В более мягкой форме поведение такой женщины проявляется в том, что она стремится отомстить бросившему ее партнеру (мужу, другу), «отшивая» нового поклонника по образцу того, как ее «отшил» предыдущий.

Каждый может без труда обнаружить в своем окружении подобные типы. Видеть женщин бессознательно стремящихся к убийству мужчины, мужчин, которые подобно Дон Жуану используют женщин лишь для достижения своих целей: чтобы ими восхищались, а они чувствовали себя победителями. Желание соблазнить женщину при этом часто полностью соответствует бессознательному мотиву мести.

Общественные факторы

Истерический симптом с его подспудным смыслом, рассмотренный через призму общественной перспективы, всегда наполнен внешним социальным «звучанием». Это звучание можно истолковать приблизительно так: «Основанные вашей (читай, патриархальной) культурой запреты сексуальных желаний — это чересчур. Подобного не

-143-

вынесет ни одна женщина!» С этой точки зрения истерический симптом не только результат вытеснения индивидуальных сексуальных желаний. Частые истерические симптомы в конце XIX века были результатом общественного подавления. Двойная мораль того времени позволяла мужчине реализовывать свои сексуальные желания с другими женщинами или с проститутками, запрещая это женщинам. По сравнению с мужчинами женщинам приходилось затрачивать значительно большие усилия на «вытеснение», что, в известной мере, и объясняет частоту истерических симптомов у женщин прошлого века.

Сейчас во времена большей либерализации сексуального поведения такую функцию выполняют либо агрессивные, либо нарцистические желания, которые, оставаясь не удовлетворенными, выражаются косвенно в тех или иных симптомах и манифестном поведении, скажем, посредством постоянной критики других, контроля и мелочных придирок, ставящих заслуги любого человека под сомнение. Такое поведение проявляется как истерическое особенно тогда, когда само отношение находит себе косвенное выражение в каком-нибудь симптоме, например, в головной боли. Тогда головные боли могут приобретать бессознательное значение: «Ты не обращаешь на меня достаточного внимания. Поскольку тебе все равно, я отношусь к тебе критически».

Разбирающиеся в психоанализе читатели без труда отыщут примеры описанного поведения в кругу своих знакомых. Примеры, подтверждающие психоаналитические теории об истерических или конверсионных неврозах. Поэтому больше нет необходимости продолжать здесь тему «истерий» и можно перейти к следующему классическому неврозу, исследованному психоанализом.

2.3. Неврозы навязчивых состояний

Симптомы

В отличие от истерии здесь мы перемещается исключительно в сфере психического. Мышление в данном случае проявляется характерным образом — навязчивым повтором одних и тех же мыслей, при том, что человек сам отдает себе отчет в бессмысленности происходящего. Существуют также навязчивые состояния: пересчет, повторение предложения или размышление над тем или иным положением вещей, сопровождающееся сомнением относительно степени их реальности. Одного пациента, страдавшего неврозом навязчивого состояния, как будто заставляли постоянно артикулировать, систематизировать и соблюдать определенные правила. По отношению к навязчивым мыслям и фантазиям чувствительность и телесные ощущения полностью оттесняются. Наряду с навязчивыми мыслями могут встречаться навязчивые действия, как, например, случай навязчивого мытья рук, одежды или посуды. В ситуации острого проявления навязчивости пациенту требуется значительно больше времени для одевания или раздевания, поскольку все действия должны строго соответствовать определенному порядку, который ни в коем случае не должен быть нарушен.

Здесь просматриваются очевидные параллели между неврозом навязчивого состояния и религиозной практикой или суевериями, когда, например, определенные жесты призваны изгонять бесов или вызывать милость всевышнего и т. п.

В заключение упомянем о навязчивых влечениях и импульсах. Сюда относятся внезапные побуждения, которые особенно пугают пациентов, поскольку не согласуются с их сознанием. Приведем в качестве примера внезапную внутреннюю директиву — импульс: взять лежащий на кухне нож и зарезать им собственного ребенка, коснуться груди и гениталий привлекательной ученицы, вступить в половую связь с козой, плюнуть в лицо первому встречному, помочиться у всех на глазах на надгробный памятник и т. д. Все примеры взяты из, личной психоаналитической практики.

Психодинамика

В предыстории подобных пациентов обнаруживается сильное притеснение любых сексуальных и агрессивных импульсов, часто сопровождающееся отсутствием эмоциональных отношений с родителями (бесчувственное, лишенное любви родительское поведение). Обычно мать в таких случаях воспринимается как фигура воображаемая, а отец — как инстанция наказания.

Чрезвычайно часто исполнение всех экспансивных, а в особенности, моторных потребностей, наталкивается на препятствия в виде угрозы наказания. Свидетельства пациентов наводят на мысль, что невроз навязчивого состояния является ответом на травматизирующее влияние со стороны окружения. Однако, с другой стороны,

-145-

пациенты демонстрируют и свои личные качества и потребности, прежде всего ярко выраженное любопытство, например, желание рассмотреть вплоть до последнего уголка кабинет психоаналитика. Сюда же относятся выходящая из-под самоконтроля потребность в демонстративном онанировании, стремление соблазнять как можно больше женщин, а в случае женщины — отдаваться как можно большему числу мужчин. У пациентов, страдающих неврозами навязчивых состояний, постоянно обнаруживаются, описанные Фрейдом (1913), «садистические фантазии об избиении», соответствующие им «садистические восприятия коитуса» как жестокого и враждебного противостояния, а также «вытесненные гомосексуальные влечения» (Фрейд, 1918.). Страхи избиения, гонения, наказания за предосудительные влечения, а также строгие заповеди и запреты часто осознаются и самими пациентами. Сложнее дело обстоит с осознанием таких навязчивых импульсов, как, например, желание убить своего ребенка или совершить с кем-либо извращенные половые действия. Вполне очевидно, что пациент может осознать это лишь после преодоления провоцируемого стыдом сопротивления.

Психогенез

В психогенезе неврозов навязчивого состояния после оживления классической тройственной ситуации между ребенком, матерью и отцом происходит регрессия на предшествующую «анальную» ступень развития, поскольку относящиеся к генитальной фазе желания инцеста и устранения были слишком угрожающими для детского «Я». Стараясь избежать угрожающих ему генитальных импульсов, ребенок попадает из огня да в полымя. Поскольку начинают действовать относящиеся к «анальной» фазе садистические импульсы, которые вызывают у ребенка еще больший страх. Поэтому при неврозе навязчивых состояний мобилизуются наиболее действенные защитные механизмы: изоляция и формирование реакции, чтобы ребенок смог выдержать угрожающее ему состояние. Аффекты как бы отцепляются от мышления — изоляция аффекта, мышление с навязчивой сверхдобросовестностью приводится в порядок, поскольку в любом случае следует избегать «хаотичного» фантазирования и детских желаний («формирование реакции»). В связи с регрессией от генитальной к анальной форме, желания любить и быть

любимым заменяются желаниями господствовать или подчиняться, бить или подвергаться избиениям, мучить или быть мучимым.

Вместе с навязчивыми симптомами (навязчивые мысли, навязчивые действия, навязчивые импульсы и побуждения) посредством названных защитных механизмов (изоляция, особенно изоляция аффектов, формирование реакции, регрессия) из сознания изгоняются все болезненные, угрожающие, формирующие страх и поддерживающие его побуждения: болезненное чувство стыда, чувство вины, раскаяния, страх наказания, преследования и, не в последнюю очередь, сами угнетенные влечения. Если эти влечения слишком напирают и защита из-за этого становится порой проницаемой, то неприятный опыт может повториться снова, когда часть инстинктов доберется до сознания. Примером такого рода служит фраза, произнесенная пациентом после незначительного «прокола»: «Прости грехи мои, распутный козел». В слове «распутный козел» в концентрированной форме содержится одновременно как сексуальный так и агрессивный элемент.

«Человек-крыса»

О навязчивом характере, в котором угадывались черты, свойственные и «нормальному» человеку, речь шла в главе V. 3.3. Что касается ярко выраженных случаев неврозов навязчивого состояния, то для «нормы» они могут показаться, напротив, чуждыми. Известные примеры этих неврозов, описанные Фрейдом, это т. н. «человек-крыса» (1909) и «человек-волк» (1918).

«Человек-крыса» страдал оттого, что опасался, как бы не произошло ничего плохого с его отцом и одной уважаемой им дамой. Он постоянно ощущал навязчивый импульс перерезать себе горло бритвой. Тогдашний анализ обнаружил, наряду со многими другими деталями, первоначальную, связанную с симптомом, инстинктивную сексуальную потребность овладеть женщиной, устранить отца и, в связи с этими предосудительными влечениями, желание самостоятельно наказать себя, перерезав себе горло. Необычайное прозвище — «человек-крыса» — закрепилось за пациентом оттого, что у него была фантазия, наличие которой он смог установить лишь после преодоления величайшего сопротивления, поскольку она казалась ему самому причудливой и чуждой: «Я сижу на ночном горшке, в котором находятся крысы,

-147-

которые вонзаются в мой зад». В момент, когда пациент открыл это психоаналитику у того промелькнуло предположение, что это странное происшествие относится не к пациенту, а к его отцу, в смысле реакции мести за то, что, как предполагал пациент, отец возражал бы против удовлетворения его сексуальных желаний. Я думаю, что читатели сами смогут закончить эту интерпретацию. Читая многие фрейдовские толкования, у меня самого складывается впечатление, что порой они проистекают скорее из фантазии самого Фрейда, чем следуют за ассоциациями пациента.

«Человек-волк»

В психоанализе стал очень известен сон «человека-волка». «Человек-волк» наблюдает в открытое окно множество волков, которые неподвижно сидят на дереве. Анализ установил в интерпретации этого сновидения скрытые

и осуждаемые сознанием гомосексуальные желания по отношению к отцу, желания, которые достигают своего апогея в фантазиях, полных сладострастия, наряду со страхом совершить коитус с отцом подобно женщине.

В связи с этой фантазией имело место воспоминание о волнующем переживании детства: маленький мальчик наблюдал сзади моющую пол няню Грушу. Это его сильно возбудило. Дальнейшие ассоциации с воспоминанием вели к фантазии о том, чтобы увидеть страстно совокупляющихся родителей — в действительности или лишь в фантазии, оставалось под вопросом. Эта т. н. «первичная сцена» пугала и возбуждала ребенка настолько, что он, находясь под влиянием внутренних запретов на то, чтобы увидеть нечто подобное, отгонял от себя все связанные с этим мысли и чувства. Последнее удалось ему ценой целого ряда невротических симптомов, которые особенно манифестно проявились в совершении религиозно окрашенных действий. Подобное часто приводит к характерным комбинациям, вроде высказывания моего пациента — «Прости мне грехи мои, распутный козел»,— например, «Бог и кал» или «Бог и свинья», комбинации, которые ввиду строгих запретов на подобные кощунственные выражения неизбежно влекут за собой соответственные покаянные действия.

До сих пор важная в образовании будущих психоаналитиков показательная история о «Человеке-волке» была критически дополнена в более поздних публикациях (1972; русский перевод см. Человек-волк и Зигмунд Фрейд. Киев. 1996). С психологической стороны эту историю избрали как пример того, что психоанализ ни в коем случае не в состоянии научно объяснить невротическое поведение (1972). Действительно, анализ Фрейдом случая «человека-волка» выявляет на современный взгляд целый ряд недостатков. Скорее всего Фрейд находился под чересчур сильным влиянием господствовавшей над ним в то время теорией эдипового комплекса и рассматривал многослойный материал, предоставляемый ему пациентами, преимущественно в этом духе. Роль покинутого ребенка, ищущего компромисс с помощью горничной и других слуг, была распознана столь же недостаточно, как и социальная проблематика отношений между барчуком и зависимыми от помещика работниками и прислугой. Проблематичным остается вопрос — соответствовало ли действительности толкование, данное Фрейдом «волкам» как символу скрытой за этим сексуальности родителей в прародительской сцене, или ближе к истине были другие интерпретации. Поэтому случай «человека-волка» вообще не годится в качестве доказательства «за» и «против» психоанализа. Сравните также «Разговоры» с человеком-волком» (1980).

Дальнейшая казуистика

В связи с этим я предпочел бы вернуться к личным клиническим примерам, в которых я сам имею возможность перепроверить собственные интерпретации реакций пациента:

42-летний старший преподаватель испытывал болезненную потребность соблюдать ограничение скорости при поездках на автомобиле (при этом он дополнительно наслаждался маленьким садистическим удовольствием, когда за ним собирался целый хвост автомобилей). После преодоления внутреннего сопротивления он вспомнил о гомосексуальных действиях, которые он пережил с соседским мальчиком, когда ему было шесть лет. Ему удалось установить, что

он всегда испытывал желание овладеть сзади козой его родителей. Подобные воспоминания были для него не менее шокирующими, чем импульсы «безнравственно» прикасаться к стоящей перед ним школьнице. Он вырос в религиозной среде, в которой строго-настрого были запрещены не то что сексуальные стремления, а просто любое удовольствие. Уже одно представление о сексуальном действии было предосудительным («Кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействует с нею в душе своей». Матф. 5, 28). Осознание шокировавших

-149-

его инстинктивных порывов с помощью психоаналитика помогло ему впоследствии расценивать свои желания уже не как нечто скверное. Дополнительный опрос, проведенный через десять лет, показал, что симптомы не возобновились.

31-летний бизнесмен, имеющий двух детей, испытывал навязчивый страх перед желанием их убить при одном взгляде на лежащий на столе нож. Во время анализа он припомнил, как в детстве отец ездил с ним на велосипедную прогулку. Ему было три с половиной года, он сидел на детском сидении, и вдруг нога его попала между спицами переднего колеса. Трагическим следствием этого происшествия стало то, что нога осталась покалеченной; маленький мальчик и без того обозлившийся на отца, чувствовал, что тот пренебрегает им. После несчастного случая он ощущал себя пострадавшим от отца. В то же время он боялся, что отец сделает ему за это замечание, у него появилось чувство вины из-за своих враждебных импульсов по отношению к отцу. В этой перспективе можно понять и пугавшее его желание убить собственных детей, как «смещение» желания убить отца — интерпретация, убедившая пациента. Столь же рассудительно он воспринял интерпретации, направленные в сторону того, что он сам наказывает себя своими навязчивыми импульсами. Возможно, уже тогда он бессознательно наказал себя, «случайно» сунув ногу между спиц. Затем пациент осознал, что, в действительности, причин для того, чтобы ощущать себя виноватым было больше, поскольку отец предпочитал его другим братьям и сестрам, а на третьем году жизни он занял место отца возле матери. Вследствие этого случай был поставлен в эдипальную схему, желающего мать и отстраняющего отца, ребенка. Катамнез через десять лет показал, что и в этом случае анализ прошел успешно.

2.4. Фобии

Определение

Обращаясь к фобиям, мы оказываемся еще ближе к основе всякого невроза, а именно к страху. Выражение фобия и обозначает не что иное, как голый страх. Сложные иностранные слова вроде клаустрофобии или агорафобии описывают лишь конкретные обстоятельства, при которых возникает страх. Это ситуации, предметы, часто животные, возбуждающие страхи.

Защита от страха при фобиях состоит в том, что первоначальный страх — бессознательный страх — смещается на определенные, вызывающие его ситуации или объекты. Выигрыш бессознательных защитных процессов состоит

в том, что теперь уже ощущается не страх в первоначальной ситуации, а страх вторичный вследствие бессознательного защитного процесса «смещения» в иную ситуацию. Это может быть, к примеру, переход через широкую площадь, которого можно и избежать. Правда, мнимый выигрыш освобождения от симптома приобретается дорогой ценой существенной несвободы передвижения.

Если страх появляется вне связи с определенной ситуацией или объектом, тогда мы говорим о простом невротическом страхе. Здесь никакая защита не действует; при истерии это происходит путем «вытеснения», при неврозе навязчивого состояния — посредством «формирования реакции», «аффект-изоляции» или регрессии, при фобиях — с помощью «смещения».

Особые формы

Следует особо отметить специфические формы фобий, ибо они случаются чаще и обусловливают определенные страдания: — Эритрофобия, страх покраснеть.

— Сердечная фобия, страх заболеть сердечным заболеванием.

— Канцерофобия, страх заболеть раком.

— СПИДо-фобия, страх заразиться С П И Дом, и

— Радио-фобия, страх пострадать от радиоактивного излучения.

Подобные страхи, разумеется, нельзя отнести к совершенно необоснованным, однако, если они выражены экстремально, то велика вероятность того, что речь идет по меньшей мере о невротическом наслоении.

Эдипова динамика

Сколь разнообразны фобические картины, столь же многосторонни и психические причины: в классической психоаналитической перспективе это конечно эдипов комплекс, стоящий у истоков всякого страха. При этом прежде всего имеются в виду инцестуозные желания: желание сына овладеть матерью и желание дочери сексуально сблизиться с отцом и в то же время одержать верх над лицом соответственно своего пола.

Противоположные стремления, которые рассматриваются как «негативный» эдипов комплекс, отторгаются скорее, чем влечения, относящиеся к «позитивному» эдипову комплексу — тройственному конфликту между ребенком, матерью и отцом. Имеются в виду гомосексуальные

-151-

влечения дочери к матери, а сына — к отцу, в том или ином случае совмещенные с негативными чувствами по отношению к родителям противоположного пола. Как подтверждают новые исследования и свидетельствуют многочисленные истории болезней последнего времени намного чаще причиной появления фобий являются конфликты, предшествующие эдиповым обстоятельствам.

Однако, как и прежде, существуют случаи, соответствующие классическим образцам эдипова конфликта: желания сексуальных приключений, вследствие чего люди совершенно сознательно рыскают по пресловутым улицам и площадям таким, как, например, франкфуртский привокзальный квартал. Люди, страдающие от той или иной фобии, могут

бессознательно допускать подобные желания из-за внутренних запретов на них. Последние, в принципе, так же, как и при истерии, вытесняются из сознания. Однако последствия защиты, в отличие от истерии, не нарушают телесные функции. Сама защита в гораздо большей степени сказывается на возникновении страха перед определенными объектами или ситуациями. Именно в связи с этим у таких людей появляется необходимость любыми средствами избегать каких-либо объектов (например, пауков) или ситуаций (например, перехода через большую площадь). По моему опыту за сексуальным искушением не всегда стоит, выдвинутое Фрейдом в центр эдиповой перспективы, инцестуозное желание. Тут хватает и желания мужчины «покорить» другую женщину или желания женщины «заполучить» мужчину.

Никто не сможет утверждать, что не наблюдал подобных желаний у своих друзей или у себя самого. Тем самым они подтверждены с достаточной надежностью. В отличие от этого, широко цитируемая фрейдовская история о «маленьком Гансе» (1909), в своей интерпретации выглядит порой слишком надуманной: здесь речь идет об опрокидывающемся коне, который очень пугает маленького Ганса. Затем путем косвенного анализа — через отца — Фрейд раскрыл скрытый за сознательным страхом (перед конем) бессознательный страх (быть наказанным отцом).

Смышленый читатель тут же самостоятельно угадает: маленький Ганс боится быть наказанным отцом, поскольку он хочет «переспать» с матерью. И в действительности находятся пункты, подтверждающие эту интерпретацию. Например, высказывания маленького мальчика о том, что он хотел бы приукрасить маму или поиграть со своим «Wiwimache'om», детское обозначение для его полового члена. Оба этих действия вызывают у него страх, поскольку они запрещены, причем он ожидает за это наказание от отца, которого боится как верховной силы. Соперничество между сыном и отцом проявляется во многих пунктах истории, когда Ганс, например, говорит: «Раньше я был мамой, а теперь я папа». Он совершенно как Эдип занимает место отца рядом с матерью. Фобия маленького Ганса состоит не только в страхе пострадать от коня, но и в том, что он не может выйти из дома. С помощью этого он бессознательно облегчает себе возможность исполнения желания стать любовником матери. То, что желание оставаться с матерью может иметь глубоко лежащие мотивы, доказал целый ряд психоаналитических исследований после Фрейда.

Доэдиповы факторы

Глубоко лежащие причины невроза маленького Ганса — это нарушения отношений мать-дитя. Их тем самым уже нельзя отнести к «классическому» неврозу, основная причина которого эдипов комплекс. В параграфе «Современные "пост-классические" неврозы» мы еще встретимся с фобиями. А теперь обратимся к пасынку учения о неврозах, который, однако, вследствие частоты подобных случаев и большого доставляемого ими страдания, кроющегося в них, заслуживает нашего внимания.

2.5. Депрессивный невроз или невротическая депрессия

Разграничение

По моей оценке до 10% общего народонаселения страдает депрессивным неврозом. Шепанк (1987) обнаружил в своем очень важном социальном исследовании Мангеймского института душевного здоровья среди 26% обусловленных психикой заболеваний более 4% подобных случаев. В отличие от нормальной человеческой печали невротическая депрессия — это заболевание, в сравнении с которым психотическая депрессия относительно безвредна.

Симптомами депрессивного невроза являются: мрачное подавленное настроение, скука, отсутствие проявлений какого-либо энтузиазма и

-153-

более или менее выраженная тенденция к отстраненности от всего внешнего. Причины депрессивного состояния, в котором оказывается человек, как правило, им не осознаются. При анализе обнаруживаются четыре психодинамические особенности.

Четыре важнейших фактора

1. Переживание потери, состоящее в том, что умерло важное лицо, участник отношений. Однако подобное переживание может возникать и тогда, когда нас разочаровывает дорогой нам человек, или когда мы сами разочаровались в себе. Наступает разочарование в тех или иных прежде господствовавших надеждах, иными словами, мы чувствуем себя обманувшимися в своих ожиданиях. Надежда на встречу с подругой, которая затем разочаровывает, надежда на успех в работе, спорте или творчестве. В каждом из этих случаев мы что-то теряем, чего-то не можем найти. В результате появляется чувство печали — мы расстроены.

2. Тема вины. За депрессивными чувствами часто кроется чувство вины самого разного происхождения. Например, мы плохо подумали о каком-то важном для нас человеке, рассердились на него. Появляется чувство вины за эти мысли, в особенности, в тех случаях, когда данный человек относится к нам с симпатией. Кроме того, за чувством вины часто кроются мощные желания устранить соперника, будь то арена любви или профессиональная деятельность. Однако мы вытесняем чувство вины, так что в сознании остается одна лишь печаль.

3. Агрессивность. Ненависть к сопернику по большей части считается явлением предосудительным. Поэтому она легко вытесняется из сознания. При этом, в духе уже описанного Фрейдом (1915) характерного защитного механизма «обращения», ненависть может легко обращаться и против своего носителя, становясь ненавистью к себе. Далее это ведет к следующему шагу — грусти, поскольку наше самоуважение не позволяет вынести подобное чувство. Всякий раз при анализе случаев невротической депрессии констатируются самообвинения и самоукоры, не имеющие под собой никакого логического обоснования. Различные интерпретации того, отчего современной личности присущи самообвинения и самоукоры, часто полностью сходятся. Мы желаем защитить дорогого нам человека от наших обвинений с помощью обвинения себя вместо него.

4. Проблема самооценки. Она появляется после нанесения оскорбления нашей личности. Когда, к примеру, кто-то нас пристыдил, указал на ошибку или когда

нас обошли, или мы были осуждены в каком-то очень важном для нас деле. Оскорбления действуют тем сильнее, чем больше у нас оснований надеяться на доброе к нам отношение. Зачастую это несправедливые оскорбления, ущемляющие нас в правах и оттого, понятно, оставляющие в нас печальное чувство, связанное не только с самим оскорблением, но и с разочарованием по поводу нелицеприятной оценки других людей. Поэтому проблемы самооценки и потерь разделить весьма сложно, чаще всего они смешаны друг с другом. Поэтому проблемой самооценки или темой нарциссизма мы займемся в следующей главе.

3. Современные «пост-классические» неврозы

3.1. Нарциссический невроз

Определение

Первоначально нарциссизм был понятием психиатрическим. В психиатрии нарциссизм обозначает психическое состояние, в котором любима не другая личность, а своя собственная. Выражение произошло от имени Нарцисс, юноши из греческого мифа, который после нерадостной жизни и множества разочарований в любви влюбился, в конце концов, в самого себя и сделался от этого настолько несчастным, что умер. История Нарцисса сама по себе достаточно ясно передает суть нарциссической проблематики, что не следует лишать читателя знакомства с основными ее эпизодами.

Трагическая история о самовлюбленности Нарцисса находится в той части «Метаморфоз» Овидия, где идет разговор о любви вообще: в представлении Овидия Юнона и Юпитер в шутливой манере обсуждают преимущества любви и ставят друг перед другом различные вопросы, например, кто скорее в состоянии ощутить сексуальное наслаждение: мужчина или женщина? Юпитер утверждает, что женщины в данном случае находятся в лучшем положении, чем мужчины. Спрашивают об этом Терезия, прожившего семь лет в обличьи женщины, и тот подтверждает мнение Юпитера.

-155-

Миф о Нарциссе

Нарцисс родился в результате изнасилования матери. Он был нежеланным ребенком, который, как гласит древний миф, «любви заслуживал, но не получал». Его имя — Нарцисс — происходит от персидского слова «nargis», от которого произошло также и слово «наркоз», имеющее много значений: быть неподвижным, окоченелым, одурманенным, парализованным. С самого начала Нарциссу угрожает смерть. По словам Оракула он сможет избежать смерти лишь в том случае, если останется бесчувственен и холоден ко всем другим людям.

Став юношей, Нарцисс исполняется страстным любовным желанием, но «никто не в состоянии встрепенуть красавца, ни один юноша, ни одна девушка». На охоте он встретил прекрасную нимфу Эхо, трагизм положения которой состоял в том, что она не могла самостоятельно говорить. Она могла лишь

повторять то, что говорили другие. Эхо влюбилась в Нарцисса, последовала за ним, но не могла начать с ним разговор. Нарцисс, остающийся холодным по совету Оракула,— условие, которое позволяет ему оставаться в живых,— тоже не может обратиться к ней. Эхо приближается к нему, но он в паническом страхе пускается от нее в бегство: «Прочь, прочь руки!» Нежное прикосновение невыносимо для него: «Лучше бы я умер». Трагическая история его жизни завершается тем, что Эхо превращается в камень, а Нарцисс в цветок: «Тем, что я люблю, я не могу овладеть. Любви мешает грандиозное заблуждение ... То, что я люблю — я сам!»

Что может сообщить нам сегодня греческий миф о Нарциссе? В моей интерпретации это предупреждение об опасности слишком сильной самовлюбленности и недостатка любви. Когда Юнона и Юпитер спорят об этом, обсуждают, кто больше любит — мужчина или женщина, речь идет исключительно о личном удовольствии, а не о удовольствии другого. Если Нарцисс был нежелательным ребенком, то ему досталось слишком мало любви. Поэтому в раннем детстве он не почувствовал, что есть любовь и чем она может быть. В связи с этим он воспринимает Эхо как опасность, а не как возможность полюбить и быть любимым. Когда же он в конце концов смотрит в воду и видит свое отражение, то принимает его за другого человека и хочет полюбить его. Когда же Нарцисс убеждается, что это была иллюзия, то разочаровывается. Я считаю, что он умер от горя по утаенной от него любви.

Когда любовь скрыта от нас, когда мы так и не находим никого, кто бы смог полюбить нас, нам остается последний выход — любовь к себе. В раннем психоанализе Нарцисс олицетворял переходную стадию душевного развития. Следовательно, путь к любви к другому человеку пролегает через любовь к себе. Отто Ранк считал, что любовь к себе в особенности присуща гомосексуалистам и женщинам. Фрейд, со своей стороны, всерьез размышлял над такими фундаментальными вопросами, как возможности проведения границы между любовью к себе и любовью к другому. Находятся ли эти формы любви в отношении взаимодополнительности, а именно, чем сильнее любовь к себе, тем слабее любовь к объекту (как психоаналитики выражаются по поводу любви к другому человеку).

Случай Шребера

Фрейд обнаружил (1911) высокий уровень любви к себе в автобиографически описанном случае паранойи, известном как случай Шребера. Фрейд вообще подозревал подобные вещи как при шизофренических расстройствах так и при ипохондрии. В этих патологических случаях собственная личность становится объектом любви за счет отношения к другим людям. В смысле теории либидо, теории об энергетическом замещении влечений, собственная личность замещается нарцистическим либидо или «либидо самости».

Что является выводом из этих психоаналитических соображений? То, что любовь к объекту и любовь к себе диалектически связаны между собой. Они равно изначальны и всесторонне влияют друг на друга (Эрих Фромм «Искусство любви»). Происходит ли одна ценой другой — вопрос не мало значимый, поскольку в действительности существуют случаи, когда собственная личность делается предметом любви за счет других людей. По моему опыту, находящему

свое подтверждение в греческом мифе о Нарциссе, это случается как следствие отсутствия любви в детстве.

Здоровый и патологический нарциссизм

Среди прочего имеет смысл разделить нарциссизм на здоровый и патологический, хотя провести между ними границу достаточно трудно. Во всяком случае хорошее отношение к себе, хорошая оценка себя и уделение себе внимания являются показателями психического здоровья. В этой перспективе здоровая любовь к себе является предпосылкой способности полюбить другого человека. О патологическом нарциссизме можно говорить лишь тогда, когда

-157-

имеют место крайние формы «замещения» других людей собственной личностью.

В современном психоанализе нарцистическими характеризуются проблемы, которые вращаются вокруг нашего чувства самооценки и уважения к к себе. Подобные проблемы не возникают, когда мы находимся в согласии с собой, а проще говоря, хорошо себя чувствуем. Тогда наступает чувство спокойной самоуверенности. Между нашими самоощущениями и самоидеалами не возникает каких бы то ни было больших разногласий. И вместе с тем мы чувствуем себя достаточно уважаемыми и ценимыми другими людьми. Аффективное состояние в связи с этим оказывается здоровым чувством собственного достоинства, положительной самооценки.

Когда мы говорим о нарциссизме или нарциссических феноменах, следует различать:

1. Патологическое состояние любви к себе, которое возникает за счет любви к объекту;

2. Переходную фазу на протяжении детского развития, когда ребенок слишком занят собой, можно сказать — эгоистичен;

3. Субъективная благорасположенность или аффективное состояние, в котором мы чувствуем себя благополучно и уверенно.

Я рассматриваю нарцистическую проблематику в психодинамической перспективе в рамках сферы нарцистической регуляции, которая, как свод правил, регулирует уровень нашего чувства самооценки: уровень зависит от соответствия, которое на данный момент существует между самообразом и образом того, кем мы хотели бы быть, нашим идеальным образом. Если между идеальным и реальным образами существует большое расхождение или разлад, тогда мы чувствуем себя пристыженными и неполноценными по отношению к своим идеалам.

Тогда у нас нет возможности правильно воспринимать себя, любить и ценить. Нашему чувству самооценки в той или иной степени наносится вред. Если же у нас нет надежд на достижение идеального образа, то появляются переживания беспомощности и беззащитности, за которыми следуют депрессивные чувства (сравни: депрессивные неврозы или невротические депрессии в параграфе 2.5.). Рассматривая это в структурной форме, можно придти к выводу, что мы имеем дело, с «самостью», или точнее, с образом «Я», пострадавшим от нарцистических нарушений. Центральная психодинамика — нарцистически нарушенное «Я», т. е. «Я», которому причинен вред в самооценке.

Основные нарциссические потребности

Понять нарциссические нарушения можно еще глубже, если наряду с нарциссической сферой регуляции между Идеальным-Я и Реальным-Я дополнительно принять во внимание отношение к объекту. Здесь мы можем говорить о круге субъектно-объектных законов, который безупречен, когда мы свободно и независимо двигаемся к объекту или от него. Но он нарушается тогда, когда в той или иной степени существует зависимость от объекта. Тогда возле нас обязательно и постоянно должно находиться другое лицо, при этом все время обращать на нас внимание, хвалить, восторгаться. Без подобного общения мы уже не можем чувствовать себя уверенно. Мы будем ощущать себя нелюбимыми и несчастными. Здесь, наряду с зависимостью от объекта, находит свое выражение ущербная любовь к себе. Здоровая любовь к себе как раз и призвана спасать от подобного несчастья, связанного с тем, что однажды мы испытаем отсутствие поддержки извне.

Однако правильным было бы оценить себя и других следующим образом: всякий человек, в том числе и здоровый взрослый, а не только ребенок, зависит от других людей, которые важны для него, и для которых он тоже важен. Нет ошибки, если сказать, что аналогично половому влечению существует потребность, заключающаяся в желании быть любимым, что наряду с чувством голода она составляет фундаментальный ряд потребностей.

Английское слово «needs» напрямую указывает, что речь идет об элементарной потребности, об элементарной необходимости, неудовлетворение которой, вызывает страдания. Если нет хотя бы минимальной сатисфакции этой данной от природы нарцистической потребности, нам не будет хватать элементарной уверенности, будет не доставать того, что придает нам ощущение внутренней устойчивости.

Важен вопрос, существует ли подлинная уверенность в себе, или мы лишь воображаем себя уверенными в плане иллюзии или мечты. Еще детьми мы научились — на это особенно ссылается Когут — компенсировать свою беззащитность и бессилие выстраиванием внутри себя «грандиозного» нарцистического образа, позволяющего переносить неминуемые состояния беззащитности и бессилия гораздо легче.

Грандиозные представления, следуя Когуту, могут, однако, иметь отношения и к родителям и к другим важным для нас лицам, -которые

-159-

переживаются нами в величественной идеализированной форме. Это чувство позволяет нам, будучи детьми столь великолепных родителей, ощущать свое великолепие, поскольку в их великолепии мы имеем свою долю. Нечто подобное мы переживаем и в повседневной жизни, когда нарцистическим путем возвышаем какую-либо личность из своего окружения, чтобы окунуться в лучи ее великолепия.

Заблуждения, разочарования, обиды

Очевидно, что подобные иллюзорные решения рано или поздно вызовут такое же разочарование, как детская вера в младенца Христа или Деда Мороза. При этом важно отметить, что подобные дез-иллюзирования или разочарования

предуготовлены нам важными участниками отношений, и требуется их поддержка для того, чтобы иметь возможность относительно безболезненно разобраться с собственным разочарованием. Если у нас будет достаточно времени и благоприятные внешние условия для того, чтобы иметь возможность переработать подобные неизбежные разочарования, тогда нарциссический завышенный образ будет все более и более приближаться к реальности. В этом случае из него сможет развится то, что Когут назвал когерентным, т. е. стабильным «Я», с чем, собственно, и связано чувство собственного достоинства.

Крупные разочарования, увы, не редкие в человеческой жизни, наоборот, ведут к серьезным кризисам, связанным с лабильным чувством собственного достоинства, в патологических случаях мы имеем, названные Когутом нарцистические расстройства личности, характеризующиеся тем, что личность оказывается не когерентной, а преломленой в самой себе, т. е. фрагментированной.

Причиняющие нам вред обиды подробно описаны в книгах Алисы Миллер, прежде всего в «Драме одаренного ребенка и поиске истинного «Я» (1979). В своей второй книге «В начале было воспитание» (1980) в качестве причин нарциссических нарушений она называет не сочувственные, не учитывающие ранимость детской души и ее потребность в любви отношения многих родителей, и даже пренебрежительное отношение многих родителей и воспитателей к своим детям или ученикам. В генезе нарцистических расстройств огромную роль играет травматизирующее поведение важнейших участников отношений. Тем самым нарцистические расстройства, в согласии с до-классической травматической моделью неврозов, являются травматическими неврозами, т.е. неврозами, причинами которых являются нарциссические обиды и оскорбления самости. Иными словами: нарцистические расстройства это следствия травматического воздействия на ранимую детскую психику.

Таким образом, современная психология самости Гейнца Когута выстроена в традициях травматической теории З. Фрейда, получившей свое развитие в венгерской школе психоанализа Сандора Ференци и Михаэля Балинта. В теории Балинта первичная любовь к объекту (1973) — это любовь, которая стремится заполучить любовь объекта и удовлетворяется только тогда, когда ребенок получает эту любовь. Балинт рассматривает это состояние как первоначальное состояние младенца. У него нет первичного нарциссизма, вторичный же нарциссизм возникает тогда, когда фрустрируется первичная любовь к объекту.

Полагаю, читатель согласится со мной, если я, следуя за Балинтом, буду исходить из того, что первично мы нуждаемся в любви к объекту в смысле экзистентной необходимости. Это утверждение соответствует действительности, в особенности, в детском возрасте, в зрелом возрасте такое соответствие проявляется в меньшей степени, поскольку здесь мы уже развили более или менее устойчивое чувство собственного достоинства.

Нарцистические неврозы

В качестве нарцистических неврозов мы отличаем от остальных невротических расстройств такие психические нарушения, при которых реактивируются описанные Когутом ранние детские нарцистические структуры; или же последние переживаются снова уже в патологической форме. Как и дети,

пациенты с подобными симптомами чувствуют себя великолепными, единственными в своем роде, омнипотентными или всемогущими вследствие реактивных бессознательных психических процессов. Они ожидают — ошибочно — от других людей отношения, соответствующего их восприятию самих себя. Если такового не случается, они очень быстро разочаровываются, реагируют депрессивно или агрессивно. Они постоянно находятся в бессознательных поисках утраченного времени своего могущества и великолепия.

У страдающих нарцистических личностей эти поиски выражены сильнее всего. Это могут подтвердить многие аналитики, вне зависимости

-161-

от их отношения к вкладу Когута в науку. В идеализированном переносе на психоаналитика осуществляется идеализация пациента, т.е. психоаналитик рассматривается как нарцистически завышенный объект, от которого пациент ждет такого же великолепия, какого в свое время он ждал от родителей.

Легко догадаться, что подобная иллюзия не может долго сохраняться в силе, и рано или поздно сменяется разочарованием. Однако в анализе пациент имеет шанс, что психоаналитик посочувствует ему и поддержит его больше, чем бессердечные родители своего ребенка; тем самым психоаналитик поможет ему переработать неизбежные нарцистические обиды.

Применение психоаналитической теории нарциссизма в педагогике и обществе

В виду большого практического значения для воспитания психоаналитическая теория нарциссизма особенно интенсивно обсуждается в педагогических кругах. Примером этого могут служить книги «Пубертат и нарцистизм» (1975), «Нарцисс: новый социализированный тип» (1979).

Дополнительно к этому учителя часто наблюдают в школах учеников, которые чересчур заняты собой, не могут сконцентрироваться на занятиях и тем самым косвенно представляют для них трудности. Применяя идею нарциссизма в педагогике, авторы ищут объяснение для нарцистических нарушений, которыми, по их оценке, чаще страдают школьники. Они находят объяснение в том, что названо ими новым социализационным типом, речь идет об обойденном в эмоциональном отношении и неуверенном ребенке, который растет под фрустрирующим воздействием доминирующей матери, испытывая разочарование в эмоционально тусклом отце. По мнению авторов, при подобных социализационных условиях стабильное чувство собственного достоинства не может развиться, поскольку прежде всего отсутствуют достойные идеалы для подражания.

В подобной психоаналитической перспективе, женщины стремятся бессознательно быть хорошими матерями, однако, рискуют вызвать разочарование, если потребуют слишком много от своих чад. Мужчинам также не трудно представить себе эмоционально тусклого отца собственного семейства, которому мало что можно доверить.

Психоанализ дает возможность понять некоторые проблемы совместной межчеловеческой жизни. Вспомним о партнере — любовнике, цепляющемся за женщину, вешающегося на нее как дитя на мать; вспомним домочадцев, впадающих в глубокую неуверенность, когда искренние нежные отношения вдруг становятся натянутыми. Такие люди сильно зависят от постоянной

нарцистической подпитки. Они хотят, чтобы их постоянно лелеяли, уважали, восхищались ими. Подобные люди есть в ближайшем окружении у каждого. Они всегда стремятся к обеспеченности, ничего при этом не делая. Они не способны переносить конфликты, выносить волнение, обходить кризисы и решать неизбежные любовные конфликты. Предпочитают стремиться «обратно в рай», как совместно охарактеризовали их Кремериус, Моргенгальтер, Ротшильд и другие участники Цюрихского психоаналитического семинара (1983).

На этом семинаре, кстати, делались попытки представить новую нарцистическую теорию психоанализа как идеологию. Высказывались опасения, что в связи с идеей о новом социализационном типе многие молодые люди будут безосновательно опорочены; звучали упреки и в адрес Когута, в частности, в том, что он антиисторичен и сам является невротиком. Я считаю, что такая деструктивная критика бьет далеко мимо цели и не могу к ней присоединиться. Личное знакомство с Когутом позволило мне убедиться в том, как заботливо стремится он понять анализируемых им людей, как постоянно критически проверяет свои собственные мысли и действия, несмотря на его всегдашнее убеждение, что благодаря своему пониманию нарцистических расстройств, он нашел новый подход к недоступным до этого психическим нарушениям и к людям, ими страдающим.

Резкое неприятие Когута и его учения отдельными психоаналитиками, возможно, объясняется еще и тем, что Когут затрагивает личные недостатки психотерапевтов и аналитиков, дефекты, состоящие в том, что невозможно сколь-нибудь глубоко и точно понять пациентов при отсутствия эмпатии, а значит, невозможно и достаточно успешное их лечение. Для меня вклады Когута в развитие психоанализа очень важны. Его разработки помогают мне лучше понять моих пациентов, проявлять с ними больше терпения особенно тогда, когда речь идет о замене их ущербного чувства самооценки на здоровое чувство самопринятия. В заключение приведу еще один пример нарцистического невроза:

-163-

40-летний архитектор испытывал трудности относительно своей собственной идентичности (лишь в позднем детстве он узнал, что человек, которого он воспринимал как отца, вовсе не его отец, настоящий же отец — это «дядя»). Став взрослым и сойдясь с женщиной, обращавшейся с ним как мать, этот человек почувствовал сильную неуверенность в себе. Его сомнения выражались в замедленном мышлении, в мучительных раздумьях о простых вещах, он чувствовал себя неуверенно в обществе, подозревал у себя «нарушение сердечного ритма», не отвечал элементарным требованиям обыденной жизни. Его симптомы объяснились отсутствием взрослого участия в детстве, непониманием взрослых и многочисленными душевными травмами.

В процессе психоанализа было интересно наблюдать, как личные мысли и действия, чувства и переживания находятся в центре внимания обоих участников. При этом пациент мог наверстать упущенное в детстве и приобрести опыт того, как другие люди интересуются им, интересуются его мыслями и действиями, чувствами и телесными ощущениями. Он работал с большой отдачей и старался дополнить анализ, заключавшийся по существу в обычном разговоре, возможностями собственного развития: учительница йоги способствовала его новому самопознанию, учитель по лыжам — новому

владению телом, мастер по плаванию научил его плавать, чего он не умел в детстве и чего очень боялся. Большое значение имел и фактор «выговаривания»: в течении многих часов нужно было слушать его рассказы о своих новых опытах и физических переживаниях, сочувствовать ему, находить слова для общения и вызывать у него такое чувство, которое помогло бы ему наверстать нечто жизненно важное. В дальнейшем, стабилизировав свой здоровый нарциссизм, этот пациент стал развиваться совершенно неожиданным образом. Он не только нашел новую партнершу, с которой смог построить отношения на принципе взаимного уважения, но и пережил плодотворный расцвет своей творческой деятельности. Это ли не доказательство того, что при достаточно длительном и терпеливом участии и эмпатии можно достичь значительных психоаналитических результатов.

3.2. Пограничные случаи

Симптоматика

Под пограничными случаями понимают психические нарушения, которые располагаются между неврозом и психозом, т.е. на границе — (Boderline (англ.) — пограничная полоса). Такой диагноз раньше ставился редко, однако, сейчас ставится чаще, благодаря работам Отто Ф. Кернберга (1975, 1976) и монографии Кристы Роде-Дахсерс (1979).

В отличие от симптомов «классических» неврозов симптомы «пограничных случаев» или «состояний» относятся не к объективным телесным недомоганиям, а скорее напоминают симптомы навязчивых состояний, фобий, депрессивных состояний. Сюда относятся и фантазии о собственном величии, выраженная занятость собой, характерные для нарцистических нарушений личности.

В связи с этим весьма нелегко выделить что-то типичное для пограничных случаев. В области симптоматики это прежде всего чувство пустоты и бессмысленности. Кроме того, пациенты чувствуют себя беззащитными и зависимыми от воли других, которым они, однако, завидуют, поскольку считают этих «других людей», менее страдающими от чувства опустошенности и бессмысленности, чем они сами. Отсюда вполне ясно почему подобные пограничные личности часто ощущают сильные чувства зависти по отношению к другим людям. Сознаться в зависти и «опустошенности», однако,— перспектива достаточно болезненная и унизительная; от таких чувств защищаются сообразно с психоаналитическим учением о защите. Поэтому мы переходим к психодинамике пограничных случаев.

Сфера защиты

Для того чтобы не воспринимать всю глубину внутренней пустоты и, всю меру беззащитности и бессилия, существует защитный механизм, играющий центральную роль в современном психоанализе, а именно: расщепление.

Чтобы понять, что понимает под этим определением психоанализ, нужно начать издалека и кое-что пояснить. Следует представить, что наряду с чувствами опустошенности и бессмысленности в психике пограничной личности функционируют и другие чувства, а именно идеи величия, т. е.

представления о собственной грандиозности и совершенстве, имеющие место при нарцистических нарушениях личности в своем чистом виде. Защитная функция «расщепления» состоит в том, что личность одновременно раскалывается на две части; одна часть чувствует себя совершенной и великолепной, другая — опустошенной и бессмысленной. Усилия защиты состоят в том, чтобы содержать обе противоречивые области в отделенном друг от друга состоянии. Картина «Самости» пограничной личности характеризуется тем самым расщеплением на две части. При этом в какое-то определенное время сознательной является только одна из частей, а другая остается бессознательной и наоборот. Характерные особенности пограничных личностей заключаются, таким образом, в том, что состояния собственной грандиозности и беспомощности, опустошенности и бессилия могут быстро меняться местами.

Наряду с противоречивыми образами себя самого, в психике пограничных случаев функционируют также противоречивые образы важнейших участников отношений: временами они тоже кажутся либо очень выдающимися, великолепными, идеальными фигурами, либо принципиально плохими и ни на что не способными. Подобные представления могут столь же быстро меняться местами.

В отношении к другим сказываются быстро сменяющиеся интерактивные образцы: первый — при котором собственный образ воспринимается как великолепный, в тоже время как к другому человеку относятся пренебрежительно, считают его ничтожным и самозависимым; второй — когда себя воспринимают ничтожным, а другого как совершенство.

Чтобы представить себе воплощение таких теоретических образцов отношений, можно обратиться к реальным примерам, связанным с сильными аффектами. Уже упоминалась зависть неимущего к имущему. Следует включить сюда гнев, презрение, все формы недооценки, например, издевательство, высмеивание и т. д. Против других могут направляться те чувства, которые в следующий раз будут направлены против себя. Если же благодаря защитному механизму «расщепления», обесценивающие и другие процессы хорошо отделены друг от друга и не вызывают взаимных нарушений, тогда все личностное «устройство» может действовать относительно благополучно.

Особенно беспрепятственно оно функционирует тогда, когда человеку с пограничным случаем удается включить в это «устройство» другое лицо в смысле межличностной защиты. Им будет человек, которым восхищаются и которого идеализируют в тот момент, когда одновременно хоть сколько-нибудь ценят и себя. В противном случае другое лицо будут недооценивать именно в тот момент, когда высоко оценивается, идеализируется собственный образ. Последующая иллюстрация позволит нам отличить вертикальное расщепление от расщепления горизонтального; вертикальное расщепление отделяет обесцененное Я и парт-объект от соответствующих областей Я и объекта, в то время, как горизонтальное расщепление поддерживает в разделенном состоянии однородные образы Я и объекта (см. табл. 10).

Подобная множественно «расщепленная» личность не способна излучать уверенность, она прежде всего ненадежна. Результатом оказывается личность, не уверенная в себе, слабая. Она слаба, даже если из-за высокой интеллигентности и не производит такого впечатления на первый взгляд. Интеллигентные пациенты с пограничными нарушениями как раз обыгрывают свои слабости, прельщая ими свое окружение.

В межличностных отношениях их недостатки, тем не менее, сказываются довольно быстро. Прежде всего это выражается в частых сменах идеализации и обесценивания. Сексуальные, агрессивные и перверсивные влечения часто подталкивают к искаженному удовлетворению. Согласно моему опыту, это чаще всего приводит к садистским побуждениям, связанным с обесцениванием другого лица, и происходит особенно болезненно, если ранее это лицо идеализировали.

Вертикальное расщепление разделяет обесценивающие (плохие) и идеализирующие (хорошие) Я-и парт-объекты друг от друга. Горизонтальное расщепление поддерживает взаимное разделение Я-представлений и объект-представлений.

В клиническом плане существует четыре ситуации:

1. Индивид сознательно переживает себя как существо великолепное, совершенное, воспринимает объект как идеальный (представления о плохом Я и плохом объекте исключаются посредством вертикального расщепления).

2. Индивид сознательно переживает себя как существо достойное презрения, аналогичное переживание в связи с объектом: налицо состояние депрессии (идеализированные Я- и объект-представления защищены с помощью вертикального расщепления).

3. Индивид сознательно переживает себя как существо идеальное, а объект — как презренное (плохие составляющие Я бессознательны из-за вертикального расщепления. Идеальные объект-составляющие равным образом бессознательны по отношению к плохому объекту из-за вертикального расщепления. Хороший объект защищен от Я, переживаемого как идеальное, горизонтальным расщеплением).

4. Индивид сознательно переживает себя как существо неполноценное, а объект — как идеальное (идеальные Я-составляющие бессознательны по отношению к неполноценно переживаемому Я с помощью вертикального расщепления. Плохие объект-составляющие защищены от хороших объект-составляющих с помощью вертикального расщепления. А по отношению к плохому Я — посредством расщепления горизонтального).

Таблица 10. Структура пограничной личности, модифицированная по Кернбергу (1975).

Причины

В связи с чем это происходит? — спросит читатель. Возможный ответ таков: это случается тогда, когда в детстве ребенок получает слишком мало любви и/или во многих смыслах переживает плохое с ним обращение, если не сказать — жестокое. И здесь я хочу перейти непосредственно к клиническим примерам:

39-летняя учительница жаловалась на усталость, головные боли и неспособность более или менее сносно переносить свою обыденную деятельность. Внутренне она чувствовала опустошение и ощущала себя глупой.

Кроме того, она испытывала садистические припадки в отношении к мужчинам, которым в своих фантазиях желала отрезать член, именно тогда, когда те вожделели женщину. Она боялась темноты, воды, высоты, глубины и незнакомых людей.

Более чем 500-часовой анализ привел к ярко выраженному состоянию ступора или клинча между анализандом и аналитиком. Поначалу женщина чувствовала себя значительно выше аналитика и вообще считала его мало на что способным. Затем ситуация изменилась с точностью до наоборот: она стала ощущать собственное бессилие, зависимость и потребность в помощи, а психоаналитика рассматривать как совершенно независимое, полное сил и власти существо. Он казался пациентке мужчиной, который мучает, унижает женщин, утаивает от них их хорошие качества, стремится показать им лишь то, что они ничего не стоят, что они зависимы и нуждаются в помощи.

Особенность подобных отношений оказалась повторением прошлых

отношений между дочерью и отцом. Она ощущала, что отец ее использует, злоупотребляет ею, постоянно компрометирует и унижает. Позже выяснилось даже, что отец отвел одиннадцатилетнюю дочь в лес и хотел ее изнасиловать. Воспоминания, относящиеся к этому эпизоду, были столь реалистичны, что альтернатива фантазии (а речь здесь шла в первую очередь именно о возможной фантазии) отпадала, как неправдоподобная.

Характерное для пограничных случаев совмещение обесценивания и идеализации относилось в этом конкретном случае к отцу и собственной персоне, проявляясь в характерной эмотивной смене: то пациентка чувствовала себя выше своего отца, осмелившегося совершать над ней подобные инцестные действия, то казалась сама себе последней дрянью, в то время как отец идеализировался.

Образец отношений во взаимодействии между дочерью и матерью повторился как идеализированный с одной, и обесценивающий, с другой стороны: мать тоже, правда, бессознательно использовала дочь для своих целей. Она чувствовала себя с мужем весьма неуверенно и поэтому ей доставляло удовольствие чувствовать превосходство — мнимое — хотя бы над своей дочерью.

В процессе анализа пациентка припомнила, как ее очень тесно спеленали и привязали к кровати, и как мать держала ее во время купания под водой. При этом пациентка переживала рецидив детского страха быть убитой. Этот страх был настолько для нее невыносим, что она предпочла бы убить себя сама, лишь бы прекратить его.

Нет ничего странного, что перенеся столько лишений и неприятностей в детстве, травматизированный ими человек не мог чувствовать себя хорошо. В общении с другими людьми она бессознательно воспроизводила свое травматизированное поведение. И не могла жить нормально хотя бы уже потому, что постоянные, непреодолимые травмирующие обстоятельства все время расходовали душевную энергию, которой оставалось слишком мало для того, чтобы вести нормальное существование.

Так, пациентка призналась, что выбрав профессию учительницы, она стала идеализировать себя, явно превысив свои способности. Попытка обучиться другой профессии не удалась в результате органической неспособности вступать в контакт с другими людьми и строить с ними здоровые отношения. Анализ не удался и прервался по причине внешних обстоятельств. Тем не менее пациентка обрела внутреннее равновесие, приобщившись к церкви. Она нашла в церковном храме замену поддерживающей ее матери, а в Боге,— любящего отца, не испытывая страх быть используемой ими так, как это драматически произошло с ее настоящими родителями.

3.3. Неврозы недостачи и неврозы связи

Неврозы недостачи

Обозначение — невроз недостачи — кажется мне имеющим больший смысл, чем нарцистическое расстройство личности или пограничная личность, ибо в слове «недостаток» выражается именно то обстоятельство, что людям, страдающим подобным неврозом, действительно чего-то не хватает, а именно: любви и участия (1975).

Временами у меня складывается впечатление, что этот невеселый факт скрыт под многочисленными искусными описаниями бессознательных процессов, протекающих у подобных пациентов. Фактическое наличие «нехватки» (дефицита) становится непосредственно очевидным, когда мы вспомним о том, что именно отсутствовало у вышеописанной пациентки: мать не любила ее и поэтому охотно предоставляла в распоряжение отца. Отец, со своей стороны, злоупотреблял дочерью для личных целей. Таким образом, она не имела возможности идентифицировать себя ни с отцом ни с матерью; результатом этого стала большая неуверенность в собственной женской половой идентичности, связанная со склонностью причинять вред мужчинам. Кроме того, пациентка была совершенно не способна развить в себе материнские чувства, поскольку, не имея возможности идентифицировать себя с матерью, не могла уверенно чувствовать себя в роли женщины.

Идентификация с отцом была также затруднена. Однако для девочки, так же, как и для мальчика, необходима возможность позитивной идентификации с отцом, чтобы в последствии стать зрелой личностью. Важно распознавать и оценивать хорошие черты отца, постепенно и незаметно абсорбируя их в свою личность.

Таким образом, в основе неврозов недостачи лежат недостатки в идентификации с. матерью и отцом. По моему опыту весьма часты и всякого рода нарушения , что скорее всего связано с дефицитом «настоящих» поведенческих образцов для подражания. Маргар Мичерлих (1978) даже пишет о конце эпохи образцов для подражания. Особенно большой дефицит в этой области испытывает поколение тридцатых, чьи отец или мать активно действовали во времена Третьего Рейха или пассивно ему пособничали.

Неврозы связей

Понятие невроз связи подчеркивает момент бессознательной связи ребенка с самыми первыми участниками отношений. Чаще всего это мать, с которой дочь или сын не могут расстаться. Отделение тем сложнее, чем меньше свободы получает ребенок от матери, чем больше она держится за ребенка, преследуя свои личные цели. Если же, несмотря на это, дочь или сын отделяются, то чаще всего возникает неизбежный конфликт на почве вины.

Если отец как третье лицо, осложняет каким-либо образом процесс отделения от матери, проблема отделения еще более возрастает. В каждом таком случае разделение ведет к чувству вины. Его можно избежать лишь тогда, когда ребенок сохраняет верность матери.

Многие нарушения отношений у партнеров основываются на том, что подобные бессознательные связи продолжают существовать и далее. Новые отношения бессознательно рушатся во имя сохранения первоначальных — с отцом или матерью. Это частая причина нарушения отношений у женщин, которым не посчастливилось войти в удовлетворяющие их контакты с мужчиной. Конечно, это относится и к мужчинам, которые вследствие своей бессознательной связи с матерью не в состоянии завязать зрелые отношения с женщиной.

Другое невротическое разрешение связи с матерью или отцом в форме «невроза связи» состоит в том, что отца или мать ищут в бессознательном переносе в партнере и каждый раз надеются, что нашли; надеются во всяком

случае столь долго, сколько партнер или партнерша подыгрывают этой «перенесенной» роли. Эрик Берн (1974) и
Юрг Вилли (1975) описали примеры подобных отношений. Нетрудно понять о чем здесь идет речь, поскольку отчасти это происходит с каждым. Кроме того, всякий из нас знает людей, ведущих себя подобным образом.

Впрочем, к представленным здесь неврозам с легкостью можно отнести и пациентов с фобическими симптомами; они равным образом связаны с важнейшими участниками отношений. Партнер должен, в смысле «объекта-заместителя» или «замены», замещать и играть роль постоянного спутника. Отсутствие спутника приводит к состоянию страха. Таким образом, «фобические» люди лишены возможности самостоятельно ощущать уверенность, если они не получают поддержку извне. Поскольку опыта такой уверенности эти люди в детстве не получили, они и во взрослом возрасте зависят от уверенности заботящихся о них людей. Поскольку в детстве необходимого участия взрослых недоставало, они не способны выстроить в себе чувства уверенности и независимости, приобретаемые по мере взросления в присутствии других.

Следующий случай школьной фобии с выраженным страхом по отношению к школе демонстрирует особенно впечатляюще, как тесно может переплетаться поведение матери с развитием фобии у ребенка.

Поступившего в школу семилетнего ребенка его соученики стали дразнить из-за легкого заикания, и постепенно он превратился в аутсайдера и козла отпущения. Как следствие у ребенка перед походами в школу стал появляться все возраставший страх. Какое-то время он еще мог ходить туда в сопровождении матери. Затем оказался не в силах делать и это.

Причину нарушения прежде всего искали в самом ребенке, в возможных фантазиях о наказаниях и преследовании. Ребенок боялся привидений, угрожавших его съесть. В процессе психоаналитического лечения ребенка и сопутствующего — матери, выяснилось, однако, что причина кроется в матери, которая переживала свой брак как очень несчастливый. Поэтому она искала в сыне замену своему мужу.

На этапе терапии следовало сделать связь между матерью и сыном осознанной, чтобы оба участника освободились от взаимного «зажима». Ради большей точности стоит упомянуть, что непосредственно отцу было предписано не только принять на себя роль мужа своей жены, но также и роль отца по отношению к сыну, демонстрирующего своему чаду существование множества интересных вещей помимо «зацикленности» на матери.

Сильная связь с материнской фигурой и страх отделения от матери отмечаются и в анализах взрослых пациентов. Здесь наряду со страхами особо важное значение имеет включение в анализ и патологий участника отношений. Зачастую достаточно и того, что другой член семьи принимает участие в лечении в режиме семейной терапии.

Обстоятельства случаев, в которых мать, слабо ощущая поддержку своего супруга, завладевает ребенком (в качестве замены мужу), постоянно всплывают в психоаналитической практике.

Теперь мы приближаемся к области, от которой исходит некое, кажущееся многим угрожающим, очарование. Речь пойдет о несколько зловещей, но тем не менее, весьма интересной области психозов.

4. Учение о психозах

4.1. Предварительные замечания

В отличие от классических неврозов психозы представлены в психоанализе не столь широко. Лишь относительно немногие известные психоаналитики занимались психотическими случаями, как, например, некоторые пионеры психоанализа: Карл Абрахам, Карл Густав Юнг, Пауль Федерн и Пауль Шильдер.

Важная инициатива по поводу психоаналитического лечения шизофрении появилась в США. Фрида Фромм-Рейхманн, Гарольд Ф. Сирлс и Пинг-Ни Пао в Честнут Лодж в течение многих часов в неделю разбирали случаи отдельных шизофренических больных. Тем самым они несколько прояснили существо этой тяжелейшей душевной болезни. Другие исследовательские центры концентрируются вокруг Теодора Лидра и Томаса Фримана в Глазго.

В Германии психозами, а прежде всего их общественным фоном, интересуются многие активные участники студенческого движения. В связи с этим многократно переиздавался сборник «Шизофрения и семья» (1969). В нем описаны феномены, которые в столь экстремальной форме достаточно сложно наблюдать в собственной семье (знаменитые «двойные обращения», «введение в заблуждение» информацией и другое).

Однако официальная психиатрия Германии не приняла во внимание психоаналитические перспективы, связанные с психозами. В отличие от этого в США психоаналитические подходы были достаточно
широко интегрированы в психиатрию благодаря движению за психическое здоровье. Здесь психиатрия тесно переплетается и с психологией вообще и с психоанализом, в частности.

Немецкие психиатры больше доверяют тестовой психологической диагностике, чем качественным диагностическим возможностям психоаналитического метода (ср. гл. VIII). Поэтому скорее всего они также мало обратят внимание на предлагаемую главу, как и на психоаналитические аспекты психиатрических картин болезней, представленные в книге «Психоаналитическое учение о болезнях» Вольфгангом Лохом в 1967.

Социологи и просвещенные неспециалисты, напротив, найдут следующие главы весьма интересными. Начнем же в виде исключения не с шизофрении, а с более «маргинальных» депрессий, которые, однако, вследствие своей частоты имеют не меньшее значение.

4.2. Депрессивные психозы или психотические депрессии

Разграничение и симптоматика

Депрессивные состояния уже встречались нам в рамках учения о неврозах (ср. гл. VI 2.). Показанные там психодинамические взаимосвязи (переживание потери, тема вины, проблемы самооценки) встречаются и при психотических депрессиях или депрессивных психозах. Значительная разница, однако, состоит в том, что решающий бессознательный процесс —

депрессивный процесс — выражен при депрессивном психозе в большей степени не только количественно, но и качественно.

Наблюдаемая симптоматика характеризуется депрессивным трио:

1. Замедленное мышление, содержание которого вращается вокруг чувства вины, неполноценности, ничтожности и отсутствующего самоуважения.

2. Подавленное настроение и

3. Замедленная моторика.

Три симптоматические области в своем трагическом сужении личной перспективы часто ведут к мыслям о самоубийстве и суицидным идеям. Тем самым депрессии являются серьезными, угрожающими жизни заболеваниями. Симптомы носят преимущественно фазный характер, способный длиться в течение нескольких недель и месяцев. Биполярное развитие процесса характеризуется отчетливой сменой депрессии и мании (ср. гл. VI. 4.3.). Сюда относятся типичные дневные колебания с ухудшением утром и улучшением вечером, как и типичное ухудшение телесных функций с отсутствием аппетита и нарушением сна. Все это можно рассматривать в противовес невротическим депрессиям, при которых отсутствуют вышеупомянутые особенности. Частые при психотических депрессиях маниакальные (иллюзорные) идеи и невозможность воплощения своих замыслов в реальность также отсутствуют при невротических депрессиях.

Бессознательные процессы

Решающие бессознательные процессы относятся к конфликтам влечений как сексуального, так и агрессивного плана. Нарушается генитальная сексуальность, в широком смысле, угасая вовсе. Вместо этого больные подавлены вспышками собственной агрессивности, направленными против собственной личности и причиняющими серьезный вред самому больному. Налицо стремление к деструкции и саморазрушению.

Пассивно-оральные конфликты вращаются вокруг желаний получить, наконец, удовлетворение. Если этого не происходит, то оставшаяся ни с чем личность, испытывает разочарование, ведущее к реактивному гневу; здесь же пролегает путь к страху уничтожить в реактивном гневе то, что еще дает возможность жить.

Такие конфликты, вращающиеся вокруг желаний «иметь-хотеть» и гневом от разочарования лучше всего рассматривать как конфликты орально-садистические. По мнению Мелани Клейн (1977), они особенно сильно выражены оттого, что имеют, в конечном счете, физиологическую природу и угнетают людей изнутри. Поэтому вполне справедливо использовать выражение «эндогенная» депрессия, т.е. депрессия, идущая изнутри.

При более детальном анализе депрессивных состояний обнаруживаются и внешние причины депрессивной угрюмости, а именно — разочарование во вполне обоснованных желаниях, после того, как к ним было проявлено минимальное внимание и участие со стороны других людей. Главная особенность депрессивного процесса — это аффективное состояние бессилия и беспомощности. При этом, согласно Эдварду Бибрингу (1953), речь идет об основном человеческом способе реагировать на фрустрацию, который столь же обоснован, что и реакция страха в виду конкретной опасности.

Любой из нас желает быть любимым и уважаемым. Каждый стремится

чувствовать себя значительным, сильным и уверенным. Всякий человек хотел бы любить других людей.

Именно осечки этих трех желаний и ведут реактивно к депрессиям. Подобные желания относятся к вопросу самооценки в психоналитической нарцистической теории и действующим в ней подразделам, касающимся нарцистической регуляции. Описанный там разлад между личными идеалами и реальным поведением при психотических депрессиях является экстремально огромным и, фактически, явно преувеличенным. Связанное с этим неприятное душевное состояние приобретает поистине масштаб невыносимости: депрессивный больной чувствует себя абсолютно ничтожным, никому не нужным и ничего не стоящим.

У депрессивной личности отсутствуют те защитные механизмы, которые находятся в распоряжении личности нарцистической. В этом их качественное отличие друг от друга. Но все же некоторые защитные механизмы, например «расщепление», у депрессивного больного сохраняются. Характерен также защитный механизм изолирования. Депрессивный больной бессознательно пытается сохранить самоуважение («истинное Я», 1965) в ситуации напора обесценивающих и разрушительных процессов посредством своей «изоляции», «Истинное Я» тем самым действительно сохраняется, однако, надобность в нем в последующем отпадает, поскольку оно становится неприступным — защитный механизм оказывается малопригодным.

Малопригодной в этой связи оказывается и защитная попытка идентификации с угрожающим, преследующим и наказующим объектом. Успех защиты здесь заключается в том, чтобы устранить ситуацию вечного мучения, наказания, преследования. Приносимая при этом жертва — это частичная при невротических и полная при психотических депрессиях конвертация самости в угрожающий объект.

Депрессивный процесс

При психотическом типе депрессивный процесс состоит в том, что обширные части личности пропадают (в структурной модели Фрейда — «Я» или эго) под воздействием угрожающей инстанции (в структурной модели Фрейда — супер-эго или «Сверх-Я»). Они «завоевываются», «захватываются» — читатель простит мне мои милитаристские метафоры — поначалу угрожающей, а затем и непосредственно атакующей инстанцией и, в конце концов, «становятся ее собственностью», если не сказать «поглощаются ею».

Однако депрессивный процесс может состоять и в том, что «Я» подчиняется умозрительной или реальной власти «Сверх-Я» и позволяет ей себя «поглотить», как бы полностью капитулируя. Чаще всего на границе между внутренней (личной) и внешней областью находится бурное «Туда — сюда» — промежуточная область, в которой берет верх то одна, то другая сторона. Тем самым, описанным психиатрами различным состояниям между:

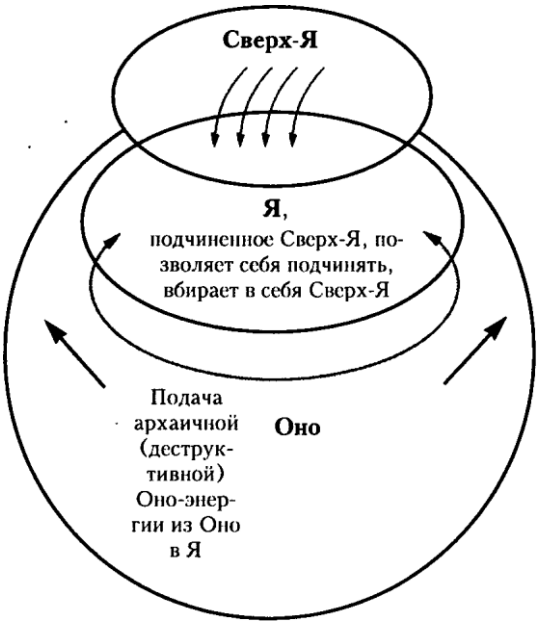
а) заторможенной депрессией, в которой «Я» капитулировало перед «Сверх-Я» и

б) возбужденной депрессией, в которой борьба между «Я» и «Сверх-Я» в полном разгаре (см. табл. 11), находится вполне логичное объяснение.

Используя язык образов, Фрейд говорит о том, что тени, «Сверх-Я» пали на «Я». Сомнительное достижение защиты состоит в том, чтобы по меньшей

мере не контактировать с угрожающим, наказующим или преследующим объектом. Правда, потеря за это самости — цена слишком высокая. Еще один недостаток заключается в том, что под действием депрессивного процесса «захвата Я» пропадают и хорошие составляющие объекта, их больше нет во внешнем распоряжении (когда яблоко съедено, его уже нет в моих руках).

В отличие от невротических депрессий при депрессиях психотических собственные и привнесенные внешней средой части личности отделены друг от друга не столь явственно. В этой психодинамической особенности психотическая депрессия столь же психотична сколь шизофрения, даже если депрессивная личность не расщеплена наподобие шизофренической на множество частей. В этом состоит серьезное качественное отличие от невротической депрессии, при которой границы между «Я» и «Не-Я» все время строго соблюдаются.



«Сверх-Я» окунается в «Оно» (Фрейд, 1933 С. 85)
«Тень объекта падает на Я...» (Фрейд, 1916. С. 435). Вследствие этого Я (посредством интроекции со Сверх-Я) меняется структурно: «Я-обнищание» (Фрейд 1916. С. 431).

Таблица 11. «Психотический» тин депрессии: «Я» почти полностью занято, «поглощено» «Сверх-Я». «Сверх-Я» словно тень падает на «Я».

В заключение представим депрессивный процесс в хронологической последовательности.

1. Он начинается с разочарования в себе или другом.

2. Это ведет к нарцистической обиде.

3. Появившаяся беспомощность становится невыносима.

4. В связи с этим больной в качестве компромисса с обидой бессознательно пытается получить нарцистическую подпитку от объекта.

5. Возникающая при этом зависимость создает дополнительное ощущение нарцистической обиды, от которой поэтому необходимо отказаться.

6. Невыносимая зависимость от мощного объекта переносится легче, если объект начинают унижать и обесценивать. 7. Последнее приносит удовлетворение. В конечном итоге следует наказание себя самого, поскольку

обесцененный объект не может далее продолжать предоставлять нарцистическую подпитку. Ведь другой при этом никак не лучше, нежели больной. Поэтому такое положение вещей все же может вести к временному примирению с собой.

Малейший повод, однако, например небольшие провокации, снова может нарушить ненадежное равновесие. Реактивный гнев в таком случае способен разрушить объект, от которого зависит. С одной стороны, это выглядит триумфом. Однако, с другой стороны, подпиливается сук, на котором сидишь. Чтобы избежать подобного состояния агрессивность направляется на собственную личность. Последнее воспринимается как меньшее зло, но в результате возникает большее сомнение в себе и снижение самоуважения.

Терапия

Названные бессознательные процессы описаны здесь так подробно потому, что они возникают повторно во время психоаналитического лечения: здесь в начале лечения анализанд чувствует себя совершенно разбитым, однако, при переносе на аналитика оживляет как свои защитные агрессивные порывы по отношению к другим, так и свои желания, чтобы тот восхищался им и признавал его. Тогда в контрпереносе психоаналитик чувствует, как в одной фазе лечения он воспринимается возвышенным, идеализированным, являясь предметом восхищения, в то время, как в другой — он становится объектом разрушительных нападок и язвительного обесценивания.

Если осторожно конвертировать бессознательные процессы, такие, как идеализация, обесценивание, идентификация, агрессия, самопожертвование и связанные с ними страхи, в сознание, то можно добиться улучшения и при депрессивных психозах.

Вероятность успеха будет тем больше, если соотношение между пережитым в детском возрасте хорошим обращением и неуважительным неприятием в дальнейшем бросается в глаза не слишком резко. Кроме того, благоприятным условием можно считать способность больного поддерживать и сохранять новое, созданное во время лечения обращение, а не разрушать его снова в результате неизбежной агрессии разочарования.

Если же соотношение между приобретенным из опыта обращением и презрением наоборот неблагоприятно, то тогда становится ясно, отчего многие депрессивные больные желают пресечь муку самоубийством.

Ясно, что в результате самоубийства вместе со страданием прекращается и жизнь. Поэтому здесь трудно утверждать какое-либо легкомыслие со стороны самоубийцы. Ясно и другое: если поддерживать интенсивное общение и пытаться при этом понять этих людей с суицидными идеями, то многих из них можно уберечь от самоубийства. К сожалению, зачастую времени не хватает именно тогда, когда необходима помощь. Это осложняется еще и тем, что врачи, лечащие пациентов с суицидными тенденциями, не готовы к взаимодействию с психическими проблемами суицидного больного. Психоаналитики же, способные это делать, не имеют возможности контакта, в частности, из-за своих обязанностей перед другими пациентами, которых они уже лечат.

В жестких самоубийственных действиях, таких, как попытки застрелиться или повеситься, в значительной степени преобладает

самоагрессия. При мягких самоубийствах, например, с помощью снотворных таблеток, отчаявшиеся люди бегут от невыносимой ситуации и ищут гармонии и мира в крайней регрессии, пусть и ценой собственной жизни. Поэтому попытка самоубийства или самоубийство как таковое это всегда также и экстремальный нарцистический криз.

4.3. Мания

Психодинамика

В кратком определении, мания — это «гениальное» отрицание всего, что способно вводить в депрессию. В центральном фокусе мании заключена реанимация (повторное оживление) всех тех областей, в которых тот или иной человек ощущает себя великолепным, значимым и всемогущим. Поэтому общая защита в мании от депрессии точно соответствует защите при нарцистических нарушениях. В контексте удобной и практичной структурной модели, это случай, когда, говоря образно, «сверх-Я» «побеждено» «Я»: «Я» стоит выше «сверх-Я» и наслаждается своим триумфом настолько долго, насколько это возможно.

И тем не менее, мы имеем дело с «большой» иллюзией (защитный механизм «отрицания») т. к. реальные обстоятельства совершенно иные. Рано или поздно соотношение сил (читатель простит мне очередное милитаристское сравнение) снова приводит к победе «Сверх-Я» и низложению «Я». После опьянения наступает похмелье.

Бертром Д. Левин (1961) объяснял энтузиазм и повышенное настроение маниакальных людей их верой в то, что давно желаемое вот-вот достигнет своего воплощения. Возвышенное чувство в мании, как и исполнение желания в фантазии, является, однако, неподлинным и обманчивым. Это — наслаждение заблуждением. Маньяк теряет связь с действительностью в угоду мечте. Он словно в иллюзорном самообмане придает своим фантазиям статус реальной жизни и принуждает тем самым и других людей перенимать определенные, предписанные им его мечтой, роли. Если эти другие люди будут действовать в согласии с такими предписаниями, то их действия, разумеется, укрепят маньяка в его устремлениях. Однако рано или поздно это неизбежно приводит к серьезному столкновению между мечтой и действительностью. Следствием чего является неминуемая депрессия.

Терапия

Становится ясно, что при подобных условиях маньяки исключительно тяжело поддаются лечению. Аналитик может лишь показать, что бегство в манию не представляет собой решение проблемы и тем самым помочь им постепенно вернуться к реальности, пусть даже и тягостной. Однако именно этого маньяки и боятся, и поэтому всеми силами избегают психоаналитического лечения (поскольку дела у них — в воображении — идут хорошо). Отсюда: лучший способ обхождения с маниакальным больным состоит в таком посредничестве между мечтой и реальностью, когда, с одной стороны, терапевтические усилия направлены к тому, чтобы расщепить маниакальный мир пациента, а с другой — интересы пациента в терапии представлены и

защищены до тех пор, пока он не окажется в состоянии делать это сам. Конечно, не всегда легко одновременно и поддерживать маньяка в его вымышленном мире, и в тоже время не вызывать у него конфронтации с реальностью. Поэтому не лишено смысла следующее: подождать с вскрывающими психоаналитическими мероприятиями до стадии депрессии. Тогда восприятие реальности уже не будет столь искаженным «отрицанием». Ситуация в значительной степени будет восприниматься такой, какова она в реальности.

-181-

4.4. Шизофрения

Психиатры и психоаналитики

Психиатры видят свою задачу в том, чтобы насколько возможно точно описать симптомы шизофренического нарушения: иллюзии, обманы чувств, ложные восприятия, аутичное или бессвязное мышление, нарушенную аффектность и характерную дезориентацию собственной личности. Тем самым многообразные шизофренические нарушения классифицируются в структурные картины состояний и симптомов: гебефрения, кататония, параноидальная шизофрения. Постулируются органические причины в форме нарушения обмена веществ головного мозга. Для этого действительно есть определенные основания.

Психоаналитики, со своей стороны, интересуются бессознательными душевными процессами, и здесь основную роль играют т. н. расщепления. С защитным механизмом «расщепления» мы познакомились в гл. VI. 2.1. В 1911 году Юджин Блейеру в 1911 году назвал данное психическое расстройство собирательным именем — шизофрения, что дословно переводится с греческого как «расщепленная душа».

Решающая психодинамика

Характерные для шизофрении процессы «расщепления», в отличие от пограничных случаев, выражены более экстремально в количественном отношении, но отличаются от них и в качественном смысле. Посредством процесса «расщепления» разъединенные области без резких границ переходят одна в другую. Границы между разделенными областями частично проницаемы.

Чтобы понять происходящее в личности, страдающей шизофренией, необходимо постараться представить себя в собственной фантазиях. Наиболее значим текущий личный образ. Сюда же относятся личные образы, созданные нами в детстве. Кроме того, у нас есть еще и свой идеальный образ, т. е. образ, которому мы хотели бы соответствовать в идеальном смысле. Для полноты «реальной» картины следует учесть, что порой человек переживает себя как существо злое, плохое, неполноценное, в другие времена — как великолепное и совершенное. С подобными крайностями мы уже сталкивались при описании пограничных личностей (ср. гл.VI. 3.2.).

Чтобы действительно проникнуться душевным состоянием больного шизофренией, следует учесть, что различные перечисленные образы фантазий при шизофрении не отделены друг. от друга сколь—нибудь отчетливо, а существуют все одновременно и к тому же активны в своих проявлениях. Они

толпятся в сознании, и у шизофреника нет никакой возможности от них защититься. Образы настоящего теснятся рядом с образами прошлого и т. п. Если принять во внимание и тот факт, что помимо всего перечисленного «в толпе» присутствуют и различные образы других людей, то можно себе представить (умозрительно) сумятицу переживаний такого человека. Здесь и образы идеализированных и разочаровавших людей, людей, вызывающих гнев и гневающихся, несущих зло и злящихся. На них наслаиваются образы, которые мы создали о людях, ценивших и любивших нас, но впоследствии возненавидевших или преследующих нас. Вообразите: все эти образы равноценно активны и наслоены друг на друга без четких различий между собой. Таков приблизительный портрет беспорядочного многообразия, которое учиняет в голове шизофрения.

В нормальном состоянии у нас есть более или менее ясный образ определенного человека; мы оцениваем его сообразно с тем, каков он сейчас. В случае, если мы вспоминаем о каких-то ранних переживаниях, связанных с этим человеком, то нам представляется образ, изображающий эту личность в соответствующем временном отрезке. При шизофрении разделенные в нормальных условиях образы не только одновременно представлены в сознании, но и носят вирулентный характер. По этой причине человек неизбежно запутывается, дезориентируется и становится рассеянным. Образы самости и объекта подавлены, что лишает человека возможности концентрироваться на происходящем непосредственно сейчас, будь то разговор с другим человеком, интеллектуальная или какая-либо иная работа. Из-за этого серьезно нарушаются поведенческие, мыслительные и чувственные функции. Их уже невозможно привести в порядок. Изобилие переполняющих внутренних образов драматически приводит к тому, что реальный внешний мир перестает восприниматься таким, каков он в действительности. Образы внутреннего мира чрезмерно подавляют образы мира внешнего. Проекции внутренних образов на внешний мир доходят до того, что расщепленная фантазия оживляет внешний мир мнимыми образами. А образы реально переживаемых «внешних» личностей наоборот, «овнутряются, интроецируются, входят в состав структуры собственной личности.

Однако эти проективные и интроективные процессы еще не являются признаком шизофренического психического расстройства, поскольку встречаются и в случаях пограничных состояний. Типичный формальный момент шизофренического психического расстройства — это, наряду с «расщеплением», текучие границы между отдельными образами самости и образами объекта, между внешним и внутренним мирами. Таким образом, как гласит заголовок одного из произведений Хандке: «Внутренний мир становится внешним миром внутреннего мира» и наоборот

Предназначенные для защиты от путаницы образов защитные механизмы «расщепления» отчаянно пытаются содержать перетекающие друг в друга образы в разграниченном состоянии, стремятся прежде всего сохранить хорошие и защититься от разрушающих. При этом существует возможность достигнуть мимолетной стабильности, при которой доминирует либо (как, к примеру, при нарцистической личности) великое «Я» — я совершенно великолепен), либо господствуют (как при депрессиях) ощущения собственной ничтожности и ненависти к себе.

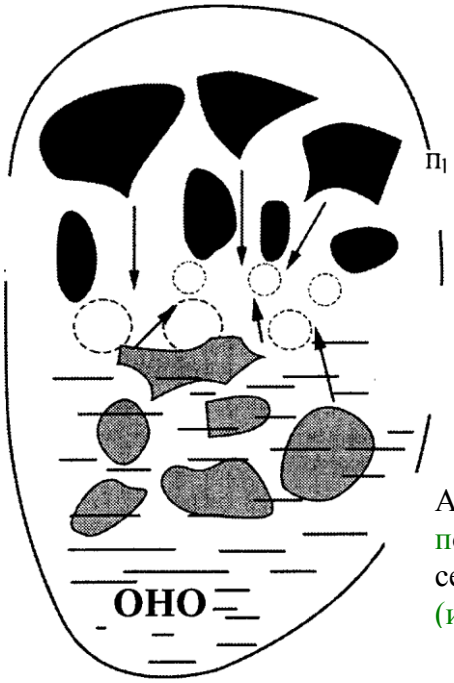
Находясь в подобных душевных состояниях, мы, соответственно, весьма

легко впадаем в ревность, если важный для нас участник отношений обращается к кому-нибудь другому. В другой ситуации над нами доминируют важные авторитеты, которые не только обсуждают нас, но одновременно и осуждают, обвиняют, преследуют.

По мере проникновения в переживания больных шизофренией, все более проясняются и такие непонятные явления, как мания величия, мания собственной неполноценности, мания ревности и мания преследования. Душевный мир шизофреников предстанет перед нами в еще более причудливом виде, если принять во внимание тот факт, что представления о своей собственной или других личностях относятся не к человеку в целом, а только к его частям. Это могут быть и части лица, например, глаза, нос, или части тела — ладонь, нога, рот, грудь, пенис. В данном случае речь идет о парт-объектных отношениях. Примером могут служить объект-отношения между грудью и ртом.

Конечно, в широком смысле подобное не является патологией. Как не является патологической моя концентрация в данный момент на руке, которая пишет данный текст. При шизофрении патологическими являются навязчивые способы возникновения различных образов из бессознательного, одновременное сосуществование самых различных образов и текучесть границ между ними. Навязчивый способ образного заполнения сознания говорит, впрочем, в пользу влечений, дополнительно осложняющих отношения при шизофренических психозах: инстинктивные импульсы сексуального и агрессивного характера возникают в сознании и заполняют его. Не случайно, что в начале шизофренического расстройства часто возникают видения наводнений и утопленных людей. Представленная иллюстрация призвана проиллюстрировать фрагментарные соотношения шизофренической психики (см. табл. 12).

Преследующие, наказующие, угрожающие импульсы
.



Примитивные составляющие «Сверх-Я» или «архаические» иитроекции

Узкая зона относительно безупречных элементов «Я», отчасти сохранивших функции нерасщепленного «Я» (для них характерны размытые границы).

Архаичные состакляющие Я», погруженные и архаичную сексуальность и агрессивность (индуциируемые энергией «Оно»)

Таблица 12. Шизофренический психоз. «Я» расщеплено на элементы (заштриховано) с нечеткими , границами. Элементам «Я» угрожают с двух сторон: интроекция «архаического» «Сверх-Я» (обозначено черным), заключающаяся в преследовании и угрозе наказания; «архаические» составляющие «Я» (серым), полностью наполненные энергией «Оно»,

«затопившего их.

Семейная динамика

При исследовании семей с шизофреническими пациентами выяснилось, что описанные душевные переживания, протекающие в форме бессознательных процессов внутри самой личности шизофреника, могут происходить и внутри семьи, между отдельными ее членами. Здесь встречаются особые патологические формы мышления, чувств и поведенческих функций, которые, если они направлены на зависимого ребенка или протекают в атмосфере его пассивного участия, способны к так называемой «вторичной» патологизации, т.е. к развитию психического расстройства и у ребенка. Иначе говоря, изначально здорового ребенка можно «сделать ненормальным» по отношению к норме. Здесь вспоминаются слова Полония: Если это и безумие, то в своем роде последовательное» («Гамлет», пер. Б. Пастернака. Москва, 1994).

Рассмотрим в связи с этим подход, разработанный специалистом по коммуникации, американцем, Грегори Бейтсоном (1969). Его метод лучше всего перевести на русский, как «метод двойной связи» или как западня отношений. Ребенок попадает в такую «западню» или противоречивую ситуацию, отклоняющую от «нормы» тогда, когда он, например, не может отличить, что из советов важного участника отношений является правдой, а что — нет. В личном опыте у каждого полно примеров подобного рода отношений. Скажем, кто-то «втирает нам очки». Или некто говорит мне: «Ты устал», хотя я чувствую себя достаточно бодро. Человек упорно доказывает, что он на моей стороне, но ведет себя явно враждебным образом. Во всех этих случаях я в затруднении и не могу разобрать, то ли я неправильно воспринял сказанное, то ли налицо ложное сообщение. Если человек для меня достаточно важен, то мне трудно представить себе, что он лжет.

Драматическим последствием такого рода предположений является то, что мне (на основании предположения, что другой человек не лжет) остается придти к выводу, что это я неправильно оцениваю ситуацию. Если представить, что подобные непонимания случаются весьма часто, а значимая для меня личность имеет надо мной власть, перед которой я слаб и зависим, то легко представить, насколько я буду запутан противоречивыми советами и указаниями. Скорее всего настолько, что уже перестану что-либо понимать, усомнюсь в самом себе и создам совершенно неверное представление о реальных соотношениях во внешнем и внутреннем мирах.

Похожее воздействие оказывают мистифицирующие советы, не соответствующие действительности. Первоначально понятие мистификация употребил Маркс, стремившийся продемонстрировать, что процесс эксплуатации рабочего класса,— по крайней мере в том виде, в каком он находился в 19 столетии,— выглядит вовсе не таким, каков он есть на самом деле. Что данный процесс представлен в мистифицирующем виде и таким образом, словно речь идет о добровольных отношениях между эксплуатируемым и эксплуататором.

Простое представление о процессе мистификации можно получить из следующего примера. Мать говорит своему ребенку, чувствующему себя бодро и хорошо: «Соня, ты же устала, ты же хочешь спать». Маленькая Соня пытается поначалу возражать: «Нет, я не устала, я чувствую себя отлично». Однако затем, прежде всего в результате повторения этих слов матерью, она начинает сомневаться в себе, и, в конце концов, начинает верить тому, что устала.

Рональд С. Лэнг (1960) приводит пример злости дочери на свою мать.

— Мать: «Я не злюсь на то, что ты так говоришь, я же знаю, ты так не думаешь на самом деле».

— Дочь: «Но я действительно так думаю».

— Мать: «Ну, дорогая, я же знаю, ты так не думаешь. Ты не можешь сама о себе позаботиться».

— Дочь: «Я могу сама позаботиться о себе».

— Мать: «Дорогая, я знаю, ты этого не можешь, потому что ты больна. Если бы я хоть на минутку забыла, что ты больна, я бы очень на тебя разозлилась».

Здесь в любом случае мать знает лучше, что чувствует дочь. Дочь старается защищаться, но рано или поздно из-за повторяющихся увещеваний матери она почувствует себя неуверенно и согласится с ее мнением, чтобы сохранить мир. В общем, здесь имеет место систематический подрыв доверия у другого к надежности собственных чувств и мыслей. Такое, особенно, происходит тогда, когда мы находимся в неустойчивом душевном состоянии и нам не совсем ясно, что и как именно мы в данный момент чувствуем и воспринимаем.

Фильм «Семейная жизнь» преподносит изобилие подобных примеров: здесь речь идет о конфликте матери и дочери, в котором мать выступает знающей все лучше дочери. Фильм, однако, демонстрирует нечто большее. А именно бессознательные стремления родителей в противовес осознаваемым разговорам: с одной стороны, родители утверждают, что желают своей дочери только хорошее, но, с другой — готовы ее и убить. Когда же дочь начинает осознавать, что подобные желания смерти со стороны родителей существуют и рассказывает об этом («Мать хочет меня убить»), ее объявляют сумасшедшей.

В последующих эпизодах групповой терапии пациентки речь идет о том, чтобы сделать расщепленные чувства и мысли доступными сознанию и разъяснить ей, что из них соответствует действительности. Тогда фальшивые образы себя и матери могут быть скорректированы.

Терапия

В психотерапии врачи или аналитики автоматически уподобляются родителям, сеющим смятение и вносящим путаницу. Поэтому совершенно необходимо, чтобы наряду с запутывающими, внушающими отношениями, между пациентом и терапевтом господствовали ясные рабочие отношения. И здесь, в отличие от двусмысленности прошлого, необходима чувственная определенность. Только путем постоянного прояснения отношений с пациентом у последнего появляется шанс отчетливого осознания своих личных чувств и восприятий, способствующих росту его уверенности в себе.

К сожалению, шизофренических пациентов весьма редко удается вылечить психотерапевтическим методом. Однако есть свидетельства излечения больных с тяжелыми шизофреническими психозами с помощью психоаналитических методов. Разумеется, для этого необходимо, как минимум, принять во внимание «ненормальные» и непонятные на первый взгляд мысли и чувства шизофренического человека. Тогда, к примеру, станет очевидно, что подобное мышление, казавшееся прежде странным, причудливым, не так уж и алогичное, что оно следует определенной логике, имеющей собственный смысл,

комплементарный или противоположный смыслу «здравому». Это, в частности, наглядно продемонстрировал Люк Киомпи в своей книге «Аффектная логика» (1982).

Книги Бенедетти (1983), Брюса Бойера (1976), Фриды Фромм-Рейхманн (1957), Пуля Матуссека (1976), Герберта Розенфельда (1966), Маргерит Сехехайе (1954) содержат множественные примеры латентного смысла безумных фантазий и поступков, равно как и примеры самохарактеристик самих пациентов. Особо в этом ряду следует упомянуть известную книгу Ханны Грин «Я никогда не обещал тебе розового сада» что можно перевести, как: «Я не обещал тебе рая на земле», 1964).

Все перечисленные авторы указывают, что переживания людей, на которых словно ярлык наклеен диагноз шизофрении, во многом сходны с переживаниями здорового человека. Часто вообще складывается впечатление, что те, кого именуют шизофрениками, ближе к истине, чем мы с вами. Реальность — вообще, штука весьма запутанная, и все мы вынуждены к ней приспосабливаться. Чтобы сохранять психическое здоровье, приходится отказываться от восприятия многих аспектов сложной реальности, подчас попросту невыносимых для психики. В своей работе «Базисные нарушения» (1977) Лило Зюльвольд указывает на психологическую фундаментальность работающих защитных механизмов, избавляющих нас от слишком шокирующих воздействий, вне зависимости, поступают ли те извне или изнутри. В этой перспективе очень важны выявленные в психоанализе защитные механизмы. Если бы люди, страдающие шизофренией, обладали более «здоровой защитой», их психика не подверглась бы столь патологизирующим воздействиям. Так что и здесь речь прежде всего идет о защитных механизмах.

5. Психосоматические расстройства

5.1. Формы патологий

В отличие от психических манифестаций, характерных для шизофрении, заболевание может проявляться в телесных изменениях. При этом важную роль могут играть не только такие исследованные медициной причины заболеваний, как бактерии или раковые клетки, но и психические факторы.

Классические психосоматические заболевания

Сюда относятся кропотливо исследованные и определенные Францем Александером (1950) и его сотрудниками из Чикагского института психоанализа семь «канонизированных» заболеваний, а именно: 1) ожирение или похудение, 2) бронхиальная астма, 3) основная (эссенциальная)

-189-

гипертония, 4) нейродермит и другие кожные заболевания, 5) тиреотоксикоз (гиперфункция щитовидной железы), 6) диабет (сахарная болезнь), 7) ревматический артрит (суставный ревматизм).

Однако прогрессивные медики пришли к выводу, что, вообще, почти все заболевания следует рассматривать как, в некотором смысле, психосоматические, поскольку в любом случае действуют психические

факторы, а именно:

а) вторично, как психическая реакция на органически обусловленное заболевание. Здесь логично говорить о «соматопсихических» заболеваниях, поскольку болезненный процесс является первоначально соматическим, т. е., имеет физическую, телесную природу и только вторично охватывает психическую область;

б) первично-психические причины ведут к физическим нарушениям, т. е. непосредственно к «психосоматическим» нарушениям.

В разговорной речи можно обнаружить множество ссылок на психические причины телесных недомоганий.

Стоит только потрудиться вспомнить постоянно возникающие в обыденной жизни те или иные обороты речи. Например: «повесить нос» (насморк), «у меня от этого сердце сжимается» (удушье), «это для меня удар» (сердечный удар), «это нелегко проглотить» (затруднения при глотании), «мне это не по нутру», «злоба заела», «это необходимо переварить» (недуги живота и кишечника), «я стал желчным», «позеленел от злости», «она рвет и мечет» (болезни желчного пузыря или связанные с желчью), «наделал в штаны», «я его уделаю» (различные нарушения стула), «засело в печенках» (различные болезни печени) и т.д.

Манера людей держать себя также отмечена в бытовом простонародном языке: «бесхребетный человек», «ему хребет перебили», «не гни спину», «у него много за плечами». Что касается головы, то мы ее задираем, можем быть сыты по горло, кому-то бывает не сносить головы. Встречаются твердолобые, одни разбивают себе голову, другие прыгают выше нее или получают — по той или иной причине — головную боль.

Теперь можно было бы рассмотреть поочередно различные психосоматические расстройства или сделать общий свод того, как развивалось знание о психосоматических нарушениях; можно было бы также последовательно ознакомиться с психосоматическими концепциями наиболее известных специалистов в данной области. Но поскольку такой путь чересчур обширен и пространен, я решился на сравнительное краткое субъективное обозрение важнейших психоаналитических аспектов психосоматических нарушений.

Кое-что нам уже известно: при рассмотрении истерии и конверсионных неврозов было установлено, что вытесняемые представления — невыносимые сознанием — способны приводить к многообразным необъективизируемым телесным недомоганиям. Поэтому и истерические расстройства в широком смысле этого слова — нарушения психосоматические.

В отличие от психосоматических заболеваний при истерии не удается установить нарушение физических телесных функций. В научно-популярном смысле речь при истерии и конверсионных неврозах идет о «внушенных» расстройствах, т. е. о нарушениях, которые в действительности наличествуют лишь в мыслях и фантазиях пациента. Собственно, «недомогание» спроецировано на тело и переживается в нем таким образом, как если бы оно было «реально».

Функциональные нарушения

Как гласит само понятие, функциональное нарушение или — на языке

медицины — «вегетативная дистония» или «вегетативно-функциональное расстройство» является фактически расстройством деятельности внутренних органов. Сюда, среди прочего, относятся учащенное или замедленное дыхание, учащенное или замедленное сердцебиение, чрезмерно активная или ослабленная работа кишечника, повышенный или пониженный кровоток, судороги желчного пузыря, сужение кровеносных сосудов, пониженная или повышенная функция органов внутренней секреции таких, как щитовидная железа или половые железы.

Подобные расстройства очень распространены; 50% из всех случаев общей медицинской практики, 25% всех заболеваний в медицинской клинике относятся к этим типам заболеваний. От них более или менее страдает 12% населения (Schepank 1987). Стойко непрекращающимся или рецидивирующим симптомам часто соответствуют не только внутри-психические причины или конфликты, но доказать причинно-следственные связи между функциональным нарушением, с одной стороны, и внутренними конфликтами, с другой стороны, достаточно трудно. Ведь внутренние конфликты относятся к норме человеческого существования, в целом. Если же удается установить хронологическую

-191-

взаимосвязь между самим конфликтом и его проявлением в том или ином симптоме, то доказательность такой причинно-следственной зависимости значительно возрастает. Например, результатом нанесенного человеку оскорбления может стать насморк, после сообщения, что нас выселяют, возможны желудочные колики; разочарование в любви способно привести к сердечной боли; утрата близкого человека часто вызывает расстройство желудка и т. д. Виктор фон Вайцзекер, который ввел в медицину субъектно-ориентированный подход, постоянно задавался вопросом: «Отчего именно сейчас?» — вопросом, напоминающим о болезненном переживании, которое непосредственно предшествовало первому появлению телесного осложнения. Еще сложней распознать причинно-следственные связи, когда причины, вызывающие болезнь, выглядят столь ничтожными, что не представляются правдоподобной причиной возникшего психосоматического заболевания. По мнению психоаналитиков в этом случае сказывается приобретенная в детстве предрасположенность к реакции на обиду определенным органом или системой органов. Есть свидетельства в пользу существования даже отчасти унаследованной, а отчасти появившейся в результате идентификации восприимчивости определенных органов в духе некой традиции». Так, к примеру, в определенной семье на стрессы реагируют сердечными осложнениями, а в другой — желудочными.

5.2. Психосоматический процесс

Выбор органа

Сложнейший вопрос в психосоматике — это бессознательный выбор органа, и ответить на него не так-то просто. Однако, используя логический подход, можно несколько прояснить проблему. Например, предрасположенность к кожным заболеваниям может возникнуть либо из-за

чрезмерной заботы о коже младенца, либо в результате полного отсутствия всякой заботы. Здесь подразумеваются сверхтревожные, нервозные отцы и матери. Легко представить, что постоянные споры членов семьи во время еды нарушают процесс усвоения пищи и ведут к расстройствам в области желудка или кишечника. Не лишено смысла и предположение, что доведенное до аффектации воспитание ребенка в духе чистоты, которое осуществляет подверженная экстремальной чистоплотности мать, нарушает работу выделительных функций. Сложнее усмотреть причину астматических заболеваний у детей в том, что доминирующая мать действует таким образом, словно «отнимает у них воздух».

Экзистентный страх и базисный конфликт

Если вникнуть поглубже в чувства больных людей, мы коснемся скрытого за симптомами экзистентного страха, от которого эти люди страдают, страха, который и качественно, и количественно отличается от сигнального невротического страха и означает для пораженных им людей утрату существования или смерть. Экзистентный страх — это ключ к пониманию психосоматических заболеваний. Он является результатом базисного конфликта, заключающегося в экзистентной угрозе самости, исходящей от злокачественной интроекции, от которой самость отчаянно защищается

Стадии психосоматического процесса

Однако отдельные стадии «психосоматического процесса» не так-то просто проследить, поскольку большинство людей склонно, следуя европейской традиции, представлять все с точки зрения разделения между душой и телом. В действительности же душа и тело составляют нераздельное единство и реагируют в согласии друг с другом. Все доказательства для этого легко обнаружить у детей: они одновременно и переживают страх (душевно), и реагируют на него (телесно) учащением сердцебиения, потливостью и дрожью.
Однако в процессе социализации человек учится подавлять телесную сторону психосоматического реагирования. Хотя это отнюдь не означает, что наше тело перестает реагировать на страх. Аффекты равным образом относятся и к душе, и к телу. Печаль, отчаяние, беззащитность, бессильная ярость и т.п.,— все это относится к обоим началам. Аффекты обладают свойством накапливаться в психике и могут, освободившись вследствие нарцистической обиды в любое время активизироваться.

Чтобы глубже понять суть психосоматических заболеваний необходимо наряду с психо-логикой души обратить внимание

-193-

на сомато-логику тела. Иными словами, мы должны выучить язык тела.

Вспомним о приведенных вначале выражениях, имеющих отношение именно к языку тела. Во многих случаях телесную симптоматику невозможно немедленно перевести на вербальный язык. В одном из случаев в моей практике мне потребовалось немало времени, прежде чем я понял, что регулярно возобновлявшиеся у пациента после перерыва в терапии обострения сердечных приступов и мигрени являются выражением укоров и атак направленных против меня, т. е. против важного участника отношений, от которого зависит наличие

(или отсутствие) душевного равновесия. В этом случае в «переносе» был регрессивно оживлен стереотип детских отношений: психоаналитик воспринимался как мать, которая покидала ребенка в качестве наказания. Тогда реакцией моего пациента на оставленность, вполне возможно, мог быть сердечный приступ и головные боли, ведь ребенок экзистентно зависит от реального присутствия близкого человека. Существуют взрослые, реагирующие на оскорбление, как дети, точно их тело и душа вовсе и не отделялись друг от друга под влиянием социализации.

Психосоматический процесс имеет следующие стадии:

1. Первоначально делается попытка справиться с оскорблением или обидой с помощью психической проработки:

а) в зрелом возрасте оскорблению по возможности противостоят или вероятным выяснением отношений с личностью, его нанесшей, или посредством соответствующей проработки неминуемого оскорбления, обиды;

6) вводят в дело невротические защитные механизмы, разумеется, ценой невротических симптомов, таких, как навязчивые мысли или фобические действия в виде избегания больших площадей или узких помещений;

в) в большинстве случаев защита охватывает всю личность в духе характерного невроза.

В одном случае пациент с навязчивым характером испытывал гнев на пережитое угнетение, страх защититься от него, поскольку это сулило еще большие страдания, а в дальнейшем — страх постоянно оставаться в проигрыше. Своим унижением, приспособлением под требования, идущие извне, пациент — посредством «формирования реакции» — защищался от своего гнева. В другом случае, наблюдаемом Александром Мичерлихом (1967), речь шла о поваре, который с целью сохранения своего психического равновесия старался (и имел такую возможность) при малейшем голоде что-нибудь съесть или выпить. То, что равновесие в данном случае оказалось шатким, стало очевидным, когда ресторан заняли американские оккупационные войска, и командир выставил повара за дверь. Повар поначалу впал в ярость, однако, был вынужден «проглотить» свой гнев. Следствием стала язва желудка.

Впрочем, в возникновении язвы желудка играют роль и органические факторы, что показывают исследования Мирского (1958); он установил, что у людей, имеющих склонность к язве желудка, чрезвычайно высок в крови уровень содержания пепсиногена. Правда, сам по себе этот высокий уровень пепсиногена еще не ведет к возникновению язвы желудка, что было также установлено Мирским в другом исследовании: молодой человек, имевший в крови повышенное содержание пепсиногена, заболел язвой желудка лишь после того, как покинул отчий дом и пережил сильный психический стресс на новом месте. Испытуемые отбирались довольно просто: это были молодые люди, подлежавшие призыву в армию. Там они все без исключения заболели спрогнозированной язвой желудка.

Таким образом, в начале психосоматического процесса обнаруживаются стрессовые ситуации: разлука, переживание утраты и пр. Стресс труднопреодолим, когда человек, резервируя свою реакцию из детства, аппелирует к телесным областям, реагирующим слишком чувствительно на любую форму обиды. Если при продолжительном аффекте не удается преодолеть безнадежную ситуацию невротическим путем, то наступает:

2. Стадия защиты. После первой фазы попытки невротического

преодоления конфликта наступает соматизация, т.е. вовлечение тела в патологический процесс в форме функционального расстройства. Последнее бывает настолько выражено, что зачастую ведет к стадии (следующей)

3. Психосоматического процесса. На этой стадии пораженным оказывается тот или иной внутренний орган (язва желудка, хроническое воспаление тонкой или прямой кишки (колит) и др.

-195-

Регрессивная и прогрессивная защита

Чего не хватает пациентам с психосоматическими расстройствами? Как порой и всем людям, пациентам не достает важного участника общения или определенного идеала, которого они лишаются. По этой причине остаются непреодоленными чувства беззащитности и безнадежности, поскольку для их компенсации была необходима помощь идеального или конкретного лица. Вовлеченное в психосоматический процесс тело, в принципе, может реагировать на это двумя способами:

а) искать помощи и обрести ее, оживляя регрессивным путем ранние детские состояния. Особенно отчетливо это видно, скажем, на примере лежащего в постели язвенного больного, когда вследствие необходимости соблюдения диеты он снова испытывает тот уход за собой, какого желал в детстве (регрессивная защита),

6) защищаться физически, телесно, привлекая для этого все имеющиеся в запасе силы (прогрессивная защита), чтобы с успехом отразить возможные нападения. Однако это несет угрозу собственному существованию. Поэтому саккумулированная энергия и аффект гнева для исполнения защитных действий остаются неиспользованными. Они оказываются не отреагированными и словно «застоявшимися» в теле, провоцируя потенциальный выход, который изначально нарушает системную деятельность внутренних органов, а в последующем приводит к тому или иному соматическому ущербу.

Социальные причины

Еще несколько слов о представленных Александром Мичерлихом социальных причинах психосоматических нарушений. А скорее, о со-цио-психо-соматических нарушениях.

Автор, ориентированный на марксизм, сводит социальные причины психосоматических заболеваний к капиталистическим условиям труда. Эти условия не дают людям возможности относиться к себе с требуемой бережливостью, беречь себя настолько, насколько это необходимо для телесного здоровья. Здесь можно возразить и указать, душа и тело вообще способны к расщеплению под воздействием мощных обременяющих факторов: стресса от телевизора, от работы на конвейере, напряженных отношений с коллегами и начальством. Болезнетворные причины заключаются не в капиталистической системе производства, а в неблагоприятных внешних условиях современного индустриального общества в целом. Они держат людей под постоянным стрессом. Именно поэтому психосоматические нарушения не менее часто встречаются и в социалистических странах.

В конечном счете, общество — это мы сами. Часто собственная

неблагоразумная манера жить осложняет удовлетворение элементарных биологических потребностей. К этому относится: чрезмерно потребительское отношение к жизни, бессмысленное шатание от одного увлечения к другому, отсутствие досуга в свободное время, недостаток спокойной обстановки и возможности размышлений, но прежде всего отсутствие удовлетворительных отношений с людьми.

Во многих случаях психосоматическими больными становятся не в результате реальных стрессовых ситуаций, а — ирреальных: не менее значимых внутренних инстанций «Сверх-Я». Последние оказывают давление на человека, не оставляет его в покое, пока он не заболеет; не в последнюю очередь это происходит оттого, что мы весьма нецелесообразно относимся к потребностям своего тела, часто обходимся с ним весьма насильственно, например, и тогда, когда принуждаем его добиваться чего-нибудь, несмотря на сильную усталость,— будь это езда на автомобиле, интеллектуальная или физическая деятельность. Восприятие наших телесных ощущений очень часто искажено.

Эту проблему взяла на себя современная аналитическая терапия. В качестве примера приведу биоэнергетику Александра Ловена (1975), который в своем подходе отталкивался от вегетотерапевтических представлений Вильгельма Рейха, или развитую Артуром Яновым (1970) «первичную» терапию — терапию, основывающуюся на очень ранних, архаических процессах, или терапию первого крика. Применяя подобные терапевтические формы, можно оживлять и тем самым делать ощутимыми те телесные чувства, которыми пренебрегают в психоанализе. Так, некоторые аффекты боли можно высвободить путем плача и криков, а гнева — физическим противоборством: ударами, топаньем ногами и т.п. Аффект, в любом случае, должен быть отреагирован так, чтобы это привело и к объективно наблюдаемому, и субъективно ощутимому высвобождению.

Борьба за тело и три важных интеракционных образца

Существенную роль здесь играет бессознательный процесс, суть которого в последнее время проясняется у меня при воспоминаниях о ряде случаев из собственной практики равно как и из супервизий.

-197-

Речь идет о процессе повторного усвоения тела, отчужденного в результате отношений с матерью или другими близкими родственниками. Во всяком случае именно мать изначально руководит ребенком во время беременности, а затем, после физического рождения, выпускает его во внешний мир. При психическом рождении — следуя Малер, Пине и Бергману (1975) — мать как бы отпускает растущего ребенка «на свободу» во второй раз, давая ему тем самым возможность постепенно узнать собственное тело, научиться распоряжаться им и освоить его потенциал (1975).

Очевидно, что ребенок, «экспроприированный» матерью, освобождается от своей связанности и зависимости с большим трудом. Если же он все-таки сделает это, то расплатится своим чувством вины.

В других случаях освобождению препятствуют интервенциях в манере поведения матери. Из-за патологического страха в случае, скажем, отсутствия стула, она может сделать ребенку клизму. И делать это постоянно. Тем самым проявить неуважение к внутреннему телесному пространству ребенка. К

сожалению подобные злоупотребления чересчур властной матери, не уважающей частные права своего растущего ребенка и постоянно их нарушающей, не столь уж редки.

Еще один, третий, патогенный пример отношений — это не-отношение. Оно состоит в том, что на ребенка не обращают внимания, пренебрегают им или вообще презирают его. В таком случае ребенок чувствует себя заброшенным и униженным; его естественные потребности в эмоциональной поддержке и нарцистическом уважении неизбежно фрустрируются.

Мы еще не упомянули один, много раз описанный в последнее время, феномен, а именно (от франц.— «механическое мышление») французских авторов (1963) или «алекситимию» (от греч. —неспособность, — слова, — душа, настроение, чувство) работающих при Массачусетском госпитале в Бостоне ученых Нэмая (имя англизировано от немецкого Ноймайер) и Сифнеоса (1970). Эти красочные выражения передают следующее.

Психосоматические больные мыслят автоматически. Они говорят о совершенно посторонних предметах — своей машине, погоде. У них мало фантазий, воображения, слаборазвито чувство присутствия другого человека. Наибольшее, к чему способны такие люди, это представление других такими же, как и они сами. Тем самым происходит изготовление из другого человека собственного дубликата — редупликация.

Сравнение с Буратино (Пиноккио) — деревянным человечком, который ищет своих родителей—делает «деревянный» облик, по которому можно распознать психосоматического больного, более явным и образным. Если же обратиться к подобным людям со вниманием, дать им понять, что принимаешь их манеру и воспринимаешь их заботы всерьез, эти люди раскрываются. Они начинают рассказывать о своих болезненных переживаниях или о жестоком обращении с ними близких или родственников. Они снова начинают ощущать подавляемый годами гнев, способный подчас, привести к «психосоматическому кризу» (1978). Его можно сравнить со спящей собакой, которая была разбужена и снова начала тявкать и кусаться. Высвободились связанные с психосоматическими симптомами угрожающие аффекты. Последние, и в самом деле, носят угрожающий характер, поскольку могут обращаться против других людей или самого себя.

У одного супервизированного мной пациента, страдавшего психосоматическим расстройством, гневные вспышки, направленные против других пациентов и персонала клиники сменялись суицидными попытками. В других случаях направленный вовне гнев разряжается в делинквентном (криминальном) поведении или (чаще всего) в алкогольных эксцессах.

5.3. Стационарная психотерапия

В связи с вышеописанным психоаналитическая терапия психосоматических больных весьма затруднена. Амбулаторное лечение требует много времени и терпения. С самого начала посредством участливого и понимающего обращения необходимо сформировать у пациента предпосылки, с помощью которых можно будет в дальнейшем разрешать многослойные защитные конфликты, проявляющиеся в течение психосоматического процесса.

При стационарной психотерапии сами условия клиники позволяют пациентам, находясь под опекой медперсонала, предаваться регрессивным

инфантильным желаниям, выполняющим роль защиты. Клиническая замкнутость позволяет также проявляться личному существованию

-199-

в форме угрожающих атак внутренне скрытого объекта. Переживание агрессивности в ее разнообразных проявлениях (предоставленное психосоматической клиникой) позволяет, наконец, проработать оставшиеся нерешенными внутренние конфликты. Обязательным условием подобной проработки является следующее: терапевтическая группа должна терпеть регрессивно оживляемые орально-глотательные или агрессивно-деструктивные аффекты и опознавать перенесенные на различные лица образцы первичных отношений, интегрировать их и в интегрированной форме возвращать пациенту (1987).

Названные бессознательные процессы, как правило, идут по нарастающей у пациентов, страдающих психосоматическими расстройствами. Чаще всего они реактивируются посредством психоаналитически ориентированной терапии. Подобная реактивация является предпосылкой, без которой проработка задним числом нарушенных стереотипов отношений и связанных с ними аффектов была бы вообще невозможна. Индивидуальное развитие базисного конфликта в форме определенной психосоматической болезни в данном случае не столь определенно. Поэтому можно избежать детального обсуждения картин психосоматических заболеваний в смысле частной психосоматики. Если же поняты лежащие в их основе бессознательные процессы, то можно объяснить и отдельные болезни.

При основной (эссенциальной) гипертонии, к примеру, такими процессами являются заранее назревающие аффекты гнева, неослабевающие, поскольку с ними связана внешняя опасность. Если, скажем, служащий отреагирует свою накопившуюся злость к своему начальнику, то ему гарантировано немедленное увольнение.

При похудении сказывается предшествующий диктат матери, предписывавший подрастающей дочери когда, что и сколько есть. Единственная форма сопротивления дочери — отказ от еды. При этом бессознательно она демонстрирует матери, что не нуждается ни в ней, ни в ее пище.

В отдельных случаях еда несет в себе разнообразное бессознательное значение. Например, она означает: «Потом ты будешь толста как мать, также зависима от мужа, также покорна. Все из-за этого! Не смей становиться такой же как мать!». Ценой оказывается истощение. В экстремальных случаях — смерть.

При ожирении — еда возмещает чувства, возбуждающие голод и успокаивающие страх остаться полностью истощенным. Однако удовлетворения не наступает уже хотя бы потому, что еда представляет собой лишь замену желаемому, но отсутствующему участию других людей.

Особенно очевиден бессознательный саморазрушительный момент в актуальной на сегодняшний день булимии: в ненасытном поглощении большого количества пищи. После чего эта пища отрыгивается с помощью искусственно вызванной рвоты. Тем самым пациент грубо вмешивается в естественно управляемые физические процессы. Своим причудливым поведением такие люди бессознательно выражают свое ощущение жизни в связи с пищей и ее перевариванием, как жизни, преимущественно не имеющей сколь-нибудь

существенной ценности. Жизнь, самое большее, представляется им чем-то вроде транзитного перехода или мимикрии.

Возможность осмысленных межчеловеческих отношений в обыденной человеческой жизни позволяет избежать подобного патологического развития. Драматичность ситуации заключается не в том, что люди, борющиеся с проблемами, связанными с едой, потеряли смысл в жизни, еще будучи детьми. А в том, что здесь,— и это демонстрирует психоаналитическое лечение — виноваты родители, которые не уважали самостоятельность своего ребенка и постоянно, часто бессознательно ею злоупотребляли.

5.4. Профилактика

В смысле профилактики из вышесказанного можно извлечь, по крайней мере, один урок — следует уделять нашим детям достаточное количество времени, правильно вести себя по отношению к ним для того, чтобы иметь возможность хотя бы отчасти исполнять их разнообразные переменчивые желания. А поскольку из-за своих многочисленных общественных предрассудков мы еще не готовы к этому, не стоит удивляться, что психосоматические нарушения встречаются в настоящее время весьма часто, находясь, разумеется, в прямой причинно-следственной зависимости от внешних и внутренних стрессовых факторов. Например, женщины, в особенности, боятся развода (85 "о страдает после него от телесных недомоганий). Постоянной нагрузкой является и стресс на рабочем месте. Его воздействие особенно возрастает тогда, когда всех способностей и сил уже не хватает на то, чтобы с требуемой отдачей преодолевать существующие препятствия и добиваться поставленных

-201-

целей. Текущие паузы, восстанавливающие физическое здоровье, в этом случае, либо чересчур коротки, либо вовсе отсутствуют.

Дополнительную опасность представляет та форма насилия, при которой мы сами плохо обращаемся со своим телом. Подобное поведение можно особенно отчетливо проследить на примере пациентов, имеющих склонность к сердечно-сосудистым заболеваниям и, как следствие,— к инфарктам. Эти люди постоянно переутомляются, не обращают внимания на необходимость в отдыхе и самым грубым образом принуждают тело к нагрузкам, к которым оно биологически не приспособлено. В психоанализе пациентов, страдающих психосоматическими расстройствами, неизменно бросается в глаза нехватка эмоционального участия в раннем детстве. Внутренняя психодинамика этих людей показывает и избыток агрессивности. Эта та самая агрессивность, которую они познали в детстве и теперь бессознательно распространяют и на тело.

Итак, мы обозначили два центра тяжести психосоматических расстройств: 1) дефицит самости и 2) базисный конфликт.

Болезненный дефицит эмоционального участия постоянно изнуряет душу и тело, а базисный конфликт не позволяет обрести покой из-за связанного с ним экзистентного страха перед сверхвластным объектом.

6. Делинквентное поведение

6.1. Общественные аспекты

Делинквентное и криминальное поведение поддерживается посредством многоуровневых общественных процессов. Поэтому стоит коротко перечислить их в начале этого параграфа. Было бы неверно рассматривать лишь индивидуальную проблематику отдельных делинквентных случаев и оставлять без внимания социальные причины уголовного поведения.

Согласно Роберту Мертону (1971) некоторым людям трудно отречься от делинквентного поведения потому, что в нынешнем обществе потребления подавляющее большинство любой ценой стремится к доходу, потреблению и успеху. Поэтому людям, выброшенным обществом, так или иначе отодвинутым в сторону, очень тяжело достичь всех желанных целей легальным путем. В связи с этим они настроены или вынуждены пытаться достичь успеха криминальным образом. Такие люди совершают растраты, обманывают, воруют или грабят, короче добывают себе все то, что не могут заполучить законным путем.

На первый взгляд кажется очевидным, что это преимущественно люди неимущие. То есть, в основном, те, кто принадлежит к т. н. нижнему слою общества (Соеп, 1955). Но не стоит недооценивать и возросшую в последнее время индустриальную криминальность (подкупы, взятки, растраты) в «высших кругах».

Подчас роковую роль в судьбе криминальной личности играет склонность общества навешивать ярлыки, когда человек, однажды названный преступником, в значительной степени, утрачивает возможность жить иначе, как только совершая криминальные действия. Делинквентная «карьера» осуществляется, таким образом, в следующей последовательности:

1. Первичное, случайно совершенное преступление (делинквентность).
2. Наказание.
3. Вторичная делинквентность.
4. Более тяжкое наказание.
5. Более серьезное делинквентное поведение.

Таким образом, возникает порочный круг, двигаясь по которому, делинквентные личности постоянно наносят вред и себе и окружающим. Между делинквентными личностями н людьми, которые их преследуют, возникает некий стереотип отношений, который уже рассматривался нами при обсуждении психосоматических нарушений. Это, главным образом, насильственные взаимодействия, при которых одни демонстрируют другим свою власть, не считаясь с личностью потерпевшего.

С одной стороны находятся властные государственные учреждения (полиция, государственная прокуратура, суд), чья законность подтверждена демократией (часто упускаемый факт), с другой — делинквентная личность, чувствующая себя в праве добыть себе якобы причитающееся ей «добро». Процесс «добывания» осуществляется либо с помощью грабежа (квартиры, банка), либо разбоя, либо косвенным путем: мошенничество, растрата и др.

Согласно Паулю Рейвальду общество само, как это ни парадоксально, посредством неоправданных действий и чересчур серьезных наказаний, воспитывает преступников, от которых хотело бы избавиться. Такой ход мысли многим покажется не столь уж очевидным,

поскольку при оценке соотношений между индивидуальными делинквентными личностями и преследующим их обществом задействованы личные защитные механизмы. Это проективные процессы, состоящие в том, что криминальные компоненты любого человека проецируются на людей, реально совершающих те или иные преступления, и которые вследствие этого кажутся еще более криминальными, нежели являются таковыми на самом деле. Поэтому наказания часто бывают строже, чем человек того реально заслужил. Можно даже допустить, что наказание представляет собой бессознательное заменяющее удовлетворение личных агрессивно-криминальных импульсов.

Этим я вовсе не хочу сказать, что легализованное преследование и наказание, а также взвешенное вынесение судебного приговора, как это происходит в судебном праве, вообще искажено проективными процессами и служит в конечном счете лишь заменяющим удовлетворением для представителей исполнительных органов и суда. Я хочу лишь сделать предположение, что при суровых наказаниях, слишком бросающихся в глаза, возможно, определенную роль играют вышеназванные процессы, поскольку психоанализ вполне допускает их существование и у юристов. Сюда относятся и те учителя, которые наказывают своих учеников тем строже, чем сильнее у тех переживания по поводу непережитого самими учителями. В своей книге «Преступник и его судья» (1929) Гуго Штауб и Франц Александер попытались взглянуть на мир статей и параграфов закона психоаналитически, а в своей теории преступлений заклеймили бессознательное участие общества в объективно ошибочных приговорах.

6.2. Индивидуальные аспекты

Люди с делинквентным поведением не в состоянии решить свои внутренние конфликты с помощью невротических защитных механизмов. Однако они не разрушают свой контакт с реальностью, как шизофренические больные, которые отстраняются и уходят в мир иллюзий. Чтобы выстоять перед невыносимым внутренним напряжением, они не прибегают и к помощи телесных заболеваний. И тем не менее они порывают с реальностью и спасаются от внутренней действительности тем, что предпринимают запрещенные действия, пресекаемые полицией, преследуемые государством и наказуемые по закону.

Если присмотреться к стереотипам поведения, бывших у этих людей в их детстве, то вполне возможно установить наличие у них травматизирующих доэдиповых нарушенных отношений, которые мы обнаруживали у людей, заболевавших психозами или психосоматическими заболеваниями. Предыстория делинквентного поведения не менее драматична: делинквентных людей не любили в детстве. По меньшей мере, на них не обращали внимания, их воспитание ^запускали», эти люди переживали экстремальное состояние - «недостатка», дефицита общения и внимания со стороны взрослых. Трагическое последствие этого — острый дефицит в душевных структурах.

К этому часто присоединяются дополнительные травматизации: с детьми жестоко обращаются (телесные наказания) или, что чаще, они воспитываются в условиях душевной жестокости и безразличия. И тут снова проявляются потенциально криминальные социальные условия «низов», стиль воспитания в

которых столь тесно связан с наказанием. Ребенок, выросший в подобной среде, вряд ли научится чему-то другому, кроме как знанию о наказаниях или жестоком обращении. Подобный опыт «жертвы», пострадавшего, распространяется от него в дальнейшем на других людей. Происходит типичная «идентификация с агрессором» (Анна Фрейд, 1936), когда насильник проделывает со своими жертвами все то, что проделывали над ним самим в его детстве .

Мы ознакомились с существенной психодинамикой при делинквентном поведении, которая делает понятной специфически насильственную форму подобного стереотипа отношений. Стереотипа, в значительной степени и надолго препятствующего здоровому саморазвитию.

В связи с этим голландские авторы из Мездагской клиники в Гронингене говорят о «психопатии развития» (1976). В дословном переводе это означает — «болезненное душевное развитие». Разрушительные бессознательные процессы, первоначально идущие извне, наносят вред развивающейся личности. Затем, по мере их «овнутрения» эти процессы причиняют зло собственному «Я».

Нельзя обойти здесь стороной и параллели с разработанным Балинтом фундаментальным нарушением, характеризующимся недостатком эмоционального участия и более близким мне базисным конфликтом при психосоматических расстройствах.

-205-

В то же время часто обнаруживаются и особенности пограничной личности.Сюда относятся архаические страхи перед самоуничтожением, отсутствие способности любить, допускающее лишь беглые, поверхностные контакты, большая замкнутость и частые тяжело переживаемые психические состояния, связанные с чувствами бессмысленности, бессильного гнева и отчаяния. Подобные состояния переносятся легче, когда есть возможность позабыть о невыносимости личной ситуации в группе единомышленников. Если же при этом совершаются совместные преступления, то нападению подвергаются представители общества, поскольку преступления такого рода являют собой среди прочего еще и акты мести. Соучастники в этом случае перестают быть жертвами тех своих родителей, которые слишком дословно применяли воспитательную силу. Но они и не жертвы анонимных инстанций, не позволяющих им занять удовлетворяющее их положение. Теперь они виновники, действующие активно. В конце концов можно найти удовлетворение и в том, что ты по своей воле преступаешь запреты.

К фантазиям мести часто присоединяются фантазии величия и великолепия. Они тождественны фантазиям при нарцистических нарушениях личности. Наконец, делинквентный поступок дает возможность почувствовать себя лицом, противостоящим правоохранительным органам государства и общества.

Конечно, это тем более не трудно, если представители государства и общества действительно в чем-то повинны. Однако при делинквентном поведении чаще действуют проекции на общество личных негативных составляющих, в которых это общество выглядит (иллюзорно) более плохим, чем оно есть в действительности (полицейские, которых можно низвести до «бульдогов»или «ментов»; представители юриспруденции, которым не верят, что они всерьез пытаются выяснить истинное положение вещей и соответствовать букве закона).

В заключение еще несколько слов по поводу специфически полового делинквентного поведения. Согласно Каролю Смарту (1976) убийство детей, проституция и воровство в магазинах чаще встречаются среди женщин, чем среди мужчин. Мужчины чаще угоняют автомобили, учиняют разбои, кражи, наносят телесные повреждения, убивают; не в последнюю очередь стоит назвать и типично мужское преступление — изнасилование. При судебном разбирательстве женщин намного легче признают невменяемыми и поэтому они, в отличие от мужчин, скорее попадают в психиатрические клиники, нежели на скамью подсудимых. Тем не менее различия в криминальном поведении за последние годы в целом сглаживаются, поскольку — и вследствие женского движения тоже — женщины перестают воспринимать себя как домашних и зависимых существ и конкурируют с мужчинами. Они точно так же, как и мужчины, принимают участие в выработке механизмов общественных требований, например, требований успеха и потребления. Тем самым они неизбежно и в равной степени становятся жертвами господствующих социальных отношений, как и мужчины.

6.3. Терапия

Психоаналитическое лечение преступников непросто по причине крайнего дефицита душевного участия в условиях тюремной или лагерной жизни. Однако, предпринимая определенные усилия, как персонал так и отдельный психотерапевт, получают возможность компенсировать социализационный дефицит хотя бы настолько, чтобы стала возможной пост-социализация. Необходимой предпосылкой для этого является, однако, следующее условие: отвечающие за суд и наказание инстанции должны принять во внимание описанные здесь бессознательные процессы у делинквентных личностей. Тем самым, эти наказующие органы не будут бессознательно способствовать тому, чего должно избегать, а именно, стремлению делинквента к повторению уголовного действия.

Судебные и юридические учреждения со времен реформы уголовного права переменились к лучшему, не в последнюю очередь благодаря влиянию психоаналитической мысли. (Читатель, конечно, понимает, что речь идет о Германии — прим. редактора). К сожалению, из-за отсутствия поддержки со стороны значительных политических инстанций и ограниченности материальных средств первоначальные планы ставить преступников на путь добродетели не посредством наказания и заключения, а с помощью лечения в социально-терапевтических учреждениях, до сих пор не реализуются на практике в той мере, в какой того хотелось бы. Поэтому не стоит удивляться, что в больших городах преступность постоянно растет.

-207-

7. Алкогольная и наркотическая зависимость

7.1. Алкоголизм

Определение

В этой главе я ставлю тему алкоголизма на первое место , поскольку на

сегодняшний момент очень многие люди страдают именно от алкогольной зависимости. Подсчитано, что 4% населения ФРГ являются алкоголиками. Это приблизительно 2,5 миллиона человек (1979). Часто складывается впечатление, что проблема злоупотребления алкоголем не столь опасна для общества и менее интересна, нежели проблема злоупотребления наркотиками. Конечно, она возможно и не настолько экзотична, как проблема тех, кто нюхает кокаин, не столь драматична, как героиновая зависимость, но в общественно-политическом смысле имеет, отнюдь, не меньшее значение.

В психоанализе само собой на первый план выдвигаются проблемы. влечений людей с алкогольной зависимостью. Орально-сосущее поведение людей с алкогольной зависимостью столь очевидно, что позволяет углядеть в этом продолжение поведения младенца по отношению к материнской груди. Бутылка или стакан могут иметь даже преимущество по сравнению с материнской грудью, поскольку они всегда есть в распоряжении.

Акт выливания подразумевает действие алкоголя, заключенного в пиве, вине или водке; это легкое возбуждающее и в то же время успокаивающее действие. После такого благоприятного опыта человек, в особенности, внутренне опустошенный или испытывающий сильное беспокойство, будет снова искать алкогольное наслаждение. Все возрастающие у алкоголиков толерантность (привыкание) к действию алкоголя, требующая повышения доз, и похмельный синдром создают дополнительные условия, способствующие повышению алкогольной зависимости.

Психодинамика

Как непосредственное поглощение, так и действие алкогольных напитков, выступают в качестве защитных механизмов, которые защищают алкоголика от невыносимых внутренних душевных состояний.

Это могут быть чувства страха, вины, стыда, не отражающиеся, как и при неврозах или психозах, или психосоматических расстройствах, с помощью специфических защитных механизмов, а просто-напросто «заливаемые» алкоголем. Тем самым строгие запреты и предписания «отключаются», а «Сверх-Я», образно выражаясь, «растворяется» в алкоголе. Человек в алкогольном опьянении побеждает свои депрессивные чувства, буквально, маниакальным образом, и в иллюзии опьянения забывает свои мучительные заботы.

В последнее время (1987) все больше внимания обращают на саморазрушительный аспект алкоголизма, ведь злоупотребление алкоголем ведет к замедленному самоуничтожению. В этой связи я, не затрагивая социальных последствий алкоголизма и связанных с этим индивидуальных бед и личностных катастроф, особенно обращаю внимание на токсическое действие алкоголя на печень, желудочно-кишечный тракт и нервную систему.

Если алкоголики подвергаются психоанализу, что случается не так уж часто, то они демонстрируют разрушительные процессы (действовавшие до этого лишь в психике алкоголика) непосредственно в отношениях между анализандом и аналитиком. Здесь точно так же, как и у пациентов с психосоматическими расстройствами или делинквентным поведением, действуют принципы «повторного насилия» (Фрейд, 1920). Либо пациент чувствует себя страдающим по вине психоаналитика, который им

злоупотребляет, который эксплуатирует его или обращается с ним жестоко, либо он переворачивает картину (тогда пациент ведет себя в отношении психоаналитика так, чтобы тот чувствовал, что им злоупотребляют, заставляют страдать, считают никому не нужным).

Это образец интеракции, в которой одна власть мстит другой. При этом не следует упускать из виду известное удовольствие от того, что мучаешь или подвергаешься мучению, удовольствие, которое встречается при садистических и мазохистских перверсиях (ср. гл. VI. 8.). Частота проявлений садистических и мазохистских стереотипов поведения при лечении алкоголиков говорит о том, что отношение между алкоголиком и алкогольным напитком по сути своей отношение садо-мазохистское. Алкоголь действует не только возбуждающе и успокоительно. На страдающих алкоголизмом он производит злое, вредное, разрушительное действие и в психологическом плане, воздействуя в основном на их воображение, не говоря уже о вреде алкоголя в фармакологическом смысле.

-209-

Фантазии в отношении реальности играют у алкоголиков весьма большую роль. Фантазии делают возможным попеременную смену бессознательного значения алкогольного напитка: то предпочитаемый алкоголь превозносится до небес, то его не признают, ненавидят, проклинают. Случается также, что обе крайности преодолеваются поиском абсолютного забвения, поскольку в фантазии пьяного в отношении идеализации и обесценивания существует полная сумятица, переносить которую тяжело.

Не удивительно и то, что в случаях алкоголизма психоанализ устанавливает наличие серьезной детской травматизации. Подобные травматизации обнаруживаются в раннем детстве и у тех людей, которые уже будучи взрослыми, заболевают психозами, психосоматическими расстройствами или оказываются делинквентными в своем поведении. Это серьезные нарушения в области удовлетворения элементарных нарцистических и оральных желаний в смысле описанного Балинтом «фундаментального расстройства» или в смысле «базисного конфликта» — фундаментального, угрожающего личному существованию столкновения с реальностью. Человек стремится избежать воздействия внешней силы, которая ощущается им как инстанция преследующая, давящая, наказующая.

Поэтому алкоголиков относят к категории больных «пост-классическими» неврозами, наряду с описанными в этой связи в главе VI. 3. нарцистическими нарушениями личности, пограничными состояниями и случаями пациентов с неврозами недостачи.

Казуистика

Существует, однако, невротический тип лиц, злоупотребляющих алкоголем, который можно продемонстрировать на следующем примере:

На начало лечения пациенту было 27 лет (аптекарь по профессии). Он страдал от страха, угнетавшего его в опасных ситуациях, и чувствовал себя легко поддающимся влиянию своей жены и служащих. С помощью алкоголя он довольно эффективно заглушал этот страх. До восьми лет он рос без отца, а после возвращения того с войны болезненно переживал, что обе его сестры — восьми и десяти лет — являются любимицами отца. И отношения с матерью

оставляли желать лучшего. Мальчик чувствовал себя брошенным на произвол судьбы обоими родителями, при чем ощущал это прежде всего тогда, когда он хотел чего-то и нуждался в том, в чем непременно требовалась поддержка родителей.

Попытки психотических вспышек вели к мучительному чувству вины, которое наряду со страхом было столь невыносимо, что выпитый в такой ситуации алкоголь действовал очень освобождающе. Бегство в алкоголизацию должно было сигнализировать родителям, что он беззащитен, находится в отчаянии и не знает, как и что может ему теперь помочь. Результатом как раз оказалось обратное: его стали ценить еще меньше, чем раньше, наказывали большим неуважением и компрометировали.

Психоанализ остался для него единственной возможностью получить доверительного участника отношений, который несмотря на его рецидивы неизменно был на его стороне. При таких благоприятных обстоятельствах удалось объяснить страхи в ситуации неизвестности, например, страх перед наказанием от отца, которого пациент боялся. В то же время удалось прояснить, что злоупотребление алкоголем представляло своего рода сигнал, призванный привлечь внимание к собственным бедствиям и нужде, проверить, тем самым, важнейших участников отношений на предмет неизменности их чувств к нему, несмотря на обременительность его поведения. При этом было — с известным драматизмом — установлено, что важнейшие участники отношений пребывают в плену общественных предрассудков, не позволяющих им разглядеть скрытые за пьянством невротические конфликты, с относящимися к ним страхами и чувствами вины и стыда. Поэтому выравнивать дисбаланс в отношениях с ближайшими родственниками должны были другие люди — аналитик и подруга, которая воспринимала пациента без предубеждений и стремилась помочь ему добраться до своих невротических проблем и решить их.

7.2. Наркотическая зависимость

Наркотики и общество

Проблема, которую испытывает общество с лицами, страдающими наркотической зависимостью, в последние годы значительно усложнилась. В отличие от алкоголизма, более или менее терпимо воспринимаемого обществом, злоупотребление героином, кокаином или гашишем и марихуаной в значительной степени не приветствуется большинством граждан.

Здесь, как и при делинквентном поведении, большую роль играют бессознательные процессы между обществом, с одной стороны, и отдельным наркоманом или группой наркоманов, с другой. В первую очередь стоит назвать проективные процессы, в которых большинство

-211-

граждан проецируют свои личные отрицательные качества на наркоманов. Лица с наркотической зависимостью отражают наше собственное потребительское поведение, а именно: желать и иметь желаемое любой ценой, чувство собственника и владельца, равно как и общественные холодность и безразличие. Один из примеров — пьющий отец, который защищается от своей слабости к алкоголю тем, что клеймит наркотическую зависимость сына. Такое отношение облегчается еще и тем, что торговля героином, кокаином и т. п., в отличие от торговли алкогольными напитками, запрещена. Поэтому те, кто

употребляют сильные наркотики волей-неволей вынуждены делать это нелегально.

Мы говорим о наркотической зависимости, когда кто-либо периодически прибегает к употреблению того или иного наркотического средства, несмотря на его вредное последствие. При этом психическая зависимость означает неконтролируемое стремление, манию, непреодолимое желание, ненасытность, жадность, вожделение. Физическая зависимость встречается тогда, когда нарушение равновесия обмена веществ в организме под влиянием наркотиков достигает такой степени, что введение этого вещества становится жизненно необходимым.

Наряду с бессознательными психическими процессами, которые, разумеется, особенно интересуют нас в предлагаемом введении в психоанализ, не следует упускать из виду и токсическое воздействие наркотиков на организм, особенно на центральную нервную систему. Разумеется, учитывается возбуждающее действие некоторых наркотиков, несущее чувство большой бодрости, повышенной самоуверенности и типичное «чувство», которое бывает после приема кокаина, бензедрина, риталина или прелудина.

Героин, морфин, валиум, барбитуратные препараты и другие седативные препараты успокаивают в случаях беспокойства, глушат чувство страха и вообще способны подавлять всякие чувства. Марихуана и гашиш повышают настроение и дают возможность преодолеть застенчивость, заторможенность, в то время как ЛСД и другие галлюциногены возбуждают фантазии тем, что полностью отстраняют реальность внешнего мира, заменяя ее идущими из подсознания представлениями и чувствами. Гашиш и марихуана — это т. н. «мягкие» наркотики — «наркотики протеста». Героин, кокоин, ЛСД — «жесткие» или «сильные» наркотики, сильные оттого, что их воздействие — это глобальное изменение мышления, чувств и действий человека, их употребляющего.

Психика и наркотики

Прежде всего действие наркотиков влияет на аффекты — страхи, чувства вины и стыда. Тем самым действие наркотиков подобно защитному механизму. То, что при неврозе делает защитный механизм вытеснения, при наркотической зависимости берет на себя наркотик: неприятные представления и чувства более не воспринимаются.

В отличие от людей с «обыденным» неврозом, у людей с наркотической зависимостью наличествует дополнительный фармакологический (производимый наркотиком) эффект: либо возбуждение, либо успокоение.

Если нас в какой-то момент охватывает страсть к приключениям, мы можем последовать за своими желаниями, поискать соответствующее общество и найти его. Если есть потребность в тишине и покое, можно поискать соответствующее окружение, заботливого друга или подругу, рано или поздно обрести все это и успокоиться. Лица с наркотической зависимостью ничего такого делать не могут. Они лишены способности искать в реальности то, что им требуется. У них отсутствует терпение, навык, для осуществления того, что человек не употребляющий наркотики, получает в контактах с людьми.

Тем самым становится ясно, что у людей, склонных к наркотической зависимости, отсутствуют определенные качества, и прежде всего, способность

сближаться с другими людьми, склонять их на свою сторону, строить откровенные, надежные, полные чувств отношения и поддерживать их. Более или менее выраженный дефицит переживаний невыносим для сознательного восприятия, и именно поэтому таким людям сгодится любое, пусть и вредное, средство, лишь бы сделать невыносимое положение терпимым.

Наркотики становятся драгоценностью, благотворным объектом, желанным именно из-за его благоприятного действия.

В то же время вредное действие наркотиков (из-за их фармакологической природы) либо вообще не берется в расчет, либо вытесняется посредством психологических защитных механизмов. Однако может случаться и такое, что наркотики необходимы как раз по причине их вредоносных свойств. Подобное вредящее себе поведение прояснить не так-то легко. Тут мы снова сталкиваемся с очевидностью человеческой агрессивности: люди могут сознательно вредить другим людям, убивать их (как виновники, исполнители), но и сами они могут быть убиты, пострадать (как жертвы).

-213-

Проблема наркотиков

Анализ лиц с наркотической зависимостью показывает, что в принципе, как и в случае пограничной личности, наряду с благоприятными, хорошими отношениями подспудно действуют и не добрые отношения, причиняющие вред. Вред, причиняемый самому себе, как и крайние формы суицидных побуждений, несет в себе функцию обвинения окружающих: «Вы так со мной обходитесь, что мне не остается ничего другого, как только принимать наркотики, хоть это меня и губит». Эти апелляции не вызывают, однако, никакого резонанса в авторитетных кругах в сфере здравоохранения, даже учитывая и то, что все большее количество людей либо умирает раньше времени по состоянию здоровья из-за употребления наркотиков, либо погибает от передозировки. Наркоманы чувствуют себя брошенными обществом на произвол судьбы, аутсайдерами, которые все более оттесняются на самый край общественной жизни.

В этом повинен тот самый негативный опыт, приобретенный лицами с наркотической зависимостью в раннем детстве. Вполне законные потребности ребенка в уважении, в полном любви участии и нежности отношений с родителями по тем или иным причинам не удовлетворялись. В этом многообразная полная душевных травм предыстория людей с наркотической зависимостью удивительно похожа на предысторию делинквентных личностей и психосоматических больных. Это все те же драматические причины: нехватка добра и/или чрезмерность зла, вреда, оскорблений.

Терапия

Какие же терапевтические выводы следует сделать, исходя из вышесказанного? Общий вывод таков: масштаб и форма психического нарушения требует соответствующих трудоемких и длительных психотерапевтических мероприятий. Сложности начинаются с общей проблемы создания основы для терапевтического союза. Это требует максимально демократической, полной взаимного признания, манеры поведения, на базе которой могут установиться прочные и абсолютно искренние отношения.

Разумеется, сам союз дефициты детства устранить не может. Но негативный детский опыт может быть лучше понят. И уже одно это способно помочь.

При этом строгие рамки медицинского стационарного учреждения много предпочтительнее, чем амбулаторная врачебная или психотерапевтическая практика. Атмосфера дружелюбного понимания дает большие шансы для выздоровления, чем даже лекарственная терапия. Пациенты относятся к врачам и психоаналитикам, как и ко всяким людям «с авторитетом» с недоверием, поскольку последние очень далеки от реальности больных наркоманией. Альтернативные и нетрадиционные методы лечения скорее достигнут своей цели, чем ортодоксальный нозологический подход. Симптоматические методы такие пациенты отвергают, поскольку относятся к ним как к своего рода «дрессировке», очень напоминающей им, идущее из детства приучение к покорности и казарменной дисциплине. В соответствии с обстоятельствами необходимо вскрывать внутренние и внешние составляющие наркоманической проблемы. Сюда относятся и жестокие реалии ориентированного на успех и потребление общества, и слабости и страхи самого пациента, идущее из детства стремление быть воспринятым, наряду со склонностью причинять вред самому себе и другим.

В отношениях с лицом страдающим наркотической зависимостью рано или поздно начинает сказываться тот разрушительный потенциал, который ранее был связан с отношениями употребляющего наркотики и самим наркотиком. Если оба участника будут избегать этого аспекта в своих взаимоотношениях, то дело закончится ничем, т. е., каждый останется «при своих интересах» и никакого лечения не будет. Если же терапевт учитывает подобный ход событий и вполне допускает появление и проявление разрушительной агрессии, даже если она направлена против него, и поддерживает пациента, то деструктивные силы шаг за шагом могут быть взяты под контроль и интегрированы. Терапевт при этом должен вовремя отслеживать свои чувства по отношению к пациенту (досада, гнев, страх, стыд и т. д.), сигнализировать о них или находить уместный для конкретной ситуации ответ. Это возможно лишь в том случае, если терапевт понимает своего пациента и разделяет с ним его переживания (связываться, объединяться).

Однако, терапевт не должен удивляться возможным рецидивам, когда пациент опять предпочитает ему наркотик. Следует перетерпеть содержащееся здесь обесценивание и интерпретировать это как расщепление на хорошие наркотики и плохого аналитика. Упреки только утвердят больного наркоманией в изначально усвоенном предположении,

-215-

которого он только и привык ждать, а именно, непонимания и безразличия со стороны окружающих.

Иногда наркоманы, не найдя ни в ком нежности и заботы к себе, обретают свою отраду в музыке. Либо они сами играют на музыкальных инструментах, либо буквально сходят с ума от рока, поп-музыки или других музыкальных жанров. Поэтому, при лечении наркотической зависимости следует учитывать и возможности танцевальной терапии (ср.: Хануш, 1988). В данном случае, музыка служит заменителем наркотика. Это является дополнительным способом в процессе лечения.

8. Так называемые перверсии

8.1. Очевидное поведение

Переходя к теме перверсий, мы снова касаемся базового влечения, а именно, сексуальности (ср. V. 3.1.). Речь о сексуальности вполне конкретно заходит в случаях таких общественных явлений, как проституция, порнография, садомазохистские перверсии, транссексуализм, эксгибиционизм, фетишизм.

Здоровая -«зрелая» сексуальность исключает перверсии. Однако для этого требуется соответствующее воспитание и ряд способностей: умение контактировать с другими людьми, уверенность в себе, юмор и веселость, бесстрашие во взаимоотношениях с другими и с самим собой, дифференцированная чувственность и определенное знание людей. Тогда сексуальность может быть чем-то большим, чем просто «инстинктивный порыв», может служить оживлению и обогащению межчеловеческих связей и отношений. И с этим трудно не согласиться. Правда, многих может испугать то, что вместе с определением тех или иных сексуальных действий как перверсий, возникнет некий ценз, который не все разделяют.

Следует также учитывать, что на т. н. «перверсивные личности» достаточно легко — как и на больных наркоманией или на делинквентных личностей — проецируются собственные перверсивные составляющие.

Уже в 1905 году в известном сочинении «Три очерка по теории сексуальности» Фрейд показал, что все мы изначально «полиморфно перверсивны», т. е. имеем потребности:

— наблюдать сексуальные действия (инстинкт созерцания; вуайеризм),

— выставлять напоказ собственную наготу (наслаждение от показа; эксгибиционизм),

— пользоваться интимными предметами в качестве заменителя желаемого лица (фетишизм),

— входить в состояние лица противоположного пола, одеваясь в его одежду (трансвестизм),

— осознавать свою принадлежность к противоположному полу (транссексуализм),

— мучить других, унижать физически или душевно (садизм),

— быть терзаемым, мучимым (мазохизм).

К -«перверсиям» относится все, что характеризуется в качестве «отклонения от нормы» в определенном обществе. По отношению к норме перверсивное поведение является аналогом делинвенктного поведения. При этом речь всегда идет и о поведении, не соответствующем социальным нормам, а именно об асоциальном или — если оно прямо противоречит социальным нормам — об антисоциальном поведении. В этом и заключается общественный знаменатель делинквентно-го поведения, наркотической зависимости и перверсивных действий.

8.2. Объяснение возникновения перверсий

Перверсии выстроены по типу невроза

Фрейд и ранние психоаналитики видели в перверсивных действиях

непосредственное продолжение детской сексуальности, например, когда мужчина как ребенок демонстрирует окружающим людям свой половой орган, чтобы шокировать их; женщина, облачаясь в определенную одежду, скорее преследует цель обнажить себя, нежели одеть; поклонник рок-звезды использует детали ее одежды в качестве фетиша.

Встречаются случаи, понять которые можно с относительной легкостью, поскольку подобные устремления весьма близки каждому. С трудом воспринимается эксгибиционист, поступки которого постоянно сопряжены с опасностью; холостяк, полностью удовлетворяющийся фетишем; учитель-гомосексуалист, или незаметный обыватель, относящийся пренебрежительно, компрометирующий и пытающийся любым способом причинить боль человеку, по отношению к которому он совсем недавно выказывал дружелюбие и приязнь.

-217-

Ранние психоаналитики, ориентированные на психологию влечений, могли объяснить подобное поведение лишь симптоматическим образом — тем, что в данном случае мы имеем дело с невротическими симптомами. За ними скрываются типичные эдиповы влечения ребенка в отношении матери и отца, а именно инцестуозные и сопернические желания. Согласно моему опыту подобная «эдипова теория» перверсий и сейчас во многих случаях соответствует действительности. Доэдиповые конфликты, происходящие из более раннего детского возраста, играют, однако, не менее важную роль в возникновении перверсивного поведения.

Перверсия — это невроз недостачи

Вспомним прочитанное о нарцистических нарушениях личности, о пограничных случаях, о «пост-классических» неврозах недостачи и связи, и нам станут понятными необъяснимые прежде перверсивные действия. Невыносимые чувства слабости, зависимости и ничтожности отражаются в этих действиях таким образом, что чувствуешь себя сильным, независимым и великолепным. Примером могут послужить случаи, когда учитель мучает ученика, муж бьет жену, или когда приспособившийся обыватель за деньги удовлетворяет все свои желания у проституток, те желания, которые он к себе обыкновенно не допускает.

В каждом из этих случаев, хотя и мимолетно, но оживляется идея собственного величия, которая, в согласии с психоаналитическим учением о защите, помогает утратившему психическое равновесие человеку с помощью перверсивных действий легче переживать плохо выносимые чувства слабости, ничтожности и зависимости. Особенно отчетливо проявляется это в садо-мазохистских отношениях: перверсивная личность, как и в пограничном случае, расщеплена на две части, одна из которых до предела хороша, мощна и идеализирована, а другая — предельно плоха, беспомощна, проклинаема. Если в данный момент на другое лицо проецируется последняя, то тогда «проектант» ощущает себя великолепным, мощным, идеализированным и садистически мучает другого, который одновременно воспринимается как плохой и беспомощный и тем самым автоматически ставится в мазохистское положение.
Если вспомнить о психодинамике неврозов недостачи и связи, то перверсивные действия станут еще понятнее: перверсивный акт должен облегчить переживание невыносимого дефицита, отсутствия чего-либо, внутренней

пустоты и ощущения бессмысленности и отчаяния. Тем самым перверсивные отношения используются для защиты от невыносимых переживаний в духе обсуждавшихся выше (см. гл. VI. 2.1.) межличностных защитных механизмов. Разумеется, сам процесс действует лишь тогда, когда другое лицо подыгрывает. В соответствующей «сцене» противоположные полюса легко приходят к обоюдным действиям прежде всего тогда, когда, например, садистические устремления одного идеально соответствуют мазохистским потребностям другого.

Перверсия как агрессивная форма любви

Как продемонстрировал Роберт Дж. Столлер (1975), в перверсивных действиях — особенно при садизме — находит свое выражение «эротическая форма ненависти». Подобная ненависть достаточно велика по своей силе и неуправляема, поскольку в большинстве случаев возникает реактивно, как реакция на травму, которую перверсивная личность пережила в детстве. Во взрослом возрасте пострадавший переходит от обороны к наступлению и достигает триумфа в процессе перверсивного акта над другими. Когда-то подобный триумф был пережит кем-то над ним самим.

Компоненты ненависти или неуважения обнаруживаются во многих перверсивных отношениях, пусть они и выражены не столь явно, как в отношениях между садистом и мазохистом. Фетишист предпочитает фетиш другому человеку. Эксгибиционист не пытается обладать женщиной, он лишь демонстрирует ей свой эрегированный половой орган и под угрозой изобличения достигает удовлетворения от самой возможности ее испугать. Трансвестит, не удовлетворенный биологически заданным полом, довольствуется, во многих случаях тем, что обманывает себя и других, переодеваясь в платье другого пола и показываясь в нем перед публикой (трансвестизм). Если же речь идет о большем, а именно, о физических изменениях собственной сексуальной принадлежности, то мы имеем дело с транссексуализмом.

Иногда по ряду показаний врачи проводят транссексуалу соответствующую операцию, давая ему возможность стать тем, кем он желает стать. В оперативном вмешательстве еще ярче проявляется явное насилие перверсивных личностей: ведь пенис или грудь в этом случае удаляются. Одержимость собственной потребностью, болезненные действия,

-219-

компромиссный поиск желанной цели по своему характеру близки к мании, наркотической зависимости и к психозам. Собственно, люди, не воспринимающие реальность своего пола — мужского или женского — как нечто существующее де факто, являются сумасшедшими. Находясь в чудовищном заблуждении, ценой разрыва с реальностью они с большим упорством желают измениться и добиться в этом деле успехов с помощью не менее сумасшедших хирургов.

Из-за скрытого или открытого по своему проявлению насилия, перверсивные действия характеризуются негуманностью, бесчеловечностью. Наиболее зримое воплощение это находит в сексуальном обладании животными (содомия) или трупами (некрофилия). Люди, совершающие подобные действия, достойны сожаления, но своим поведением они, хотя и косвенно, в

«вырожденной» форме, демонстрируют нам и нашу собственную манеру обращения друг с другом и со своими детьми. Неуважительное, бездушное отношение к ним, как к предметам, а не как к живым людям или к дорогим гостям, которым чаще всего оказывается должное уважение. Поэтому не стоит пропускать мимо ушей общее послание перверсивных личностей всем нам, которое гласит следующее: «Подобное происходит тогда, когда нас в детском возрасте преследуют, мучают, злоупотребляют нами и не любят нас!»

Подобное послание, хотя и воспринимаемое с известным трудом, следует рассматривать как своего рода апелляцию к обществу, к каждому из нас. Примеры многочисленных перверсий как бы иллюстрируют то, что родители и общество причинили таким людям в их детстве.

8.3. Проституция

Во многом сходные отношения — как и у многих перверсивных личностей — обнаруживаются в среде проституток, сутенеров и их клиентов. Здесь особенно бросается в глаза выраженное отграничение от остального общества, представленное в двух характерных типах:

1, Социологическое отграничение гражданского большинства от живущего в этой среде меньшинства.

2. Психоаналитическое отграничение больше похожее на специфику влечения, инстинктивного побуждения. Это и импульсы, нацеленные на сексуальное удовлетворение, и ищущие унижения другого порывы ненависти.

Сутенер обходится с публичной женщиной точно так же, как и ее клиент. Если же взглянуть на ситуацию в другом ракурсе, клиент способен в одном и том же действии, с одной стороны, позволять себе мазохистские мучения (уже хотя бы тем, что его бьют), а, с другой стороны, одновременно унижать и женщину, оплачивая ее услуги и заставляя выполнять свою работу, что, в частности, наглядно продемонстрировано в фильме.

В среде проституток особенно очевиден торговый аспект человеческой сексуальности, когда персональные отношения определяются не коммуникацией, а рыночными понятиями (1972). Данный аспект прослеживается и в «нормальной» сексуальности большинства людей, однако, последним по тем или иным причинам не воспринимается.

9. Резюме

Рассмотрением безотрадного феномена перверсий мы завершили знакомство со своеобразным «бестиарием» человеческого поведения с различными отклонениями и нарушениями. К сожалению, неприятная правда о человеческих возможностях имеет место быть. И здесь важно проникнуться чувствами людей, которые оказываются в кругу нашего рассмотрения.

Я надеюсь, что с помощью психоанализа эта цель в той или иной степени достигнута. Существуют теории, которые могли бы иначе (лучше или хуже вопрос отдельный) объяснить некоторые аспекты многообразных психических нарушений. Преимущество психоанализа перед когнитивной или поведенческой терапией состоит, однако, в том, что он (психоанализ) решительным образом увязан с бессознательными процессами. Это позволяет

ему достигать и широкого по охвату, и одновременно глубокого понимания человеческих переживаний и действий.

В заключение хочу выразить надежду, что мне удалось показать следующее: даже в самом безумном на первый взгляд поведении шизофренического больного есть определенный смысл. «Общество, маргинализировавшее «жуликов», преступников или перверсивные личности, находится в весьма «деликатном» положении. Люди с невротическими нарушениями, пациенты, страдающие от психосоматических нарушений, заслуживают нашего самого пристального внимания.

«Человеческое, слишком человеческое» призывает нас, по возможности, отыскать, наконец, в их чуждом доселе переживании, нечто такое, что в основе своей составляет общечеловеческое начало. Прежде всего это упомянутые Карлом Ясперсом «пограничные ситуации» борьбы, страдания, вины и смерти. От пограничных ситуаций не гарантирован никто. Казалось бы, они разрывают зарубцованные раны детства и заставляют человека переживать сложные ситуации так, словно он вновь ребенок.

Порой, невроз — наименьшее из возможных зол. И хотя радоваться и здесь особенно не приходится, остается уповать на подоплеку защищенного детства и не слишком травмирующую внешнюю реальность.

Различия между отдельными расстройствами

Эдиповы причины классических неврозов поддаются лечению классическим психоаналитическим лечением относительно легко. С психосоматическими больными дело обстоит сложнее, ибо последние стремятся избежать угрозы заполучить ярлык органического заболевания. В случае делинквентного поведения угроза становится социальным знаком — общественным приговором. Проблема наркоманов заключается прежде всего в том, что в социальном плане они оказываются аутсайдерами в обществе: из-за нелегального распространения наркотиков его потребитель вынужден стать делинквентной личностью и рано или поздно заслужить общественный приговор и его исполнение. Больные психозом платят за сомнительный выигрыш бегства в фантазии полным разрушением связей с реальностью, на что общественные учреждения реагируют тем, что в случае необходимости в принудительном порядке помещают таких людей в психиатрические клиники.

Таким образом, всякий личностный «грех» обретает свое место в общественном сознании:

— неврозы — психоаналитическую клинику, или клинику неврозов

— психозы — психиатрическую клинику,

— делинквентность — тюремное заключение, а

— злоупотребление наркотиками или — перверсивное поведение, если и не тюремное заключение, или психиатрию, то соответствующую маргинальную среду (см. табл. 13).

-223-

Таким образом, я продемонстрировал читателю как выглядит безрадостный мир психических расстройств. Общественность должна быть информирована об этом, поскольку правдивая информация — это необходимая предпосылка для безотлагательных перемен.

Ясно, что отношения, сложившиеся в традиционных обществах, вряд ли изменятся по мановению волшебной палочки, но важно стремление постоянно поддерживать осознание происходящего в обществе. При этом вовсе не стоит

предаваться иллюзиям и подобно тому, как это происходило во времена студенческого движения, строить утопии, не имеющие шанса быть реализованными, сколь тяжело ни было бы в этом сознаться (ср. гл. 1Х. 5.1.). Но из-за этого нам не стоит и впадать в пессимизм Фрейда, нашедший себе выражение в работе «Неудовлетворенность культурой» (1930). Мы вполне можем терпеливо и целеустремленно анализировать как предопределенные биологически, так и санкционированные обществом фактические отношения, т.е. в первую очередь вскрывать, сознательно понимать и обозначать, не боясь правды. Вторым шагом может стать перепроверка того, что может быть изменено, а что — нет. Третьим шагом мы изменим то, что поддается изменению, например, сложные неврозы отдельного пациента посредством терпеливой «тяжелой работы» психоанализа, безотрадные семейные отношения лиц с наркотической зависимостью посредством последовательной семейной терапии, а причиняющую вред изоляцию лиц страдающих психозами, делинквентных личностей, наркоманов, алкоголиков и извращенцев посредством открытой общественной работы.

VII. ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

1. Предварительные замечания

Важнейшим диагностическим методом в психоанализе является разговор, диалог. Аналитик начинает говорить с пациентом, задает ему те или иные вопросы, не упуская при этом ни одной затронутой пациентом темы. Таким образом между пациентом и аналитиком возникает вербальная коммуникация. В силу же того, что целью такого разговора, как правило, является постановка диагноза, он оказывается разговором диагностическим.

Диагноз это прежде всего исследование и, учитывая, что разговор в психоанализе может также выполнять терапевтические задачи, диагностирование всегда следует начинать с определения конкретной цели беседы. Существуют значительные различия между личным разговором и диалогом аналитика и его пациента, поэтому оба собеседника должны ясно отдавать себе отчет, какого рода беседу они ведут, поскольку от этого зависят не только внешние рамки, но и внутреннее содержание их диалога. Для диагностирования могут быть использованы формы стандартизированного интервью, в течение которого пациенту задают вопросы, подразумевающие один категоричный ответ,— «нет» или «да»,—

-225-

или интервью полустандартизированного, допускающего возможность не ограниченного такими рамками разговора. Кроме того в психоанализе используют нестандартизнрованные или свободные интервью, ни в чем не ограничивающие естественное течение беседы. Однако приведенные ниже примеры конкретных интервью все же свидетельствуют, что, как правило, инициатива принадлежит аналитику.

В течение разговора пациент сообщает объективные сведения — год и место своего рождения, род своих занятий, живы или нет те или иные члены его семьи — и сведения субъективные. К последним относятся личные

переживания пациента, чувства, которые он испытывает по отношению к отцу, матери, жене и другим родственникам. Не менее важной представляется в этой связи и та информация, которую аналитик получает, наблюдая во время разговора за поведением пациента.

2. Психоаналитическое интервью

2.1. Метод и необходимые условия

Хотя слово интервью незамедлительно вызывает ассоциацию со своего рода «опросом», какие часто проводятся в прессе и на телевидении, психоаналитическое «интервью» в действительности весьма редко заключается в одном лишь задавании вопросов и получении на них ответов, поэтому слово это взято здесь в кавычки. Прилагательное «психоаналитическое», выставленное перед ним, призвано показать, что в данном «интервью» применяются методы психоанализа.

Фрейд ввел психоаналитический метод в науку одновременно и как метод исследования и как метод лечения людей, страдающих психическими расстройствами (см. гл. VIII. 4.). Что же касается современных психоаналитических интервью, то они часто выполняют только диагностические задачи, поэтому, проводя их, психоаналитик мыслит категориями прежде всего диагностическими. Соотнося услышанное от пациента с существующей в психоанализе теорией личности и учением о болезнях он приходит к выводу, какая психодинамика может скрываться за тем или иным симптомом.

Однако в то же время психоаналитик, проводя консультацию, старается «позабыть» о существовании каких бы то ни было теорий и воспринимать сидящего перед ним человека со всей возможной непредвзятостью. Кажущаяся несовместимость этих условий психоаналитического интервью представляет собой своего рода парадокс, суть которого заключается в одновременном сосуществовании чисто теоретического и сугубо практического подходов. Если при консультации пациента главенствующая роль отводится теории, возникает угроза черезчур поспешной постановки диагноза. На человека сразу наклеивается ярлык того или иного «типичного» невроза. Ценность такой консультации невысока. С другой стороны, следует отметить, что психоаналитик, вообще не утруждающий себя теорией, рискует упустить из внимания симптомы вполне определенного заболевания. Единственным выходом из такой сложной ситуации оказывается для психоаналитика «лавирование» между научным и непосредственным восприятием говорящего.

Лично я, например, воспринимаю своих пациентов прежде всего чисто по-человечески, стараюсь проявить душевное участие, завязать знакомство. Такой не совсем профессиональный подход предоставляет редкую возможность узнать пациента поближе. Сочувствие, готовность сопереживать позволяют составить себе впечатление об образе мыслей другого человека.

Огромное значение для успешного диагностирования имеет также степень доверительности разговора. К сожалению, возможности, скажем, психоаналитика-мужчины адекватно воспринимать чувства пациентки весьма ограничены, тем не менее даже этого , казалось бы, непреодолимого препятствия можно избежать, изучая литературу и прилагая максимум

творческого воображения.

Психоаналитику следует вести себя совершенно непосредственно и естественно реагировать на поведение пациента. Нет ничего ужасного в том, что психоаналитика раздражает высокомерие пациента или пугают его грубые манеры. Спешу добавить, однако, что аналитик должен всегда контролировать свои чувства и использовать их для определения образца отношений, в которые втягивает его пациент. В связи с этим личные ощущения психоаналитика оказываются великолепным инструментом диагностики расстройства отношений, применение которого в интервью позволяет получить от пациента сведения личного или интимного характера, не доступные никаким другим методам.

-227-

Однако успех этого предприятия напрямую зависит от соблюдения некоторых необходимых условий:

1. Интервьюер должен уметь создавать во время консультации атмосферу доверительности, в которой пациент чувствовал бы себя достаточно уверенно для того, чтобы вести откровенный разговор, а сам психоаналитик мог бы непредвзято воспринимать собеседника. Если аналитик добился этого, то

2. Пациенту следует поддержать инициативу интервьюера, содействуя тем самым успеху разговора. Иными словами, предоставить аналитику возможность сконцентрироваться на прослушивании. В этом контексте мы говорим о процессе активного прослушивания, в котором, в частности, Германн Аргеландер (1970) различает три уровня восприятия.

2.2. Три уровня «интервью»

1. Уровень получения объективной информации, пригодной для определения логических прнчинно-следственных связей. Например, аналитик может увязать возникновение депрессии со смертью одного из родственников анализируемого.

2. Уровень получения субъективной информации, на котором руководствуются принципом психологической очевидности; примером ее может служить, скажем, уверенность пациента в том, что его печаль связана со смертью дяди.

3. Уровень получения ситуативной информации, действуя на котором, психоаналитик изучает поведение пациента во время беседы, что позволяет ему определить, в какого рода отношения бессознательно включает его пациент. Те или иные внешние ситуативные проявления этого — пациент может, к примеру, вести себя как ребенок, молить аналитика о помощи, смотреть на него свысока или пытаться склонить его к половому акту — станут лишь тогда очевидны и для пациента и для психоаналитика, когда оба определят, что именно пытается один «делать» из другого, и что именно тот «другой» из себя сделать позволяет. Правильной ориентации в пространстве интервью служит следующая схема:

Модифицированная схема первого интервью

А. Каким образом пациент оказался у психоаналитика?

1. Кем направлен? В связи с чем?

2. Какова продолжительность и результаты проведенного лечения? ^

3.Что думает сам пациент по поводу проведенного лечения и как он относится к

терапевтам?
4. а) согласен с ними;
б) не согласен.
5. Психоаналитик продолжает разговор по своему усмотрению.
Б. Общее впечатление
В. Жалобы
1. Каковы жалобы в настоящий момент?
2. Предистория заболевания.
3. Что думает сам пациент о психических причинах своего заболевания.
4. Провоцирующая пациента ситуация (возникновение которой связано с догадкой исследователя).
5. Эмоциональное отношение пациента к болезни.
6. Внешние проявления заболевания. Его вторичные последствия.

Биографические сведения

Д. Как обстоят дела сейчас"?
1. Как пациент относится к самому себе?
2. Что он думает по поводу своих родных и близких?
3. Его взгляды на свое будущее.
Е. Как развиваются отношения между пациентом и аналитиком

1.Перенос пациента на аналитика.
2. Контр-перенос аналитика.

Ж. Эпизоды интервью, заслуживающие особо пристального внимания
1. Когда именно пациент обнаруживал те или иные чувства (в прогнозируемой ситуации или неожиданно).
2. Как ориентируется сам пациент в пространстве интервью?
-229-
3. Черты личности пациента, привлекающие к себе внимание.
4. Как реагирует пациент на интерпретацию, данную аналитиком?
3. Результаты интервью и их оценка
1. Возникло ли стабильное объект-отношение?
2. Каковы функциональные способности Я (в какой степени ограничены возможности Я?).
3. Эмоциональные проблемы.
4. Уровень интеллигентности.
5. Способность к пониманию.
6. Терапевтическая иллюзия.
И. Диагноз: версия о происхождения расстройства в соответствии с его психодинамикой
К. Терапевтическая пригодность диагноза
1. Для короткой терапии (с обоснованием).
2. Возможные возражения.
3. Для психоанализа (с обоснованием).
4. Возможные возражения.
5. Отказ от любых форм психотерапии (с обоснованием).
6. Допустимы ли какие либо иные формы лечения.

Л. Конкретное предложение по лечению заболевания
М. Определение ограниченной цели лечения, в случае избрания короткой терапии
И. Прогноз?

2.3. Примеры из практики

Иллюстрацией сказанного служит следующее первоначально записанное на магнитофон интервью, проведенное лично Михаэлем Балинтом (текст сокращен, сведения изменены).

Протокол «интервью пациента Вольфганга Х 1933 года рождения, проживающего в настоящий момент в К. («Интервью» вел доктор Михаэль Балинт. Лондон 28 сентября 1963 г.).

Аналитик. Сколько Вам лет?
Пациент. Тридцать.
А. Ваш отец еще жив?
П. Нет, он погиб (при произнесении последних слов проявляются весьма отчетливые заикания).
А, Кем он был?
П. Слесарем.
А. А как обстоят дела с матерью?
П. (Колеблется)
А. Я бы очень хотел разобраться в скрытых причинах Вашей болезни и именно поэтому задаю Вам эти вопросы. Так, жива ли Ваша мать? Здорова ли?
П. Да, ей 55 лет.
А. У Вас есть братья, сестры?
П. Одна сестра двадцати четырех лет, она замужем, у нее ребенок.
А. Где Вы учились?
П. Я вырос у дедушки и бабушки (продолжает очень медленно), я всегда был робким ребенком и хорошо воспитанным.
А. Где Вы учились?
П. В средней школе. Однако, я не успевал в немецком.
А. Тогда Вы уже заикались?
П. Я заикаюсь всегда, когда испытываю волнение.
А. А сейчас? Вы взволнованы?
П. Я был второгодником, но все-таки получил хороший аттестат. Обстоятельства помешали мне получить образование по моим способностям.
А. Чем же Вы занялись?
П. Я пошел учеником на предприятие. Я сидел на двух стульях. Физически я был не в состоянии выполнять работу, а мастер бывал очень груб. (Пауза)
А. Если так будет продолжаться, нам будет тяжело понимать друг друга. Видите ли, я ведь не знаю наверняка, испытываете Вы или нет трудности в речи, когда вот так молчите.
П. (Очень импульсивно) Разве у человека не может быть какого-нибудь недостатка? Это мой недостаток.
А. Вы довольно вспыльчивый человек?
П. Нет, совсем нет.
А. Хорошо себя контролируете?
П. Я не выношу вспыльчивость.

А. Вашим идеалом является сдержанный человек, человек которого ничто не может вывести из равновесия, так?
П. Из равновесия я выхожу часто. Я пробовал работать во многих местах. (Пауза). Как-то моя мать познакомилась с одним человеком.(Пауза) Я так легко выхожу из равновесия, поскольку не высыпаюсь. Мне нужно больше спать.
А. Как Вы полагаете, сколько? Часов, скажем, десять?
П. Часов семь-восемь, но в слесарне у меня и такой возможности нет.

-231-

А. Чем Вы занимаетесь сейчас?
П. Именно сейчас? Ничем, совсем ничем.
А. На что Вы живете?
П. На больничное пособие.
А. Кем Вы работали последний раз?
П. Я хотел стать воспитателем в молодежном общежитии. Мне необходимо быть рядом с молодежью.
А. Чтобы дать другим то, чего не хватало в этом возрасте Вам?
П. Однако это было величайшим заблуждением моей жизни.
(Молчание)
А. Могу я Вас кое о чем попросить? У Вас проблемы с речью. Могли бы Вы, скажем, подавать мне какой-нибудь знак, показывая тем самым, что молчите не по собственной воле? Поднимайте вверх руку- Или вот,— возьмите в руку Ваши очки и поднимайте их вверх, когда Вам не удается сказать то, что Вы хотите.
П. Я действительно испытываю трудности, просто у меня очень болит голова.
А. Почему?
П. Сначала это отражается на сердце. Причина, должно быть, в перенапряжении... Я затрудняюсь объяснить Вам... Я уже заметил, что Вы стремитесь побольше обо мне выведать, хотите составить обо мне мнение.
А. Поверьте, я совсем не желаю Вас оценивать, я лишь хочу Вам помочь.
(Молчание)
А. Пока я понял одно, Вы не нашли своего места в жизни.
(Молчание)
А. Нам сложно говорить друг с другом, следует отнестись к этому серьезно. Сложности в понимании налицо.
П. Хорошо. (Заикается)
А. Можем мы сказать, что Вы испытываете сложности, когда пытаетесь воздействовать на собеседника? Вы сейчас хотите воздействовать на меня, а я— на Вас?
П. Разве можно здесь говорить о воздействии (несколько взволнованно смеется).
А. Вам нечего сказать?
П. Будет проще, если Вы будете задавать мне вопросы?
(Пауза)
А. Договорились. Значит, Вам тридцать лет.Самый волнующий вопрос в Вашем возрасте — это работа и женщины?
П. Я хотел бы добавить, у меня были лишь дружеские отношения с девушками, потому что мне не нравилась моя профессия, но другую работу я найти не мог.
А. Вы как-то связываете эти вещи? Вы считаете, что Вам не везет с женщинами, из-за того, что профессионально Вы не удовлетворены?
П. Да я очень осторожен... так уж случилось... Я заметил это очень рано.

А. Могу ли я кое-что предположить? Вероятно девушка хочет иметь мужчину, а Вы не ощущаете себя в полной мере мужчиной?
П. Возможно, я несколько консервативен?
(Длительное молчание)
А. У меня такое впечатление, что Вы хотите сейчас что-то сказать.
П. Да, верно, но я не могу ... в этом-то все и дело.
А. Как мне Вам помочь? Я хочу, чтобы Вы успокоились, и тогда мы сможем все обсудить.
П. (Заикаясь) Дело в том, что я очень много страдал, в душе.
А. Вы пережили какую-то трагедию?
П. Нет, но я из тех, кто все близко принимает к сердцу.
(Молчание)
А. До этого Вы намекнули, что у Вашей матери появился знакомый?
П. Да, они друг друга не понимают и живут в ссоре,
(Пауза)
П. Он хотел мне помочь, но у него ничего не вышло.
А. Это произошло когда Вы были учеником?
П. Я как раз выучился. Перед этим полгода я провел в Б.
А. Мать и этот мужчина оставались одни все это время?
П. Вместе с сестрой и бабушкой.
А. Почему они не поженились?
П. Я еще в юности понял, что они не подходят друг другу.
А. Они не подходят друг другу, но живут вместе?
(Молчание)
А. Вы очень ревновали?
П. Нет.
А. Это равнодушие ничего Вам не стоило?
П. При известных обстоятельствах я бы, пожалуй, мог его убить.
А. Чем он провинился?
П. Он постоянно шумел... Он ночной человек, а я — дневной (заикается). В то время я работал в иностранном легионе, но и там не пришелся к месту. Там все было настолько грубо. Понимаете, Вы должны учитывать, что я очень чувствительный человек. (Молчание)
А. Полагаю, Вы не станете возражать, если я скажу, что Вы скорее всего хотите быть чувствительным человеком, но обстоятельства настолько не подходят для этого, что Вы вынуждены своим молчанием демонстрировать, как мир не позволяет Вам быть тем, кем Вы быть хотите, я имею в виду — чувствительным человеком?
П. (Тотчас прерывает интервьюера) У меня судороги.
А. Но ведь у нас с Вами нет никакого скандала. Почему же судороги не прекращаются?

-233-

П. Потому что Вам трудно что-либо объяснить.
(Молчание)
А. Вы привели примеры ситуаций, при которых у Вас возникают заикания и судороги. Может быть речь здесь идет о судорогах, связанных со злостью?
П. Я не злюсь. Я сам себя не понимаю.
А. В школе были драки? Вы в них принимали участие?
П. Только изредко. Я слабый человек и не приветствую насилие, я редко дрался.

Нет, иногда я тоже был не прочь подраться, но лишь иногда.
А. Иногда? То есть, когда Вас к этому принуждали? Не из чувства враждебности? (Молчание)
А. Кроме друга Вашей матери Вы еще кого-нибудь ненавидели?
П. Нет, но вот с ним я как-то подрался. Я был так на него зол, что после целый год с ним не разговаривал.
А. Кто победил в драке?
П. Я должен был избить его гораздо сильнее. И шансы были за меня, поскольку у меня руки длиннее. (Молчание)
А. Вне всякого сомнения Вам требуется помощь для того, чтобы избавиться от судорог. Здесь в больнице такая возможность есть.
П. Как я понимаю, проблема в оплате. Мне необходимо для начала найти себе работу. К тому же я заболею еще больше, если ничем не буду заниматься. В противном случае, кому-нибудь из нашей семьи придется переселиться, потому что в квартире слишком мало места.
А. Какое у Вас положение с жильем?
П. Трехкомнатная квартира. В одной комнате живет сестра с деверем и племянником, в другой — моя мать, третья комната моя. Но деверь, скорее всего, скоро переедет.
А. Сколько лет племяннику?
П. Три года.
А. И поэтому он спит с родителями?
П. (Не понимает вопроса) Мне необходимо с первого ноября начать работать, а я вот не знаю — кем.
А. Я позабочусь о том, чтобы Вас приняли во внимание, как случай неотложный, но, к сожалению, до начала следующего года рассчитывать на прием не приходится.
П. (Благодарит А. и чопорно кланяется).

Комментарий: Балинт задает слишком много вопросов. Современные психоаналитики заняли бы в подобном случае скорее выжидательную позицию. Однако, следует учитывать, что именно вопросы Балинта спровоцировали пациента. В контексте интервью важна также фраза Балинта: «Поверьте, я совсем не желаю Вас оценивать, я лишь хочу Вам помочь». Кроме того, надо отметить другую фразу Балинта, в которой не менее отчетливо прослеживается позиция помощи: «Как мне Вам помочь? Я хочу, чтобы Вы успокоились и тогда мы сможем все обсудить», Внимание обращает на себя и тот акцент, который Балинт делает на детском конфликте ребенка с матерью и ее другом. Как только аналитик затрагивает эту тему, пациент обнаруживает чувства ревности, гнева и враждебности, которые, однако, боясь наказания, отрицает.

Другой пример интервью, которое проводил с пациенткой дипломант (сокращенный протокол по памяти; сведения изменены).

Первичное интервью с 31-летней медицинской служащей, техником-ассистентом. Замужем, детей нет.

Встреча: интервьюер встречает пациентку в холле и приглашает ее проследовать в маленькое помещение для семинарских занятий, находящееся этажом ниже. Там они рассаживаются по креслам, и интервьюер замечает, что пациентка носит на правой руке кольцо.

Внешний вид: среднего роста, молодо выглядящая голубоглазая

блондинка. Стрижка короткая.

Ход интервью: интервьюер извиняется за свое опоздание и выражает готовность выслушать пациентку. — Вы хотите, чтобы я Вам что-нибудь рассказала? —Да.

Пациентка незамедлительно сообщает: недавно, в феврале, она имела случай убедиться, что с ней происходит что-то неладное. Делая покупки в магазине, она украла там какую-то вещь. С тех пор кражи стали повторяться регулярно. Она не могла этого вынести и обратилась за помощью в поликлинику. Ей посоветовали пройти консультацию, что она и сделала. Во время консультационной беседы выяснилось, что ее случай намного сложнее, чем это представляется на первый взгляд, поэтому она решила обратиться сюда. (Несмотря на то, что интервьюер хочет побольше узнать о самом воровстве и о том, как проходила консультация, он откладывает все вопросы на потом, предоставляя пациентке возможность свободно развивать свою мысль. Отсутствие внешнего давления придает интервью ощущение легкости.)

Пациентка, тем временем продолжает. За последнее время она довольно много размышляла на эту тему. У нее такое впечатление, что причиной всему страх. Страх был весьма приблизительным, но иногда,утверждает пациентка, он ощущался более отчетливо. Интервьюер: Вы уверены?

-235-

Да, размышляя на эту тему, она вспомнила историю своего рождения: ко времени ее рождения положение отца и матери было далеко не благополучным. Отец (он был врачом) во второй раз безуспешно пытался получить ученую степень. В семье уже был один ребенок, мальчик, появившийся на свет за два года до пациентки. Таким образом, остается признать, что она была нежеланным ребенком.

(У интервьюера складывается впечатление, что это описание чуточку натянуто, сконструировано. Однако, пациентка с живостью продолжает.)

Мать рассказывала ей, что в войну во время ночного авианалета она с детьми скрывалась в подвале дома, где разговорилась с соседом. Может случиться так, сказал сосед, что следующий авианалет застанет ее врасплох и ей придется настолько спешить, что она не успеет взять с собой одного ребенка. В таком случае, ответила мать, я, безусловно, возьму мальчика. Мать рассказывала об этом пациентке множество раз. «Как у нее язык поворачивался говорить такое!» (На глазах пациентки появляются слезы. Эта сцена производит на интервьюера глубокое впечатление. Он вполне разделяет чувства пациентки, однако не может избавиться от сомнения. Почему история, давно известная пациентке, вызывает у нее такую бурную реакцию.)

Затем пациентка сообщает, что в детстве она часто видела сны, вызывавшие у нее страх: на нее надвигалось что-то угрожающее, и она тотчас просыпалась. Однако, стоило ей заснуть, как все повторялось.

Интервьюер интересуется, случались ли такие сны до сообщения матери об авианалете? Как он и предпологал, эти сновидения хронологнческп предшествовали рассказу матери.

Интервьюер говорит, что, слушая пациентку, он не обратил внимания на ее документы и поэтому по ошибке называл ее фрейляйн (фрейляйн — обращение к незамужней женщине). Теперь, рассмотрев принесенные ею бумаги, он заметил, что причина ее обращения в консультацию указана там, как «страх». Увидев это, он решил, что пациентка испытывает страх в настоящий

момент, однако она повела разговор о прошлом.

Согласившись с интервьюером, пациентка начинает рассказ о недавнем переживании. Однажды утром она проснулась намного раньше своего мужа и вышла в гостиную. Там она испытала очень сильный, необъяснимый страх. Она не могла понять, что вызвало этот страх. Он показался ей совершенно безосновательным и глупым.

Впоследствии она размышляла над возможными причинами страха и предположила, что это мог быть страх смерти: сейчас очень легко погибнуть при автокатастрофе и т.п. Пациентке было страшно представить, что в случае автокатастрофы она может погибнуть, а муж ее останется в живых. Интервьюер предлагает пациентке сравнить это воображаемое событие с рассказом матери. В той ситуации пациентка тоже оказалась бы жертвой, виной чему был бы ее брат.

Коротко поразмыслив, пациентка приходит к выводу, что интервьюер сравнивает ее брата и мужа, однако она возражает против такого сравнения. Во-первых, брат не смог бы ничем ей помочь, потому что был слишком мал. Во-вторых, размышляя о несчастном случае, она ясно отдавала себе отчет в том, что муж ее совершенно невиновен.

Интервьюер не хочет доводить сравнение до крайности, но, по его мнению, и брат и муж равны как раз в своей невиновности. Пациентка соглашается с этим утверждением.

Интервьюер просит пациентку подробнее рассказать о воровстве. Она соглашается. Впервые это произошло в октябре. В магазине никто ничего не заметил. Она испытала странное чувство, когда вдруг заметила, что у нее что-то в сумке, что она взяла что-то. У нее была возможность положить украденную вещь на место, но ей не захотелось, ведь все вышло так удачно. Отвечая на вопрос интервьюера «что она крала?», пациентка говорит, что предпочитала воровать качественные и дорогие продукты питания, например, лангусты или разные сорта рыбы.

(Эти слова пациентки наводят интервьюера на мысль о ее происхождении. Ему кажется, что она родом из северных провинций Германии, с побережья Северного моря. Однако скорее всего на эту догадку, о которой интервьюер пока умалчивает, его натолкнуло не сообщение пациентки, а ее документы или характерный северонемецкий выговор)

Случалось ли ей красть до этого, спрашивает интервьюер. Пациентка поначалу отрицает это предположение, но затем сознается, что в детстве таскала у матери деньги. Ее брат всегда получал на две марки больше, чем она. Это было несправедливо. Однажды пациентка похитила у своей подруги розовое портмоне. Кража открылась, и портмоне пришлось возвратить. Тем не менее, она знает точно, что брат тоже воровал деньги у матери.

Стоит отметить, продолжает пациентка, что в общем-то брату приходилось немногим, лучше, чем ей. Детьми пренебрегали. Мать всегда называла отца алкоголиком — что не соответствовало действительности,— и ко времени их зачатия отца уже не любила. У нее был другой мужчина, ставший впоследствии их крестным. Мать любила брать детей с собой, когда встречалась с этим мужчиной. Пациентка и ее брат вынуждены были проводить время в обществе дочери крестного, которая была старше ее на два месяца. Крестный относился к мальчикам лучше, чем к девочкам. Впрочем, к ней крестный относился хорошо, она могла сидеть у него на коленях.

(Интервьюер интересуется, не было ли у пациентки в фантазиях двух отцов?)

Крестный жил в деревне. В одну из поездок туда (с крестным?) мать тяжело пострадала. Крестный просил отца развестись с матерью, но отец отвечал отказом. Позднее мать рассталась с крестным. Если между нею и

-237-

отцом возникали какие-либо противоречия, она часто обращалась за помощью к пациентке. При этом мать совершенно не интересовалась состоянием своей дочери. Такое отношение продолжает сказываться на пациентке. Она плохо переносит любые формы грубости. Например, она обижается, если спрашивает о чем-то своего мужа, а тот как ни в чем не бывало продолжает читать газету.

Уже помимо протокола пациентка сообщила следующее: Недавно она приобрела в книжной лавке две книги. Ей понравилась еще одна книга, но платить за нее пациентка не хотела. Сумки у нее с собой не было и поэтому украсть книгу она не могла. Тогда пациентка прочитала книгу тут же в лавке и лишь после этого успокоилась. Интервьюер: Вы составили впечатление о содержании книги? Пациентка подтверждает.

Пациентка рассказывает о своем муже. Их брак был чем-то само собой разумеющимся. На одной вечеринке, когда она была еще школьницей, он пригласил ее на танец. Она нашла это совершенно несуразным. Долгое время после этого она ничего о нем не слышала, пока однажды он не позвонил ей. Это произошло через год. Они стали встречаться, решили пожениться. Дело шло очень быстро. Она знала, что будет с ним счастлива.

На вопрос интервьюера, оправдались ли ее ожидания, была ли она счастлива, пациентка отвечает утвердительно. Отец плохо отнесся к ее решению выйти замуж. По его мнению, она поступала опрометчиво, поскольку рисковала расстаться с привычным уровнем жизни. Ее семья была по-настоящему обеспеченной. Она прекрасно понимала, что многое потеряет.

Пациентка сообщает о своей бездетности. Замуж она вышла семь лет тому назад. У нее было два выкидыша. Менструации теперь весьма нерегулярны. Из-за применения теплового метода прекратилось отделение яйцеклетки. Лечащий ее гинеколог полагает, что в этом повинны и психические факторы. Усыновить ребенка пациентка не может, она боится, что не будет относиться к нему, как к ребенку родному, и он будет чувствовать себя столь же нежеланным, что и она. Однако в то же время она боится очередного выкидыша. Разумеется, добавляет пациентка, любая женщина испытывает страх перед родами.

Интервьюер: Как относится к этому Ваш муж? Муж хотел бы иметь ребенка от нее, будь у нее ребенок, она вряд ли занималась бы всеми этими вещами.

Интервьюер: Но как я понимаю, Вы обратились ко мне из-за воровства.

Пациентка: В общем-то да, однако бездетность для нее еще большая проблема.

Здесь интервьюер сообщает пациентке, что ее сообщение о воровстве рыбы натолкнуло его на мысль о том, что она родом с северного побережья.

Да, говорит пациентка, она действительно любит есть рыбу. Она могла бы готовить рыбные блюда каждый день. Хотя поначалу им с мужем приходилось здесь в С. нелегко, она уверена, что со временем у них мог бы образоваться свой круг знакомых. Оба они общительные люди, легко идут на контакт. Было бы замечательно ходить в гости, изредко отлучаться из дома. Но

мать постоянно вмешивается в их дела,ищет у них поддержки, приходит к ним, даже тогда, когда никто ее не зовет. «Моя мать всегда была готова сделать дерьмо»,— резко выражается пациентка.

В заключение интервью пациентка говорит, что она призналась наконец в своем воровстве мужу. Его реакция ее разочаровала. Муж просто посоветовал ей взять себя в руки и с тех пор каждый день расспрашивает ее, воровала ли она сегодня. Если она захочет что-либо с ним повторно обсудить, муж может сказать, что разговор на эту тему у них уже был. Он совсем не принимает во внимание, что в первый раз она могла не высказать всего, что хотела. Когда же она обратилась за помощью к психоаналитику, муж стал ревновать ее к терапевту. Интервьюер спрашивает пациентку, почему она решила, что в поликлинике ее консультировал именно психоаналитик. Так она предположила, отвечает пациентка. Она ходила в поликлинику пять раз и ей обещали помочь. Над ревностью ее мужа терапевт лишь посмеялся. Интервьюер спрашивает, знает ли муж пациентки, где она сейчас находится. Пациентка подтверждает. «Может ли муж опять разозлиться? — спрашивает интервьюер». «Как бы то ни было,— отвечает пациентка,— муж просто неправильно к этому относится».

Интервьюер признается пациентке, что часто прерывал ее рассказ (фактически не позволяя ей выдерживать паузы), поэтому ее высказывания, занесенные в протокол, могут показаться несколько непоследовательными.

Пациентка: Я заметила это. Лучше бы Вы побольше меня критиковали.

Интервьюер: Вы хотите, чтобы Вас критиковали? Вам неприятно, когда Ваши слова поддерживают?

Пациентке предъявляется протокол интервью. Просматривая его, пациентка говорит, что может понять практически любой медицинский термин, поскольку работала технической ассистенткой в медицине и прервала свою работу лишь для того, чтобы решить свои проблемы. Она желает во что бы то ни стало от них избавиться.

(Интервью производит сильное впечатление на аналитика. Глубина страданий, пережитых пациенткой, ее воля к выздоровлению — все это не может оставить его равнодушным.)

Комментарий: Скорее всего этот диалог произвел на читателей столь же сильное впечатление. В связи с предельной содержательностью данного текста, комментарии представляются излишними.

-239-

2.4. Эмпирическое обоснование

Подобные вербальные протоколы, составленные на основе магнитофонных записей или восстановленные по памяти, отлично годятся для исследований. Высказывания пациента, интерпретация и ее диагностическое значение могут в любой момент, по желанию терапевта, подвергнуться эмпирической перепроверке. Существует возможность сравнивать протоколы интервью, проведенных с пациентом в различное время, а также сопоставлять его рассказ с запротоколированными интервью других пациентов. Целью такой перепроверки является анализ содержания интервью. Для этого применяются методы как количественного так и качественного типа. Оценка интервью экспертами дает возможность проверить правильность толкования, данного психоаналитиком в течение разговора. В последнее время наряду с традиционными количественными методами получили применение методы

компьютерного исследования (Kaechele 1976).

Степень близости или дистанции между пациентом и психоаналитиком во время разговора оценивается с помощью так называемого Aktantenanalyse (1981). Те или иные фразы пациента, промелькнувшие в разговоре позволяют исследователю сделать заключение о том, какие именно аффекты выявились в течении интервью (1980). Последний подход широко распространен во многих психоаналитических центрах Германии.

Большинство психоаналитиков использует для этих целей традиционную форму доклада о конкретном случае. Доклад целиком посвящен определенному лицу и читается как новелла, живо характеризующая пациента. Такого рода доклады весьма выразительны и напоминают литературный портрет, в котором ярко проявляется своеобразие описанного индивида. Однако серьезную опасность в данном случае представляет собой возможность чересчур субъективной оценки со стороны автора. Кроме того, следует учитывать, что аналитики могут обладать различными способностями в восприятии той или иной ситуации, в переработке воспринимаего и запоминании произошедшего. В связи с этим исследователи, ориентирующиеся на строго эмпирические способы перепроверки полностью отвергают протоколы по памяти, признавая лишь те методы, при которых полученные сведения и их оценка контролируемы и пригодны для перепроверки, а значит, объективны. Тем не менее доклады о конкретных случаях имеют немалое значение для психоаналитических исследований в целом. С поставляемыми такими докладами сведениями об индивидуальных особенностях анализируемого вряд ли смогут конкурировать анкеты и тесты. Именно поэтому психоаналитическое «интервью» и детальный, обстоятельный доклад о конкретном случае по сей день не теряют своей актуальности.

Надо отметить, что уровень объективности доклада о конкретном случае может возрасти, если, во-первых, в протоколе, составленном по памяти, четко расслежены отдельные этапы психоаналитического разговора, а во-вторых, когда в докладе проведено последовательное разграничение между сообщением о процессе самого разговора и его отдельных этапов и интерпретацией интервью. Дополнительным фактором повышения уровня объективности будет научное обоснование каждого эпизода интерпретации.

Усовершенствованным диагностическим методом психоанализа является так называемая супервизия. Закончив разговор с пациентом, психоаналитик делится своими впечатлениями и интерпретацией с экспертом, который, разбирая этот случай, старается идентифицировать себя как с пациентом, так и с интервьюером. Метод супервизии позволяет обнаружить недочеты, допущенные интервьюером в процессе разговора, а также оценить правильность данных им интерпретаций. Супервизию может проводить не только один эксперт, но и группа экспертов, что несомненно повышает общий уровень объективности данного метода.Неточности, допущенные одним экспертом, выявляются во время этого своеобразного симпозиума. Понятно, что у пас будет гораздо больше оснований доверять интерпретации, данной одним или двумя аналитиками, если ее единодушно поддерживают пять авторитетных супервизоров. Другим способом проверки правильности конкретной психоаналитической интерпретации служит тестовый метод. В том случае, когда результаты тестового исследования в целом соответствуют интепретации психоаналитика, правильность последней считается подтвержденной. Тестовый

метод в этом случае напоминает рентгенографическое исследование, результаты которого либо подтверждают, Либо опровергают диагноз эксперта. Представляется логичным, поэтому, обратиться в следующем параграфе к рассмотрению психологических тестовых методов, которые, в первую очередь, позволяют сверить психоаналитическую и психологическую точки зрения, а во вторую — Дополнить качественное, а значит, «субъективное» психоаналитическое «интервью» количественным, а следовательно, «объективным» тестом.

3. Психоаналитически ориентированные методы тестирования

3.1. Качественные методы

В этой связи широкую известность получил тест Роршаха, в течение которого испытуемому предлагается рассмотреть чернильные пятна неопределенной формы. Для психоанализа этот тест переработал Рой Шафер (1954). В случае необходимости слова пациента заносятся в протокол. Затем составляется комментарий, в котором слова пациента интерпретируются на основании психоаналитической теории личности и учения о болезнях. При этом учитываются и формальные процессы: трактовал ли пациент всю картинку, или обратил внимание на какие-то конкретные детали: разглядел ли пациент в предложенной картинке что-то совершенно непредсказуемое, или нет. Чернильное пятно может ассоциироваться у испытуемого с хищником, человеком, определенными дружелюбными либо жестокими сценами. Содержание этих ассоциаций изучается с субъективной (качественной) и объективной (количественной) точек зрения. Под количественным исследованием в данном контексте понимаются определение количества времени, требующегося испытуемому для ответа, определение общего числа ответов, числа исчерпывающих и частичных ответов. Полученные данные сопоставляют со средними показателями, полученными путем тестирования большого числа людей, н выводят таким образом некий средний результат исследования для конкретного пациента. Такой метод помогает расширить психоаналитические возможности распознавания специфических страхов, защитных механизмов н конфликтов.

Так, например, люди, страдающие классическими неврозами (см. VI. 2.), обнаруживают, как правило, хорошо функционирующие защитные механизмы вытеснения, изоляции аффекта и формирования реакции. Пациенты с шизофреническими симптомами (см. VI.4.) демонстрируют при проведении теста Роршаха более или менее нарушенное восприятие реальности. Алкоголики и лица с наркотической зависимостью, угадывая в предлагаемых картинках образы, связанные с «проглатыванием или получением чего-то», дают основания говорить об оральности. Регрессивные тенденции и склонность к аффектациям, свойственные людям с нарцистическими расстройствами личности или пограничными состояниями, указывают на нарушение ранних объектных отношений.

В числе известных проективных тестов, подтверждающих, опровергающих и дополняющих предварительные диагнозы, следует также упомянуть TAT и ORT. Они заключаются в том, что пациенту предлагаются

картинки, имеющие сильно выраженный провокационный характер. Содержание картинок соприкасается с бессознательным началом любого человека. Это всем нам знакомые состояния скорби, печали, несчастной любви, ссоры, счастья, страха смерти.

Необходимо подчеркнуть, что именно провокационный характер вышеперечисленных тестовых методов позволяет им достигать своей цели: исследовать бессознательное. «Интервью» лишь в редких случаях удовлетворяет требование провокационности, поскольку чаще всего интервьюер ведет себя по отношению к пациенту дружелюбно и предупредительно.

Так же, как и результаты интервью, итоги тестового исследования оказываются зависимыми от реакции испытуемого на поведение человека, проводящего тест. Испытуемый проецирует не только на демонстрируемые ему картинки, но и на личность исследователя. Точнее говоря, речь здесь идет о двух уровнях проекции. Поэтому результаты такого исследования тоже не вполне объективны.

В связи с этим представляется важным указывать в комментариях к протоколу, как складывались отношения между испытуемым и исследователем. Сама тестовая ситуация способна создавать такой образец реакции, при котором исследователь воспринимается пациентом как экзаменатор, судья или учитель, одним словом, как авторитетная личность, делающая из ответов пациента выводы ему, самому не известные. Важно поэтому знать, проявились ли каким-либо образом подобные отношения. Достаточно сказать, что тестовое исследование дает разные результаты, в зависимости от манеры поведения исследователя. Он может вести себя отстраненно или дружелюбно и т. д. Реакция испытуемого на поведение исследователя, разумеется, адекватна его реакции. Из этого можно заключить, что тестовое исследование само по себе является пространством, важную роль в котором выполняют двусторонние переносы. Тем самым процессы переноса и контр-переноса, протекающие в течение тестирования, также заслуживают в комментарии особо пристального внимания, наряду с описанием и интерпретацией процесса, протекающего между испытуемым и материалом теста.

-243-

3.2. Количественные методы

Из общего числа наиболее употребимых и оправдавших себя на практике количественных методов психоаналитической диагностики следует особо выделить Гисенский тест (1972), разработанный и усовершенствованный Дитером Бекманом и Хорстом Эбергардом Рихтером. Данный тест включает в себя более сорока вопросов (итем) и позволяет исследователю составить общее впечатление о личности испытуемого. В ходе тестирования выявляются субъективное ощущение испытуемого в настоящий момент (в частности, депрессия или уверенность в себе), его социальное положение, аспекты его частной жизни и черты, характеризующие его личность (общительность, замкнутость и т. д.).

Тестирование различных слоев населения, проведенное Гисенской исследовательской группой, показало, что отношение к поставленным вопросам, к примеру, мужчин — женщин, пожилых -— молодых людей, студентов медицинского — студентов философского факультетов, пациентов, страдающих психосоматическими заболеваниями,— лиц с наркотической

зависимостью, криминальных личностей — людей, склонных к сексуальным извращениям и т. д., имеют ярко выраженные отличия. Полученные таким образом сведения позволяют в перспективе с достаточной точностью определять природу душевного расстройства, которым страдает пациент. Интерпретация результатов теста обнаруживает типы тревоги, защитных механизмов и конфликтов, актуальных для испытуемого, и поэтому она в определенном смысле аналогична толкованию психоаналитического разговора.

В последние годы получили широкое распространение три других количественных теста:

1. «Анкета для исследования психосоматического процесса», предложенная в 1981 году Клаусом Кохом. Основой для нее послужили разнообразные теории возникновения психосоматических расстройств. Из десяти пунктов анкеты наиболее важными представляются пункт 2, оценивающий степень ограниченности фантазии, пункт 3, рассматривающий эмоциональную сторону межличностных отношений, пункты 5 и 6, уточняющие уровень бессознательной агрессивности и ее торможения.

2. «Анкета нарцистическая», предложенная в 1985 году Денеке и Мюллером. С ее помощью исследуются особенности психики лиц, страдающих нарцистическими расстройствами личности (см. гл. VI.3.1.). Первый пункт раскрывает такие характерные чувства, как тревога, беспомощность и бессилие. Предлагаемая испытуемому итема может звучать, к примеру, следующим образом: «Часто я испытываю такую внутреннюю опустошенность, словно меня парализовало. Это чувство неописуемо». Беспомощность и беззащитность личности находит свое выражается в другой итеме: «Часто я чувствую себя так, точно я нахожусь в стеклянном сосуде, который может разбиться от малейшего прикосновения». Аспект саморазрушения выявляется при подтверждении итемы: « Порой я так злюсь на себя, что мне становится страшно». Выбор пациентом определенной . итемы демонстрирует наличие у него, в частности, неконтролируемых агрессивных импульсов, характерных как для нарцистических, так и пограничных расстройств личности («Иногда я бываю настолько зол,что боюсь потерять всякий контроль над собой»), чувства собственной ничтожности («Бывает невыносимо порой представить, как ты незначителен»), социальной изоляции («Я избегаю праздников, потому что чувствую себя там чужаком»), самовозвеличиванния («Узнай все, какой талант скрыт во мне, они бы удивились»), нарцистической злости («Если я не получаю заслуженного одобрения, я готов сгореть от злости» или «В общении с людьми необходимо быть всегда начеку»).

3. « Анкета исследования факторов агрессивности» созданная на основе результатов проведенного во Фрайбурге изучения личности, предоставляет возможность определить тип агрессивности, наличествующий у испытуемого на момент исследования. Согласно психологическим и психоаналитическим теориям болезней, в возникновении психосоматических расстройств существенная роль принадлежит фактору подавленной агрессивности. В процессе лечения этих расстройств агрессивность может стать явной, что способствует исчезновению психосоматических симптомов. Анкета исследования факторов агрессивности позволяет зафиксировать эти изменения.

Несмотря на то, что названные в этой главе количественные методы тестирования успешно применяются в психоаналитической диагностике, бессознательные процессы, протекающие в человеческой психике, им не

доступны. Однако с помощью тестов контролируется процесс психоаналитической терапии. Тем самым субъективное мнение психоаналитика, проводящего лечение, уточняется объективным методом исследования.

-245-

VIII. Психоаналитические методы лечения и консультации

1. Отличия от других видов терапии

За последние двадцать лет возник целый ряд новых терапевтических техник, поэтому в настоящий момент психоанализ является одним из множества столь же полноправных методов лечения душевных расстройств. Сейчас учащиеся психологических факультетов изучают наряду с психоанализом, в частности, поведенческую терапию, важная роль в которой отводится таким понятиям, как систематическая десенсибилизация, тренинг уверенности в себе, аверсивное и оперантное состояния. Кроме того, большое внимание в программе психологического образования уделяется и разговорной психотерапии. Например, в Гамбургском университете последняя представлена на втором семестре не только теоретическими, но и практическими занятиями.

Такое положение позволяет выбирать практически любые методы лечения, включая непсихоаналитические. Однако многие психологи, первоначально практиковавшие поведенческую или разговорную терапии, не удовлетворяются достигнутым и переходят к психоанализу.

Сложившаяся ситуация способствует выработке нового взгляда на психоанализ и психоаналитические методы лечения. Рассмотрим поэтому прежде всего поведенческую и разговорную терапии и лишь затем .Сравним их с психоанализом. Несмотря на кажущуюся непривычность такого способа повествования, он полностью отражает реальность современной психологии.

1.1. Поведенческая терапия

Базой для поведенческой терапии послужила экспериментально основанная теория научения. Со временем техника и понятия поведенческой терапии совершенствовались и теперь она включает в себя .разнообразные практические методы лечения, суть которых сводится к логичной, но спорной теории.

Одним из серьезнейших условий данной терапии является объективная перепроверка результатов лечения через эксперименты, что дает право включить ее в естественнонаучный раздел психологии, отличительной особенностью которого оказывается приложение общих закономерностей к конкретному индивиду.

Психические расстройства моделируют и пытаются устранить в лабораторных условиях, следуя при этом простой схеме: желание — реакция, в связи с чем поведенческая терапия весьма доступна и легка в изучении. Так, к примеру, фобия, согласно поведенческой .терапии, представляет собой патологическую условную реакцию, возникшую как следствие угрожающей человеку ситуации. Фантазии, вытесняемые желания и защитные механизмы во

внимание не принимаются. Причину расстройства ищут ни в детстве, а в настоящем пациента. Никакого веса не придается возможному символическому значению вызывающего страх объекта; его рассматривают как возбудитель страха, а все остальное считают последствиями такого возбуждения. При этом цель поведенческой терапии — заменить неадекватное поведение Пациента поведением адекватным.

В отличие от поведенческой терапии, психоанализ придает огромное Значение бессознательным психическим процессам. Предметом изучения психоанализа является сам человек, поэтому все терапевтические методы психоанализа строятся на сложной и утонченной психоаналитической теории личности.

-247-

Несмотря на серьезные различия, у поведенческой терапии и психоанализа есть много общего. Оба метода предназначены для понимания непростых психических феноменов, оба имеют немаловажное значение для оздоровления общественных отношений, признают неизбежность ошибок, возникающих в процессе исследования, и принимают в качестве необходимого условия перепроверку полученных результатов. Следует, однако, признать, что необходимость последнего условия была постулирована в психоанализе лишь в последнее время.

Многие психоаналитики, в частности, Ганс-Фолькер Вертманн в своей статье, опубликованной в «Журнале психосоматической медицины и психоанализа», указывают на резкие противоречия между поведенческой терапией и психоанализом, однако растет и число ученых, пытающихся изыскивать возможности для синтеза двух методов. Комбинация из двух этих подходов, предложенная Райнером Краузе весьма эффективна, например, при лечении заикания. Представители поведенческой терапии тоже не стоят на месте. Психолог Эва Эгги в контексте когнитивной терапии, разработанной на основе терапии поведенческой, рассматривает психические нарушения не только как специфические «ошибки мышления», но и как следствие иррациональных мыслей и внутренних противоречий, не осознаваемых пациентами.

В еще большей степени на сходстве поведенческой терапии и психоанализа строит свои умозаключения Э.Ханд (1986). Он проводит последовательный анализ отдельных человеческих потребностей, функций, мотиваций и поведенческих расстройств, различая при этом сознательные и так называемые «несознательные» функции, значение которых становится очевидно в процессе терапии.

Тем самым Ханд, избегая использования психоаналитической терминологии, в сущности повторяет давно известную в психоанализе истину. Однако признать это приверженцы поведенческой терапии не торопятся. Гипотеза или, говоря точнее, признание существования несознательных или неосознаваемых человеком намерений не содержит в себе перехода к аналитической конструкции, постулирующей бессознательную мотивацию поступков, а представляет собой лишь практическое средство, позволяющее использовать отвлеченный анализ функций в терапевтических умозрительный, целях».

Пауль Вахтель, напротив, не боится признать психоаналитические «конструкции», о чем свидетельствует его книга «Психоанализ и поведенческая

терапия. Речь в защиту их интеграции» (1981), в которой он синтезирует во многих отношениях слабую теорию возникновения фобий поведенческой терапии и психоанализа, вводя в поведенческую терапию понятие бессознательного значения вызывающего страх объекта.

Тем не менее психоаналитикам следует учитывать, что поведенческая терапия тоже оправдывает себя на практике, поэтому в том случае, когда обнаруженные расстройства бессознательного не способствуют излечению пациента, страдающего, к примеру, заиканием, психоаналитику вне всяких сомнений стоит направлять его к психологу, практикующему поведенческую терапию. Подобное сотрудничество можно только приветствовать.

1.2. Разговорная психотерапия

Базой для разговорной психотерапии, как и в случае терапии поведенческой, послужила экспериментальная психология. В разговорной психотерапии практикуется описание клинических феноменов, уделяется большое внимание контролю результатов лечения и прежде всего намечается конкретная цель терапии. Вскрытие бессознательного содержания в планы терапевта не входит. Большое значение имеют три базовых условия, разработанные Карлом Р. Роджерсом (1957):

1. Подлинное, человеческое реагирование.
2. Добросердечное отношение и понимание пациента.
3. Вербализация чувств пациента. В разговорной психотерапии, как и в психоанализе, существенным фактором признается личный опыт терапевта. Согласно разговорной психотерапии, для того, чтобы в полной мере понять скрытое значение чувств пациента, необходимо добиться так называемой «модификации поведения». В отличие от поведенческой терапии здесь не практикуются директивные методы лечения, поскольку считается, что пациент сам прекрасно понимает, в чем он нуждается

-249-

и в каком направлении должен развиваться терапевтический процесс. Функция, отведенная психотерапевту, заключается, таким образом, в сопровождении пациента на этом пути и вербализации, т. е. словесном обозначении его чувств.

Немаловажное значение в этой связи приобретают психотерапевтические вмешательства в монолог пациента. Последнему могут задавать различные наводящие вопросы, например: «Как Вы чувствуете себя в настоящий момент?», «Вас что-то беспокоит?», «Вы чувствуете себя всеми покинутым?». При этом терапевт всегда доверяет ответам пациента. Оживления ранних образцов отношений, неизбежность которого подчеркивается в психоаналитической концепции переноса, избегают или вообще отрицают его значение. Не делается никаких попыток проникнуть в бессознательное значение поведения и определить тем самым наличие у человека того или иного неосознанного конфликта. Придерживаясь таких принципов, создатели разговорной психотерапии смогли избавиться от «пугала», «священной коровы» психоанализа — от понятий сопротивления, навязчивого повтора, переноса и контр-переноса. С психоаналитической точки зрения разговорная психотерапия, «не имеющая в своем распоряжении ни теории психических расстройств, ни конкретной, ориентированной на определенное заболевание, терапевтической техники», представляется лишь психологической методикой разговора.

Тем не менее Карл Р. Роджерс выдвинул в 1959 году не только теорию личности разговорной психотерапии, но и теорию самой терапии. В своем труде он говорит, в частности, об использовании в терапевтических целях противоречий между реальными и идеальными образами, наличествующими в психике пациента. Несмотря на то, что это утверждение может быть с полным правом названо вполне психоаналитическим, создатели разговорной психотерапии склонны отрицать любое сходство с неудобным соседом.

1.3. Прочие психотерапевтические методы

Из обширного списка различных психотерапевтических методов, применяемых сейчас для лечения душевных расстройств, необходимо отметить следующие:

---

* Приведенное выражение впервые прозвучало на семинаре «Психоанализ и поведенческая терапия. Общность и различия», проведенном совместно с К.Хейнертом — в зимнем семестре 1976/77 гг.

Трансактивный анализ, разработанный Эриком Берном (1974). Согласно Берну существует три состояния человеческого Я: детское Я, взрослое Я и Я родительское. Человеческие конфликты Берн рассматривает как своего рода «игру», существенным условием которой он считает провоцирующее поведение одной из конфликтующих сторон. Поведение человека может, таким образом, иметь своей целью побуждение человека другого на определенные действия. Берн отмечает, в частности, такие провокации, как «бросайся на меня» или «выгони меня» и т. д. В трансактивном анализе так же, как в психоанализе учитываются типичные образцы отношений и поведения, кроме того, он способствует осознованию пациентом своего т. и. «бессознательного плана жизни»,— т. е. своеобразного бессознательного «предписания», управляющего определенными действиями человека. Тем самым транакте анализ оказывается адаптированным аналогом психоанализа. Теория и методы транактного анализа подробно описаны Леонардом Шлегелем в пятом томе его «Основ глубинной психологии».

Гештальт терапия. Согласно теории гештальт-терапии, заблокированные внутренние резервы проявляются в процессе контакта человека со скрытыми в нем образами, видениями и т. п. И если феномены сопротивления при этом как и в психоанализе подлежат интерпретации, то толкования бессознательного содержания не дается.

Биоэнергетика представляет собой метод лечения душевных расстройств, основанный на понимании тех или иных телесных симптомов. В своей книге, освещающей современное состояние биоэнергетики, Александр Ловен вслед за Вильгельмом Рейхом, большое место в работах которого уделяется, в частности, рассмотрению различных физических проявлений нарушений психики, подчеркивает необходимость досконального изучения языка тела. Родство приведенной теории с психоаналитическими концепциями, в особенности, с анализом характеров Вильгельма Рейха (1933) представителями биоэнергетики признается и воспринимается, как фактор во многих отношениях положительный.

Много общего с психоанализом имеет и т. н. «терапия первичного крика», более известная как первичная терапия.

Основным инструментом данной терапии является регрессия, при которой пациент погружается в бессознательные области боли, страха, страдания, отчаяния и гнева, недоступные ему при других обстоятельствах по причине существования защитных механизмов. Посредством этого вскрывается «первичная боль», связанная с драматическими переживаниями раннего детства. Повторное оживление неприятных эмоций или, иначе говоря, «примула» позволяет пациенту открыто выразить подавленный «первичный крик»), т. е. без всякого стеснения плакать, жаловаться, злиться и т. д. Это в свою очередь ведет к исчезновению беспокоящих его симптомов *.

В известном смысле первичная терапия — предприятие даже более смелое, чем сам психоанализ. Предпринимаемые в рамках первичной терапии длительные групповые сеансы, проводимые в затемненном помещении, позволяют достигать более глубокой и продолжительной регрессии и, в каком-то смысле, даже более эффективных результатов, чем сеансы психоаналитические.

Однако, необходимо еще раз подчеркнуть, что все вышеперечисленные виды терапий не совсем удовлетворительны: поведенческая терапия упускает бессознательное значение человеческого поведения, проблему переноса и контр-переноса; разговорная психотерапия, учитывая возможность переносных реакций, воспринимает их, тем не менее, как нечто вредное; и только в рамках транактного анализа, ориентированного прежде всего на биоэнергетику, и в еще большей степени первичной терапии признается психоаналитическая концепция, согласно которой психические расстройства являются следствием драматического опыта в ранних отношениях человека и не могут быть преодолены без их повторного оживления. В последнем утверждении содержится, по сути, определение важнейшего психоаналитического принципа.

---

* Что касается общности между психоанализом и первичной терапией, то доказательством этого может служить, в частности, пример психолога и психоаналитика Альберта Герреса (****** *******), практиковавшего в клинике Мюнхенского университета первичную терапию наряду с психоанализом.

---

2. Условия, необходимые для успешного применения психоаналитических методов

2.1. Со стороны психоаналитика

Важнейшим фактором успешного применения психоаналитического истода наряду с внешними условиями терапии представляется личность самого психоаналитика. К сожалению, этот факт достаточно скупо освещается в литературе, посвященной психоанализу. Недостаток такого пода информации в какой-то мере восполнил недавно вышедший сборник, в который включены работы на эту тему, написанные известными психоаналитиками. Основную мысль этого сборника можно сформулировать так: психоаналитик должен воспринимать себя как важный субъективный фактор терапии и стремиться к самопознанию. Именно в связи с этим неотъемлемой частью

психоаналитического образования становится учебный анализ. Последний предоставляет начинающему терапевту возможность изучить самого себя, разобраться в своих собственных конфликтах и таким образом достичь довольно высокого уровня самопознания. В то же время есть серьезные основания полагать, что высокий уровень познания собственной личности гарантирует более успешное понимание других людей, т. е. в нашем случае — пациентов.

Сказанное в равной степени относится к психоаналитикам, получившим психологическое образование и к тем, кто закончил медицинское учебное заведение *.

Самопознанию аналитика способствует также групподинамический практикум. Атмосфера группы позволяет будущим специалистам составить наглядное представление о собственной манере поведения. Участники

---

*Ранее бытовало мнение, что медицинское образование, подразумевающее воспитание чувства ответственности за жизнь пациента, является лучшим гарантом подлинно психоаналитического поведения, однако десятилетняя преподавательская деятельность во Франкфуртском университете убедила, лично меня, что н в чисто психологическом образовании есть свои неоспоримые преимущества. Психология — это, говоря просто, наука о переживаниях людей. Поэтому студенты, изучающие психологию, занимаются прежде всего этим вопросом, что и является в некотором смысле залогом самопознания. Разумеется, нельзя не упомянуть в контексте психологии об опасности превращения человека в абстрактный объект статистического или какого-либо иного исследования. Реальность такой угрозы доказала современная медицина. Сконцентрировав свое внимание на патологии и химических лекарственных препаратах медики кажется совсем позабыли о человеческой личности.

-253-

групподинамического практикума откровенно высказывают свое мнение по поводу коллег, открывая им глаза на неизвестные им стороны их личности. Критерием объективности высказанного мнения может служить в данном случае его поддержка большинством участников практикума. Максимум информации о своих собственных положительных и отрицательных качествах, предоставляемый такими занятиями, облегчает психоаналитику в будущем понимание реакции пациента, которая во многих отношениях есть не что иное, как реакция на поведение аналитика. Оно же, в свою очередь, должно соответствовать главному правилу психоаналитической терапии — «сдержанности». Психоаналитику необходимо научиться контролировать свои чувства по отношению к пациенту.

2.2. Со стороны пациента

Идеальный пациент не только жалуется на определенные симптомы, но и связывает их с конкретными психическими переживаниями, поэтому он готов активно участвовать в процессе анализа. От успешности сотрудничества аналитика и пациента или, иными словами, от степени участия последнего в так называемом «лечебном альянсе», подразумевающем лишенное невротичности, рациональное и разумное отношение анализируемого к аналитику, во многом зависит эффективность самой терапии. Под сотрудничеством понимают прежде всего готовность пациента свободно ассоциировать, т. е. рассказывать обо всем, что придет ему в голову, не обращая внимание на чувства стыда, стеснения,

страха или вины. Такая откровенность подразумевает высокую степень доверия, которая не может возникнуть сразу в начале анализа, а созидается постепенно.

Краткий пример даст читателю представление о том, каким образом психоаналитик выясняет, готов ли пациент к сотрудничеству:

Аналитик. Я пытаюсь Вас понять. Мне бы очень хотелось сотрудничать с Вами. Это помогло бы нам лучше понять причину Ваших страданий.

Пациентка. Но почему же тогда Вы мне не помогаете?

Аналитик. Я Вам уже помогаю, просто я не делаю никаких поспешных выводов. Меня ведь интересуют совсем не симптомы, меня интересуют психические проблемы, которые симптомы вызывают. Почему бы Вам тоже не заинтересоваться этим.

Пациентка. Хорошо. Но я сомневаюсь, смогу ли я Вам помочь. Мне кажется, причины мне неизвестны.

Аналитик. Я готов помочь Вам в них разобраться. Главное — наша совместная работа, а она станет возможной при одном условии. Вам необходимо сообщать мне обо всем, что Вы чувствуете. Итак, с чем, по Вашему могут быть связаны Ваши страдания

Пациентка. Скорее всего с моей супружеской жизнью.

Аналитик. Это вполне вероятно. Однако важнее другое: Вы сами понимаете, что несчастны в браке, а значит, разобраться в причинах несчастья будет уже легче.

3. Психоаналитическая ситуация

Обратимся теперь к рассмотрению самой обстановки психоаналитического сеанса. Классическая ситуация выглядит следующим образом: больной лежит на кушетке, психоаналитик сидит и кресле, стоящем за кушеткой. Такое положение, при котором пациент не видит психоаналитика, призвано способствовать свободному течению ассоциаций анализируемого. Однако упомянутая в предыдущем параграфе сдержанность психоаналитика, выражающаяся в том, что последний избегает непосредственной реакции на слова пациента и, в отличие от обычного разговора, ограничивается молчанием и вопросами, способна приводить к дополнительной фрустрации анализируемого и создавать атмосферу своего рода вакуума человеческих отношений.

В своей книге «Психоаналитическая ситуация» Лео Стоун (1973) говорит в этой связи, в частности, о характерном для психоаналитического сеанса состоянии разъединения, которое парадоксальным образом сосуществует с необычной для повседневной жизни доверительностью и интимностью. Этот парадокс характеризуется как «интимное разделение» или «раздельная интимность». По этой причине психоанализ подчас разочаровывает, Ожидания людей. Искусственная ситуация аналитического сеанса не способна удовлетворить потребности межличностного контакта. Здесь происходит возбуждение фантазии, возникают навязчивые повторения одной и той же темы, что способствует анализу психики, однако вряд ли похоже на приятный разговор. Феномен психоаналитической ситуации в разное время становился объектом исследования не только психологии,

но и других наук, поэтому имеет смысл ознакомиться со «сторонним мнением».

В лингвистике склонны воспринимать ассоциирование пациента как своего рода рассказ о субъективных переживаниях, проводя параллели между ним и стилистическими приемами, свойственными художественной литературе. Писатель, сочиняющий роман, заимствует подчас материал для работы из собственной биографии или использует факты из жизни своей семьи.

В социлогии психоаналитическая ситуация рассматривается как контакт двух индивидов, опирающийся на определенные социальные правила: независимость пациента остается неприкосновенной; роли участников сеанса заранее известны; психоаналитик лишь предлагает пациенту свои профессиональные услуги в решении тех или иных внутренних конфликтов. Возникающая во время сеанса атмосфера доверия, способствующая достаточно свободному выражению пациентом своих подлинных эмоций, позволяет аналитику разобраться в переживаниях анализируемого. В принципе, считается, что пациент вполне способен сам отыскать причину своих страданий, однако испытывает с этим временные затруднения, что и влечет за собой обращение за помощью к специалисту.

Согласно политологии психоаналитик, безусловно, применяет к пациенту власть. В контексте развития этой предпосылки, делается предположение, что пациент, в известном смысле, доверяет свою личность психоаналитику и тем самым добровольно отказывается от собственной независимости. Утрированная картина таких отношений неизменно включает в себя образ всемогущего аналитика и бессильного, зависимого пациента. К сожалению, находятся факты, подтверждающие это. Психоаналитик действительно может злоупотреблять доверием пациента и даже наносить ему вред, что доказывает, в частности, автобиография Дерте фон Дригальски «Цветы на граните» (1979). Однако подчеркивается и то обстоятельство, что при отсутствии свободного течения ассоциаций со стороны пациента психоаналитик бессилен что-либо предпринять, поскольку строит все свои умозаключения на основании слов пациента. Что касается риска нанести пациенту вред, то, к примеру, Роберт Ланг (1987) решает эту проблему в несколько нетрадиционном ключе. Согласно его мнению, терапевты, несмотря на выработанное в течение учебного анализирования умение быстро разбираться в причине собственных внутренних конфликтов, страдают тем не менее, подчас, точно такими же нервными расстройствами, что и их пациенты. Аналитик, не подозревающий об этом, может бессознательно, пользуясь феноменом переноса, использовать пациента для решения собственных проблем. Подобные «терапевтические разговоры» могут иметь место в практике недостаточно образованных или недостаточно опытных терапевтов. В частности, мой более чем двадцатилетний опыт работы с пациентами убеждает, что вероятность возникновения описанной ситуации ничтожно мала.

4. Психоаналитический метод в узком смысле

Суть психоаналитического метода во многом определяется существованием в нем двух парных, биполярных концепций: концепции «желания и сопротивления» и «переноса и контрпереноса».

4.1. Желание и сопротивление

Пациенты, проходящие анализ, испытывают желание сотрудничать с терапевтом, совместно с ним прилагать максимум усилий для того, чтобы установить источник собственных страданий. Желание это выражается в готовности прослеживать причинно-следственные связи между проявлением симптома и скрытым внутренним конфликтом.

Однако в то же время многие пациенты «сопротивляются» повторному оживлению в рамках уже психоаналитического сеанса неприятных им воспоминаний и ситуаций, поскольку, полагают, что это грозит реанимировать драматические для них обстоятельства прошлого, например, раннего детства. Воспоминания часто бывают невыносимо болезненными, а опасения, что психоаналитик отнесется к боли пациента пренебрежительно или даже иронично, провоцируют у последнего стеснение. Развивающееся вследствие этого бессознательное сопротивление некоторых случаях ведет к частичной потери способности вспоминать о драматических и позорных эпизодах вообще.

— 257 —

Сновидения же, напротив, на свой лад, доносят болезненные переживания до сознания, поэтому в рассказе пациента периодически возникают намеки на забытый эпизод. Дело аналитика — осторожно указать пациенту на трудности, которые тот испытывает, припоминая подобные сцены, на его замеченные попытки уклониться от важной, но щекотливой темы и, не забывая подчеркивать свое трепетное отношение к чувствам анализируемого, ознакомить его с предполагаемыми причинами данного сопротивления. Часто пациенты стремятся контролировать свои мысли, и, заметив, что в разговоре они уклонились от «спасительной» нейтральной темы, спешат к ней вернуться.

К примеру, пациент злится на аналитика из-за того, что тот не уделяет ему требуемого времени, однако боится каким-либо образом проявить этот гнев. Результатом такого сопротивления оказывается мигрень. Сопротивление, образно говоря, «производит» симптом.

Задача анализа сопротивления как раз и состоит в том, чтобы показать пациенту связь между симптомом и вытесняемым аффектом, причина вытеснения которого заключается в страхе и стеснении.

4.2. Перенос и контрперенос

Перенос

Рано или поздно пациент включает терапевта в перенос, повторно оживляя или реактивируя в рамках психоаналитического сессии ранние детские отношения, характеризующиеся доминированием в них нерешенных невротических конфликтов. Чувства и ощущения, игравшие когда-то существенную роль в жизни анализируемого, получают «новую жизнь» и огромное значение на данный момент. Аффекты, первоначально связанные с близким человеком, имевшим решающее влияние на детство пациента,

переносятся на психоаналитика, на отношения, возникшие сейчас — в настоящем.

Нервное расстройство не только проявляется в переносе, но и становится через перенос доступным для тщательного анализирования. Активные внутренние конфликты уступают место столь же активным конфликтам внешним — между пациентом и аналитиком. Симптоматический невроз превращается в невроз переноса.

Весьма часто на психоаналитика переносят черты властной матери, от которой постоянно ожидают наказания или раздраженного окрика.
Толкование же переноса позволяет терапевту во-время распознать данный стереотип, сообщить о своей интерпретации пациенту и способствовать тем самым формированию новых, непатологических и доверительных отношений.

Признаком переноса является проявление в отношениях аналитика и анализируемого принципиально несвойственных им черт, таких как "Преувеличенная нежность или враждебность и т. д. Именно «неуместное», «преувеличенное» и «необычайное» дает психоаналитику основания предполагать влияние переноса. Необходимо также отметить, что переносы бывают эротическими, агрессивными, позитивными или негативными. Ниже приведен пример негативного переноса.

Пациент. «Мой автомобиль попал в автоинспекцию. Там только деньги берут и все. Ну, что ты будешь делать! Бензопровод был уложен так, что запах шел прямо в багажник. Я бы с удовольствием обратился в другое место, но куда там.»

Аналитик принимает все сказанное на свой счет, воспринимая раздражение пациента как перенос. Недовольство анализируемого автоинспекцией может выражать неудовлетворенность терапией вообще и терапевтом частности.

Аналитик. «Мне показалось, что ситуация с автоинспекцией напоминиет Вам то, что происходит здесь, на сеансах. Если это так, то, говоря о тех, кто берет деньги, но ничего не делает, Вы имеете в виду меня».

Пациент после долгих раздумий соглашается с этим утверждением и добавляет: «Мой отец поступал также, он ничего не делал, был ни на что не годен, а когда брался мне помочь, помогал неправильно».

Аналитик. «Вы имеете в виду помощь, вроде той, что понадобилась в починке бензопровода?»

Пациент. «Он думал лишь о себе, а не о том, как помочь».

Аналитик. «Однако, как я понимаю, он «отравлял Вам воздух», как бензопровод в багажнике?»

Пациент. «Точно. Я даже боялся его, во-первых, из-за того, что он мог отравить атмосферу», а во-вторых, потому что он гораздо больше заботился о себе, чем обо мне. Мне не хочется переживать подобное еще раз. Теперь все должно быть по-другому».

В психологическом смысле при переносе господствует так называемое селективное или выборочное восприятие терапевта пациентом. Такое восприятие неизменно оказывается искаженным стереотипами и предубеждениями.

-259-

Контрперенос

Контрперенос представляет собой реакцию психоаналитика на перенос пациента. Определяя, в какие именно стереотипные отношения бессознательно втягивает его пациент, аналитик не позволяет себе принять навязываемую роль, а ограничивается лишь тем, что в своей реакции контрпереноса эту роль уточняет. Образно говоря, терапевт вскрывает «замок» переноса «ключом» контрпереноса. Возможности идентификации аналитика с переносимой на него ролью достаточно ограничены.

В частности, Генрих Ракер говорит в этой связи о дополнительной идентификации, которая, в отличие от идентификации конкордантной «дополнена» для аналитика необходимостью идентифицировать себя с третьей фигурой, не принимающей непосредственного участия в их с пациентом отношениях.

В случае тотального контрпереноса все эмоциональные и когнитивные реакции аналитика концентрируются вокруг пациента:

1. Реакции психоаналитика на перенос, т. е. сам контрперенос в узком смысле.

2. Чувства аналитика, не имеющие непосредственного отношения к пациенту, однако возникающие под влиянием последнего.

3. Новый уровень контрпереноса, т. е. бессознательный (первичный) перенос аналитика на пациента. Этот важный и редко освещаемый в психоаналитической литературе аспект контрпереноса создает ситуацию , в которой пациент реагирует на бессознательный перенос аналитика в форме контрпереноса. Упускать из внимания такую опасность, значит подвергать себя риску превратной интерпретации реакции пациента.

В этом контексте я припоминаю одну пациентку, от анализа которой я отказался, поскольку она, увы, напомнила мне мою сестру, обижавшую меня в детстве. Как-то, проводя сеанс групповой терапии, я почувствовал необъяснимую антипатию к присутствовавшей на нем женщине. Впоследствии я понял, что ее властные манеры напоминали мне некоторые черты моей матери.

Однако, стоит также упомянуть, что некоторые психоаналитики склонны вести себя агрессивно или пассивно вне зависимости от переносных реакций пациента, на что указывает, например, Дитер Бекманн
в своей книге «Аналитик и его пациент».

Здесь уже шла речь о том, насколько важное место в работе психоаналитика занимает превосходное знание собственного поведения. Подобное знание помогает терапевту лучше разбираться в причине той (и иной реакции пациента (гл.VIII.2.1.). Высококвалифицированный психоаналитик, успешно прошедший учебный анализ, готов пользовать гетеросексуальные, гомосексуальные и агрессивные аспекты переноса для понимания стереотипа отношений, навязанного ему пациентом.

Феномены переноса и контрпереноса являются неотъемлемой частью всех человеческих отношений или интеракций. В психоаналитической ситуации они лишь находят свое наиболее яркое отражение, поскольку атмосфера сеанса и методы психоанализа поощряют проявление таких феноменов. Однако, обыденная жизнь предоставляет не менее богатый материал для исследования подобных реакций. Например, часто встречающееся бессознательное отождествление любленного с образом идеального отца (или идеальной матери)

ориентировано на стереотипы ранних детских отношений, что позволяет говорить о влиянии переноса.

Учитывая вышесказанное, следует различать следующие элементы психоаналитического метода:

1. Анализ желания и сопротивления.
2. Анализ переноса.
3. Анализ контрпереноса.
4. Текущий анализ свободных ассоциаций пациента или анализ разговора
5. Анализ сновидений.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что эффективность психоаналитического процесса вообще напрямую зависит от преодоления сопротивления пациента и повторного оживления в переносе и контрпереносе болезнетворных внутренних конфликтов. Невыполнение названных требований практически исключает вероятность анализирования психики пациента. Кроме того, для успешного анализа будет явно недостаточно одного (вполне вероятно — неохотного) признания пациентом, под «нажимом» терапевта, влияния на их отношения реакции переноса. Этот факт должен сознательно восприниматься как аналитиком, так и анализируемым.

-261-

4.3. Толкование

Как правило, распознаванию переноса и контрпереноса способствует толкование или, иными словами, интерпретация, осуществляемая психоаналитиком. Интерпретация дается тогда, когда развитие психоаналитического процесса прекращается. Своевременное толкование, выраженное в адекватной словесной форме, представляет собой важнейший инструмент психоаналитической терапии, с помощью которого аналитик расширяет рамки лечебного процесса, зашедшего в тупик по причине переноса и сопротивления. Согласно Strachey (1934), вызываемые психоаналитической интерпретацией изменения носят по существу «мутативный», т.е. преобразующий характер лишь в том случае, когда в толковании отчетливо формулируется стереотип отношений, проявившийся в переносе пациента и контрпереносе аналитика, и повлиявший на общий ход терапевтического процесса. Однако, прежде чем будет дано толкование, необходимо предпринять ряд предварительных шагов к пониманию происходящего. В литературе по психоанализу вплоть до настоящего времени данный вопрос практически не освещался, поэтому приведенное ниже поэтапное описание ступеней понимания представляет собой первую попытку их классификации.

Понимание и объяснение

Цель толкования заключается в том, чтобы сделать понятным непонятное, или, выражаясь метафорически, пролить свет на тайну. Вполне законно поэтому предъявлять к психоаналитической интерпретации высокие требования. Рассмотрев в начале этой книги психоанализ на вопрос его принадлежности к герменевтным, интерпретирующим или естественным наукам, мы пришли к выводу, что все мнения по этому поводу, в принципе, одинаково правомощны. Аргументом в пользу этого утверждения является позиция самого Фрейда, всегда сопровождавшего пациентов в их путешествии

по запутанным тропам ассоциаций и в то же время изыскивавшего возможности для научного обоснования своих догадок .

Пытаясь определиться в принадлежности психоаналитического метода к тем или иным научным доктринам, можно придти к выводу, что последний подобно медали имеет две стороны, обе из которых лицевые, а именно — понимание и объяснение.

Понимание включает в себя способность аналитика отмечать индивидуальные, эндемичные черты личности анализируемого и его биографии. Личный опыт терапевта — например, воспоминания об эмоциях, пережитых им в связи с собственной влюбленностью в случае, когда рассказ пациента касается именно любви,— является важным личным подспорьем на пути понимания чувств пациента. Процесс достижения такого понимания бывает достаточно длительным, однако его продолжительность всегда зависит от количества усилий, прилагаемых аналитиком в этом направлении. Чем больше общего между терапевтом и пациентом, тем выше шансы последнего быть понятым правильно. Однако и аналитик, слишком буквально воспринимающий данное условие, рискует допустить ряд серьезных ошибок в интерпретации.

Объяснение выстраивается психоаналитиком в соответствии с общими для всех людей закономерностями, в частности, психического развития, включающего в себя стадии рождения, младенческой зависимости, ноступательного отделения от матери, контакта с третьим лицом (отцом, братом, сестрой, бабушкой или дедушкой), конфликтного «треугольника» отношений, взросления, протекающего в различных группах сверстников, отделения от группы, контактов с другими людьми, психической переработки этих контактов и т.д. Использование психологических законов позволяет аналитику классифицировать доминирующие у пациента типы поведения, чувств и мышления и тем самым обосновать свое понимание с научной точки зрения *. Для осуществления такой классификации применяются разнообразные методы. В психоанализе, коммуникационных науках, лингвистике и социологии получил широкое распространение, в частности, метод магнитофонной записи разговора между специалистом и исследуемым лицом. В дальнейшем на основе произведенной записи составляется письменный документ, подлежащий кропотливому исследованию.

Внешняя форма психоаналитической практики достаточно известна, однако процессы, протекающие в психике аналитика, стремящегося придти

---

* Приведенная здесь независимая гипотеза о существовании двух уровнен анализа, именно — понимания и объяснения — перекликается тем не менее с выводами Кернера) и Гейнца Когута (1984), который определяет роль эмпатии, способности терапевта почувствовать себя па месте пациента, в психоаналитическом лечении, как поступательно осуществляемую аналитиком смену «позиции понимания на позицию объяснения». Различия в подходах к данному вопросу обоих авторов, будут рассмотрены в главе VIII 4.3. (шесть ступеней понимания во внутреннем диалоге психоаналитика).

-263-

к верному толкованию, изучены мало. В числе немногих серьезных работ по данной теме, надо отметить, в частности, книгу Клаубера «Проблемы психоаналитического контакта» (1980) и его же научный доклад «06 источниках толкования и его цели в психоаналитическом процессе», в котором автор особо акцентировал внимание на необходимости творческого подхода к

интерпретации и на немаловажном в этой связи значении некоторой спонтанности. Мужественная попытка Кодиньолы разобраться в сущности психоаналитического толкования, сделанная им в эссе «Истинное и ложное» (1986), привела к созданию логики, присущей одному лишь процессу возникновения интерпретации, но мало поспособствовала разрешению самой проблемы. И наконец, Jakob Arlov (1986), также исследовавший природу психоаналитического толкования, ввел понятие «внутреннего» диалога, протекающего в сознании аналитика в процессе формирования интерпретации и представляющего собой реакцию на слова пациента.

Шесть ступеней понимания во внутреннем диалоге психоаналитика

Акцент, сделанный нами на прилагательном «внутренний» отнюдь не случаен, ведь данный диалог оказывается своего рода «акустической брешью», по той очевидной причине, что, к примеру, на магнитофонной записи воспринимается, как пауза, молчание.

Инструментов, позволивших бы записать или каким-то иным механическим способом задокументировать внутренний диалог психоаналитика, не существует, поэтому любому исследователю остается довольствоваться опосредованной информацией, которую в состоянии ему предоставить опытный психоаналитик. Разумеется, точность таких сведений напрямую зависит от готовности последнего быть откровенным. Приведенная ниже классификация является результатом моего личного исследования, проводя которое я опирался на принципиальное мнение, что несмотря на бессознательное течение поэтапного понимания, завершающегося толкованием, оно, так же, как и подавляющее большинство бессознательных процессов, протекающих в психике пациента, может быть осознано психоаналитиком.

Разделение психоаналитического процесса на отдельные этапы понимания — предприятие рискованное. Заранее предвидя возражения критики, укажем поэтому на тот факт, что на практике этапы понимания, как правило, либо сменяются не столь последовательно, как в предложенной адаптированной классификации, либо вообще происходят одновременно.

Первая ступень представляет собой восприятие слов пациента. Согласно исследованиям, проведенным в рамках психологии восприятия, человек вообще воспринимает лишь часть внешних воздействий, будь то обращенные на него слова, действия или др. Кроме того, сам процесс восприятия зависит от обстоятельств получения информации (например, времени и места) и степени доверия, которое испытывает воспринимающий к рассказчику,

Вторая ступень включает в себя процесс переработки воспринятого, а в нашем контексте оказывается первой попыткой приблизиться к психоаналитическому пониманию пациента. На данном этапе главная роль отводится герменевтному подходу, подразумевающему использование терапевтом в аналитических целях, в частности, личного опыта. Если вторая ступень пройдена аналитиком успешно, он приходит к предпониманию пациента.

Использование аналитиком своего собственного жизненного опыта значительно увеличивает его шансы на правильное понимание того, о чем рассказывает ему пациент, а следовательно, оказывается в каком-то смысле гарантом достижения необходимой для успешного анализирования эмпатии.

Третья ступень, в отличие от первых двух, требует от психоаналитика использования в процессе понимания пациента психоаналитических концепций «желания и сопротивления» и «переноса и контрпереноса» (см. гл. VIII 4.1., 4.2.). Данные концепции, а также упомянутая В рамках «второй ступени понимания» эмпатия являются важнейшими инструментами психоанализа. В практическом плане использование, в частности, «переноса и контрпереноса» заключается в реагировании аналитика на перенос пациента. В идеальном случае психоаналитик в состоянии адекватно реагировать на любой перенос анализируемого. образно говоря, в контрпереносе должны зазвучать лишь те струны,

-265-

которых коснулся пациент. Продолжив сравнение аналитика с музыкальным инструментом, можно констатировать два необходимых условия правильного реагирования на перенос: во-первых, затрагиваемые пациентом струны должны у аналитика иметься, а во-вторых,— должны прозвучать. Расстроенные «инструменты», разумеется, никуда не годятся. Кроме того, принцип применения контрпереноса можно сравнить с работой измерительных приборов. Задача аналитика — реагировать на поведение пациента подобно амперметру, фиксирующему малейшие изменения в силе тока. Аналитику необходимо стать как бы сенсорным органом пациента.

Четвертая ступень представляется этапом наиболее сложным. Последний представляет собой совмещение или синтез трех предыдущих этапов, который позволяет аналитику на основании текущего процесса составить предварительный «внутренний образ анализируемого. Данный «образ» может первоначально оказаться вполне субъективным и относиться скорее к вымыслу, чем к реальности. В частности, Розенхан (1976) подчеркивает в этой связи зависимость черт предварительного «внутреннего образа» от бессознательной склонности некоторых аналитиков принимать желаемое за действительное, а также от ориентации терапевта на ту или иную психологическую теорию. Часть психоаналитиков придерживается, к примеру, теории травмы и склонна, поэтому видеть в любом пациенте «жертву» драматических обстоятельств (заглавие книги Массона «Что сделали с тобой, бедное дитя?» 1984 является как бы аллегорическим аналогом данной позиции). Другие аналитики придерживаются теории влечений и рассматривают пациента в качестве «виновника», потенциально способного на обман и агрессию.

Пятая ступень состоит в сличении «внутреннего образа пациента» с ранее известными психоаналитику примерами проявления стереотипных отношений. Предпринимая это, психоаналитик вносит в свое первоначальное мнение некоторые коррективы. Важное значение на данном этапе приобретают сведения, полученные терапевтом в течение учебного анализа, а также его собственный жизненный опыт, связанный с переживаниями тех же чувств, о которых упоминал пациент. Результатом успешного преодоления пятой ступени станет для аналитика возможность в дальнейшем дать этим аффектам конкретные определения.

Шестая ступень знаменует собой переход к использованию собственно теории психоанализа, т.е. психоаналитической концепции личности и учения о болезнях. Даже в том случае, когда в течение пяти предыдущих этапов аналитику не приходилось вплотную заниматься теоретическими конструкциями психоанализа, находясь на шестой ступени, он сознательно или

бессознательно к ним обращается. Предварительный практический образ сопоставляется с существующим на этот счет образом теоретическим. Таким образом, психоаналитик получает дополнительную возможность уточнить предполагаемые причинно-следственные связи между симптомами пациента и его внутренними конфликтами. Тем самым происходит непосредственный контакт психоаналитической теории и практики.

Данный процесс протекает, как правило, между сеансами, когда временная и пространственная дистанция позволяет аналитику исследовать пациента, отодвинув в сторону эмоции (имевшие определяющее значение на втором, третьем и четвертом этапах) и подчинив свои размышления логике. Аналитик проводит параллели между выводами, продиктованными ощущениями, которые возникли у него в контрпереносе, и соответствующими теоретическими построениями. Если психоаналитик не в состоянии самостоятельно разобраться в тех или иных трудно поддающихся анализу феноменах, он имеет возможность обратиться за помощью к коллегам. Особо сложные случаи становятся подчас объектом изучения на психоаналитических семинарах.

Необходимо, кроме того, указать, что четыре первые ступени понимания ориентированы на герменевтику, и лишь две последние опираются на знание общих закономерностей и могут быть охарактеризованы в связи с этим как номотетические. Таким образом, этапы психоаналитического понимания иллюстрируют синтез герменевтики и логики, отличающий психоанализ вообще.

Седьмая ступень представляет собой психоаналитическое толкование. Последнее может считаться таковым лишь в том случае, если, к примеру, наряду с констатацией факта сопротивления со стороны пациента, делается указание на вид и причину данной реакции.

Проверка правильности толкования

Проверка правильности данного толкования редко обходится без тех или иных осложнений. В частности, пациенты могут реагировать на интерпретацию аналитика по-разному. Часто анализируемые соглашаются

-267-

с выдвинутой аналитиком интерпретацией, однако нередко они заявляют: «Я не признаю этого. Я это не понимаю. Я не могу в это поверить» и т. п. Концепция «желания и сопротивления» дает психоаналитику право решить, что признать данное толкование пациенту мешает внутреннее сопротивление. Ни в коем случае не исключая вероятность такой ситуации, следует однако отметить, что, в подавляющем большинстве случаев, пациент, не признающий толкование аналитика, бывает прав. Поэтому честному терапевту не остается ничего другого, как быть заранее готовым к перспективе постоянных перепроверок,
Йорг Зоммер дает в своей недавно опубликованной книге «Диалогические методы исследования» (1987), в частности, следующие критерии проверки правильности данного толкования:

1. Критерий когерентности толкования, подразумевающий внутреннюю логическую связность последнего.

2. Критерий практического подтверждения толкования или, иными словами, возможности его применения в лечении пациента.

3. Критерий диалогической проверки толкования, т. е. единодушного признания интерпретации терапевтом и пациентом.

Кроме перечисленного существует основной принцип проверки правильности толкования, выработанный в психоанализе в процессе его развития как метода лечения душевных расстройств. Если данная терапевтом интерпретация вызывает позитивные изменения в состоянии пациента (в контексте переноса, сновидений, физического самочувствия, межличностных контактов и др.), то такое толкование принято считать верным.

5. Экскурс: опытные, экстремальные и смешанные формы психоанализа и поведенческой терапии. Сравнительный анализ

В заключение этой главы необходимо еще раз обратиться к сравнительному анализу психоаналитической, разговорной и поведенческой терапий и рассмотреть на их примере соотношение герменевтного и естественнонаучного подходов в психоаналитическом знании в целом (см. табл. 14). Первый пункт таблицы отведен чисто герменевтному психоанализу,

Собственно психоанализ

1. Герменевтный психоанализ, концентрирующийся исключительно вокруг фантазий и их скрытого содержания.

2. Психоанализ как психоаналитическая психотерапия, в процессе которой принимаются во внимание теоретические конструкции.

3. Психоанализ как психоаналитическая психотерапия, в рамках которой не только учитывается теория, но и предпринимаются эмпирические перепроверки достигнутых результатов.

4. Смешанная форма психоанализа и поведенческой терапии, основанная на принципе взаимного дополнения и сотрудничества.

5. Поведенческая терапия, имеющая конгнитивный уклон н признающая существование т. н. «ментальных процессов» (аналог психоаналитических «фантазий и символов»), протекающих между желанием и реакцией.

6. Поведенческая терапия, концентрирующая свое внимание исключительно на симптомах, не занимающаяся вскрытием бессознательных конфликтов, в рамках которой обязательным условием оказывается эмпирическая перепроверка результатов лечения. Теоретической базой для данного вида терапии послужила теория научения.

Собственно поведенческая терапия

Таблица 14. Психотерапевтические методы: психоанализ, поведенческая терапия и смешанные формы терапии.

включающему в себя 1,2,3 и 4 ступени понимания, результатом которого оказывается составление предварительного психического образа пациента. Методы, применяемые на данных этапах, могут быть охарактеризованы как в достаточно высокой степени интуитивные, в отличие от строго теоретического подхода, осуществляемого на 5 и 6 ступенях понимания.

Под шестым пунктом таблицы значится собственно поведенческая терапия, базой для которой служит теория научения.

Между герменевтным психоанализом и поведенческой терапией располагаются различные переходные или смешанные формы терапий в соответствии с возрастанием в них роли теоретического знания.

В связи с этим возникает вполне законный вопрос, какой именно вид терапии бессознательно используют аналитики, полагающие, к примеру, что они занимаются психоанализом, но применяющие в своей практике методы, в частности, поведенческой терапии. Разобраться в этом представляется достаточно сложным, поскольку в контексте бессознательного выбора терапевтом того или иного метода анализирования конкретного пациента речь идет о скрытых, внутренних процессах, недоступных непосредственному наблюдению. Иными словами, в каждом отдельном случае каждый отдельно взятый психоаналитик использует вероятнее всего свой собственный метод, более или менее ориентированный на один из представленных в нашей классификации.

6. Другие формы психоаналитической терапии

6.1. Психоаналитическая психотерапия

Существуют две точки зрения на психоаналитическую терапию в контексте ее связи с самим психоанализом:

а) аналитическая психотерапия отличается от собственно психоанализа в качественном смысле;

б) аналитическая психотерапия отличается от психоанализа в количественном смысле.

Первое мнение основано на том, что в психотерапии — в отличие от психоанализа, предполагающего активное участие в нем и аналитика, и анализируемого,— пациенту отводится «пассивная» роль больного, нуждающегося в лечении.

Согласно же второй точке зрения, психоаналитическая психотерапия, функционирующая в рамках психотерапии общей, как метод лечения душевных расстройств, опирающийся на учение психоанализа, отличается от последнего лишь длительностью и частотой сеансов. Терапевтические сеансы, как правило, значительно уступают по этим параметрам сеансам психоанализа.

Сопоставив оба мнения, мы приходим к выводу, что, во-первых, аналитическая психотерапия, уделяющая большое внимание вскрытию бессознательного содержания тех или иных проявляющихся у пациента симптомов, безусловно берет свое начало в классическом психоанализе; во-вторых, данная терапия все же отличается от последнего, поскольку в ее задачи не входит тотальная ревизия личности средствами психоанализа. Терапевт

исследует лишь те аспекты психики пациента, которые могут иметь решающее значение в возникновении и хроническом течении душевного расстройства.

Конкретная цель — устранение причины заболевания и его симптомов,— постулированная в рамках аналитической психотерапии, во многом объясняет и факт ее официального признания как терапевтического метода, включенного в сферу медицинского страхования Германии. Это дает немецкому налогоплательщику право на 80—160, а в отдельных случаях от 240 до 300 практически бесплатных аналитических сеансов. Правительства других стран менее великодушны. Официальное финансирование данного вида психотерапии — не пустая прихоть. Результаты проведенного врачебными кассами исследования свидетельствуют об эффективности такого финансового подхода, тем более что средства, выделяемые на нужды психоаналитической психотерапии, не составляют даже 1% от общего медицинского бюджета.

Ориентация терапевта и пациента на ясные, намеченные в самом начале лечения цели, а также систематическая перепроверка достигнутого представляются весьма целесообразными. В данном случае контроль за процессом терапии осуществляет сам пациент, поскольку его состояние и самочувствие является единственным мерилом эффективности проведенного курса лечения.

Психотерапевт всегда старается учитывать возможные конфликтные отношения пациента с близкими людьми и последствия этих контактов, рассматривая последние не только с позиции пациента, но и с точки зрения их второго участника, не присутствующего на сеансе.

-271-

Кроме того, Менингер и Холзманн (1958) предложили повысить эффективность терапии за счет использования т. н. треугольника понимания. В этой перспективе терапевту следует сопоставлять актуальный (т. е. наличествующий в нынешних отношениях пациента) конфликт не только с конфликтом, имевшим место в ранних отношениях этого человека, но и с распознанным переносом. Задача аналитика значительно облегчается, когда все феномены указывают в одном направлении.

6.2. Короткая психоаналитическая терапия

Здесь уровень терапевтической активности выше, чем в обычной психоаналитической терапии, не говоря уже о самом психоанализе. Короткая психоаналитическая терапия фокусирует (от лат. — центр внимания) свое внимание не на ряде патогенных конфликтов пациента, а на конфликте центральном. Поэтому ее часто называют фокусной (или концентрированной) терапией.

Количество сеансов короткой терапии колеблется от 10 до 30. Побочные конфликты, не имеющие решающего значения в генезе конкретного заболевания, но выявившиеся в процессе анализирования, в расчет не берутся.
Согласиться с таким упрощенным подходом можно лишь в том случае, когда речь идет о лечении пациентов, страдающих легкими формами относительно хорошо изученных т.н. классических неврозов. Однако, требования к терапевту несомненно возрастают пропорционально возрастанию сложности расстройства, и решение такой проблемы в оперативном порядке короткой терапии — как подсказывает нам основной закон механики — будет вынуждать

аналитика прилагать большие, чем, например, в обычной психоаналитической терапии, усилия за меньший промежуток времени. Иными словами, повышенная интенсивность лечения — необходимое условие короткой психоаналитической терапии.

Тем самым особенно важное значение приобретает готовность пациента не уклоняться от признания и анализирования существующего конфликта. С другой стороны, адекватно велика должна быть и готовность терапевта прилагать максимум конструктивных усилий в направлении анализа психики пациента и достижения позитивных результатов в обозримом будущем.

Различия	Психоанализ	Психотерапия	Короткая терапия
Понятие	Анализ психики	Терапия психики	Короткая терапия психики/фокусный.анализ центральной проблемы
Глобальное определение методов	Герменевтный метод понимания бессознательных процессов	Избранное использование теории и методов	Нацеленное использование теории и методов
Отношения между аналитиком/терапевтом и пациентом	Оба участника полностью отдаются психоаналитическому процессу	Терапевт психоанали-тически лечит пациента	Оба участника концентрируются на фокусном конфликте
Соотношение методов и тера-певта/аналитика	Метод> аналитик	Терапевт> метод	Аналитик и метод.
Формальные особенности, порядок сеанса	Аналитик в кресле, пациент на кушетке	Оба в креслах	Оба в креслах
Продолжительность	4 недели	1—3 недели	1 неделя;
Общая длитель-тельность	Многие годы - (3-5)	Многие годы (1—3)	1 неделя
Количество сеансов	300 и более	До ЗОО-сот	Максимально до 30 сеансов

Таблица 15. Понятия и важнейшие особенности психоанализа, психотерапии и короткой терапии в сравнении.

-273-

Различия	Психоанализ	Психотерапия	Короткая терапия

Использование основных правил	Строгое	Менее строгое	Выборочное и ограниченное : фокусным конфликтом
Свободные ассоциации	Идеально	Менее идеально	Ограничено фокусированием
Симптомы	Практически не принимаются во внимание	Рассматриваются в тесной связи с конфликтом	Как и в психотерапии, акцент ставится на главный симптом
Конфликты	Все бывшие нерешенными конфликты подлежат решению	Решаются лишь патогенные конфликты	Решается лишь центральный конфликт
Невроз переноса	Полностью развернут	Частично развернут	Только патогенный образец отношений
Проработки	Систематические проработки невроза переноса	Несистематичес-кие проработки невроза переноса	Концентрирован-ные разработки в области патогенного образца отношений
Соотношение фантазий и реальности	Фантазии > реальность	Реальность > фантазии	Фантазии и реальность

Соотношение интерпретаций и идентификаций	Только интерпретаций	Интерпретации и идентификация с терапевтом.	Нацеленная интерпретация фокусного конфликта и идентификация с терапевтом
Цель	Далекая от лечения болезни	Лечение болезни с помощью решения-патогенного конфликта	Решение фокусного конфликта
	Самопознание, поиск истины без всяких лживых уверток	Частичное само-познание, поиск истины в качестве побочного действия	Самопознание и, поиск истины в конфликтной области

	Тотальный разбор личности	Частичный-разбор, личности в области патогенного конфликта	0чень ограниченнй разбор
	Полное понимание	Частичное понимание	Понимание фокусного конфликта

Таблица 16. Черты различия психоанализа, психотерапии и короткой терапии (особенности, содержание и цели).

При наличии всех перечисленных условий эффективность короткой терапии оказывается достаточно высокой, поскольку затяжные сопротивления исключает как готовность пациента принимать участие в «лечебном альянсе», так и оперативность аналитика в интерпретировании тех или иных психоаналитических феноменов. Тем не менее, следует подчеркнуть, что данный метод не лишен известного риска и взваливает на плечи терапевта значительную ответственность. Решаться на такой риск допустимо, когда ощущаешь присутствие всех без исключения условий, в какой-то мере гарантирующих определенный положительный результат. Не удивительно поэтому, что короткая терапия практикуется редко.

Таблицы 15 и 16 иллюстрируют важнейшие особенности трех психотерапевтических методов.

-275-

7. Применение психоанализа

7.1. В медицине

Несмотря на то, что книга Михаэля и Энид Балинт, вышедшая в 1961 году на английском, а год спустя — на немецком языках, озаглавлена «Психотерапевтические техники и их применение в медицине», речь в этой работе фактически идет о применении в рамках общей медицины техник психоаналитических. К последним относятся как психоаналитические интервью (см. VII. 2.), так и короткая терапия. Однако в широком смысле проблема отношений врача и пациента актуальна не только для аналитической практики, поскольку данные отношения сами в какой-то мере являются стеретипными.

Самая, казалось бы, рядовая медицинская практика характеризуется порой даже сильно выраженными переносами. Пациенты имеют подчас склонность воспринимать врача чересчур наивно, относиться к нему чуть ли не как к члену семьи. Нередко врач становится единственным близким человеком пациента, и тогда пациенты втягивают терапевта в стереотипные отношения, которые безусловно повлекут за собой определенную ответную реакцию последнего, с тем лишь отличием от психоаналитической ситуации, что аналитик эту реакцию осознает. Бессознательной целью многих заболеваний оказывается желание избежать эмоционального одиночества и привлечь внимание окружающих к собственным проблемам. Цели этой больной достигает редко, поскольку в подавляющем большинстве случаев врач реагирует на «привязанность» пациента все увеличивающимся количеством рецептов и направлений к другим специалистам. Случается и так, что от пациентов просто отказываются.

Врачи, склонные к самопожертвованию, берут на себя роль матери или отца пациента и в течение долгих лет ухаживают за больным. Однако, куда чаще терапевт относится к человеку, обратившемуся к нему за помощью, достаточно поверхностно, воспринимая последнего исключительно как объект применения своих профессиональных навыков. Современные технические средства, буквально поработившие медицину, не отменяют роль эмоционального участия в процессе лечения. Разумеется, пациент должен отдавать себе отчет в том, что врач — человек, в общем-то, «посторонний», и необходимо некоторое старание
для того, чтобы ввести его в курс дела. И все же долг врача — изыскивать необходимое для пациента время и стараться определить, в какой степени и какая именно душевная боль влияет на процесс соматический.

С 1 октября 1987 года, в частности, в Германии вступили в силу единые параметры, в соответствии с которыми оценивается степень эффективности самого процесса лечения Из общего числа предложенных параметров стоит особо отметить следующие:

— обсуждение и планирование терапевтических мероприятий, призванных повлиять на течение хронического заболевания;

— обсуждение физического и душевного состояния больного, например, при наличии у него проблем в сексуальной сфере;

— установка четкого диагноза, проясняющего сущность того или иного болезненного психосоматического состояния;

— систематическое использование в целях повышения эффективности лечения контактов с пациентом (в частности — воздействие через разговор).

Подавляющее большинство специалистов сходится на том, что эмоциональное человеческое участие и забота, проявленные врачом по отношению к пациенту, значительно увеличивают шансы последнего на выздоровление. Например, в группах Балинта врачи имеют возможность обсуждать проблемы, с которыми они столкнулись в общении с пациентом, с коллегами. Это дает врачу представление о бессознательных процессах, протекающих между ним и пациентом, и повышает эффективность терапии. Не в последнюю очередь именно благодаря таким обсуждениям врачи вновь обретают утраченный вкус к работе, а пациенты начинают ощущать себя на приеме у таких специалистов уютно. Совершенствуясь таким образом, врач помогает не только пациенту, но и самому себе.

Врачам следует не раздражаться на пациентов и продолжать выписывать им рецепты, а задать себе вопрос — откуда берется это раздражение? Почему бы не обсудить эту проблему с пациентом? Такая инициатива подразумевает, конечно, определенное мужество, и решиться на обсуждение чувств, скрываемых не только во врачебном кабинете, но и в обычных обстоятельствах (в обществе знакомых, на работе и т. п.), сможет не всякий, однако это не повод для того, чтобы отрицать принципиальную возможность такой инициативы.

-277-

7.2. В психологии

В рамках общей психологии теория и методы психоанализа находят себе применение преимущественно в сферах психотерапии и консультации, связанных, в первую очередь, с решением супружеских и семейных конфликтов, а также преодолением профессиональных кризов и стрессов. Однако

возможности использования психоаналитических методов гораздо шире. В этом убеждает, в частности, книга Адольфа Эйкхорна «Беспризорная молодежь. Психоанализ и воспитание в детском доме», выпущенная в 1925 году международным психоаналитическим издательством. Адольф Эйкхорн использовал психоанализ в консультировании воспитанников приютов уже в 20—30-е годы.

Перед современным Западным обществом уже не стоит проблема беспризорности, тем не менее актуальность психоанализа в области воспитания и помощи, например, безработной молодежи, ощущающей бессмысленность своего существования, не убывает.

Необходимым условием эффективного применения психоанализа в психологической практике, как и в медицине, является профессиональная компетентность психолога, во многом зависящая от таких факторов, как самоанализ и участие в группах самопознания. Кроме того, важную роль в клинической психологии играет супервизирование и контроль, осуществляемый над консультационными беседами коллективом специалистов в группах Балинта. Кстати сказать, наблюдая за работой студентов факультета психологии в группах Балинта, невольно поражаешься тому, насколько сложно бывает им провести границу между профессиональным и личным отношением к пациенту.

Следует, однако, отметить, что существующие в учреждениях, занятых психологической практикой, порядки по большей части не допускают свободного применения психоаналитических методов в процессе консультации. Внедрять же психоанализ в психологическую практику т. с. «снизу» против воли учреждения столь же малоэффективно, что и «насаждать» аналитические методы директивным путем.

Психолог, рискнувший использовать психоанализ, например, в работе с конкретным молодым человеком, может столкнуться с неодобрением главного врача клиники или начальника молодежной социальной службы. «Скрытное» же применение психоанализа, хоть и обеспечивает определенную свободу действий, однако неблагоприятно отражается на престиже последнего.

Поэтому, для того чтобы рассчитывать на успешное применение психоанализа в психиатрии, необходимо заручиться не только готовностью пациента и психолога, но и принципиальным согласием администрации клиники. В подобных учреждениях существует своя иерархия, свои стереотипы и правила, поэтому не стоит обольщаться на их счет утопическими надеждами. Намного целесообразнее ориентироваться на реально существующие возможности. А они подчас столь ничтожно малы, что вопрос о применении психоанализа даже не поднимается. В некоторых учреждениях психоанализ вообще не приветствуют, часто объясняя свое отрицательное отношение нежеланием разбираться в скрытых конфликтах клиента, нуждающегося по их мнению в успокоении, «Спящую собаку лучше не будить», так можно образно охарактеризовать этот подход.

7.3. В групповой терапии

Метод и теория

Большое количество литературы по психоаналитической и иным формам групповой терапии позволяет рассмотреть методы и теорию последней в

достаточной мере эскизно. Группа — это, разумеется, не индивид, однако индивидуальные внутренние конфликты, присущие членам группы, имеют свойство рано или поздно проявляться в групповых отношениях. Какие бы цели (политические, педагогические, спортивные и др.) группа ни преследовала, конфликты, доминирующие на ее пространстве, как правило,— бессознательны. В связи с этим представляется недостаточным внешнее исследование группы на вопрос ее социологической ориентации , функций, соотношения зависимости и власти, способу принятия коллективных решений и т. д. В психоаналитической перспективе предметом исследования оказываются бессознательные процессы, протекающие между отдельными членами группы и в группе в целом. Под бессознательными процессами такого рода мы понимаем бессознательные фантазии, которые более или менее разделяют все без исключения участники данного коллектива. Для психоаналитического исследования таких процессов существует два способа:

— изучение отдельного представителя группы, подобное изучению пациента в психоанализе. В этом случае группа будет общим фоном, способствующим масштабному анализированию индивида;

-279-

— изучение группы как индивида, в течение которого аналитик имеет возможность облегчить процесс понимания коллектива, рассматривая последний подобно незнакомому человеку.

К сожалению, оба названных способа не способны обеспечить нас полной информацией о бессознательных процессах, характерных для той или иной группы, поскольку последняя не является фоном для исследования, и тем более — самостоятельным существом.

Выход из сложившейся ситуации был предложен Зигмундом Генрихом Фулкесом, более известным в англоязычном мире под именем Фоукс. Фулкес родился в Карлсруэ в 1898 году, работал вплоть до 1933 года во Франкфуртском психоаналитическом институте в области социальных исследований совместно с Теодором В.Адорно, Максом Хоркгеймером, Гербертом Маркузе, Эриком Фром-мом и Норбертом Элиасом, а затем эмигрировал из гитлеровской Германии. Во время второй мировой войны Фулкес занимался в Нордфилдском военном госпитале, располагавшемся в Бермингеме, лечением солдат, страдавших душевными расстройствами и столкнулся с непредвиденными проблемами: количество пациентов не допускало возможности индивидуальных сеансов. Ему пришлось заняться групповой терапией. В 1948 году он опубликовал свою работу, посвященную практическому опыту анализа группы, которое, согласно Фулкесу, непременно включает в себя анализа индивида, являющегося членом исследуемой группы. Рассматривать группу в отрыве от ее отдельных представителей, равно, как и изучать людей, составляющих группу вне последней, по мнению Фулкеса, вряд ли логично (1970).

Таким образом, группа рассматривается в психоанализе как совершенно особый предмет изучения, отличный, к примеру, от индивида. Кроме того, неизменно подчеркивается, что для групп характерны свои психоаналитические закономерности, не имеющие отношения к социологии, теории поля Курта Левинса или групповой динамике, в заимствованиях у которых психоанализ упрекали.

Слойная и процессуальная модели

Для ориентации в многообразных бессознательных групповых процессах разработан ряд психоаналитических моделей, которые можно разделить на модели «слойные» и «процессуальные». Подавляющее

-281-

большинство слойных моделей опирается на топографическую модель, предложенную еще Зигмундом Фрейдом (см. V. 2.2.). Стадии группового процесса рассматриваются в моделях процессуальных. Например, согласно Бенниса и Шепарда (1956), существуют две основные стадии группового процесса: стадия зависимости, в частности, от терапевта, проводящего сеанса, характеризующаяся скованностью участников группы, и стадия независимости, в течение которой начинают проявляться межличностные отношения. Крайним выражением последней является желание возместить былую зависимость путем освобождения от влияния любых авторитетов, будь то терапевт или абстрактная власть «старших», против которой выступали в 1968 году участники студенческого движения. Своевременное распознавание и конструктивное решение скрытых бессознательных групповых конфликтов обеспечивает возможность избегать чрезмерных проявлений коллективной деструктивности.

В другой процессуальной модели, разработанной Филипом Слатером (1970), различаются три основные стадии группового процесса:

— первая стадия — обожествление руководителя группы;

— вторая стадия — соперничество с руководителем;

— третья стадия — обретение компромисса путем установления новых групповых отношений.

Модель Слатера во многом созвучна принципу трех условий существования группы, предложенному Уилфредом Р. Байоном (1961). Условия эти формируются под влиянием бессознательных групповых процессов. Например, члены группы, не желающие подчиняться руководителю или склонные с ним бороться, как правило, бессознательно объединяются, образуя своего рода «подгруппу» единомышленников.

В этом контексте необходимо упомянуть также процессуальные модели Дитера Занднера (1978) и Петера Куттера (1976) Следует, однако, учитывать, что вне зависимости от ориентации на ту или иную модель в психоанализе неизменно подчеркивается значение сексуальных и агрессивных стереотипов отношений, часто скрытых за очевидным поведением, причины которого могут показаться на первый взгляд более сиюминутными.

Слойные модели подразделяют групповой процесс на несколько одновременно сосуществующих уровней (слоев, первый из которых — межличностный или групподинамический, включает в себя обычные, общепринятые достаточно поверхностные отношения между участниками группового сеанса. На втором уровне, находящемся как бы этажом ниже, протекают бессознательные процессы, в которых доминируют конфликты, связанные с Эдиповым комплексом (см. гл. VI. 2.2. и VI. 2.4.). На более глубоком третьем уровне происходит повторное оживление нарцистических конфликтов, характерных для ранних отношений матери и ребенка и хронологически предшествующих конфликтам эдиповым (см. гл. VI. 3.1.) В соответствии с преобладанием в групповой динамике одного из названных стереотипов отношений, подразделяются и сами группы.

Зная об этом, многие терапевты предпочитают набирать группы, характеризующиеся более или менее однородным составом участников. Однако

более предпочтительным представляется в этой связи выбор «золотой середины». Терапевтические процессы, протекающие в чересчур гомогенной (однородной) или гетерогенной (пестрой по составу) группе, уступают по эффективности — сеансам с группой «усредненной».

Показания к применению групповой терапии

Целесообразнее всего применять данный вид терапии в том случае, когда требуется решить конфликты, назревшие в какой-либо группе. Неизбежная реактивация этих конфликтов в ситуации групповой терапии создает предпосылки, необходимые для их осознавания всеми членами коллектива, и тем самым приводит к позитивным изменениям.

Существуют, однако, и другие мнения по поводу природы позитивных изменений в групповом процессе. В частности, сотрудники Лондонского группо-аналитического объединения полагают, что положительные результаты данной терапии зависят скорее не от повторного оживления и переработки конфликта, идущего из детства, а от готовности членов группы и в особенности ее руководителя изыскивать возможности для новых, доброжелательных отношений.

Согласиться с таким мнением трудно, поскольку теория психоанализа учит, что никакие позитивные изменения невозможны, если в течение аналитического процесса не происходит реактивации и осознавания бессознательных стереотипов отношений (см. Гл VIII. 4.). Нет поэтому никаких серьезных оснований для того, чтобы отрицать психоаналитическое значение повторного оживления в ситуации группы драматических

-283-

отношений, первоначально характерных для детства или прошлого в целом. Только решив реактивировавшие бессознательные конфликты группа будет в состоянии приступить к решению конфликтов актуальных.

Пример: экспериментальная студенческая группа

Приведенное ниже описание группового процесса, протекавшего в коллективе студентов, служит практической иллюстрацией предыдущего параграфа.

В первом групповом сеансе, состоявшемся в одном из залов т. н. Университетской башни во Франкфурте, приняли участие десять студентов и два руководителя. Некоторые студенты сразу обратили внимание собравшихся на отсутствие взаимного расположения между членами группы и ее руководителями. Однако их слова не получили никакой поддержки, поскольку остальные студенты не решились открыто выступить против «старших». Кроме того, поначалу участники сеанса старались как можно меньше контактировать друг с другом. Их удерживал бессознательный страх затронуть в разговоре с небезразличным им человеком (а многих здесь связывали нежные чувства) щекотливые темы, способные угрожать их отношениям. Временно подавленное раздражение проявилось в конфликте между двумя студентками. Одна девушка упрекала другую в «отвратительном» поведении, добавляя: «Я не могу смотреть на твои манеры равнодушно, потому что я прекрасно чувствую, как ты ко всему относишься» Вторая девушка считала поведение своей оппонентки

возмутительным.

Этот конфликт несколько разрядил обстановку, что позволило участникам сессии вынести на общее обсуждение волнующие их вопросы.

Аллегорическим выражением бессознательного чувства вины, которое испытывали студенты перед своими менее образованными сверстниками, оказалась типичная групповая иллюзия: «Некоторые граждане тоталитарных государств обладают большими привилегиями, по сравнению с простыми подданными» Долго остававшееся бессознательным чувство зависимости от двух старших по возрасту руководителей стало очевидным, когда одна из присутствующих девушек рассказала о своем страхе быть убитой грабителем. Развивая свою мысль, она упомянула о том, что убийца, возникавший в ее фантазии, всегда носил бороду. Впоследствии, обсуждая этот эпизод, многие студенты обратили внимание на тот факт, что оба руководителя тоже носят бороду. Таким образом, фантазия о грабителе была распознана как обычный психоаналитический эротизированный перенос. Известное эротическое волнение царило в группе с самого начала сеанса. Молодые привлекательные студентки многозначительно переглядывались с руководителями и на следующем сеансе угостили их и других участников группы конфетами, выразив таким образом в безопасной форме бессознательные эротические желания.

Каждый сеанс длился в среднем полтора часа. К концу одиннадцатого сеанса выявилось бессознательное содержание затяжного конфликта между двумя девушками. Спор между ними начался еще на первом сеанса. Одна причина состояла в обычном для женщин соперничестве за лучшего мужчину и т. п. Другая — заключалась в двусторонних переносах. Первая девушка проецировала на вторую образ ненавистной матери и в связи с этим ощущала себя как пристыженный ребенок. Вторая девушка длительное время не могла объяснить, почему она находит свою оппонентку столь «отвратительной», поэтому было сделано предположение, что она спроецировала на свою соперницу отрицательные черты собственной личности.

Некоторые интересные наблюдения были сделаны п в контексте отношений между мужчинами и женщинами, принимавшими участие в групповом сеансе. Одна из участниц обратилась к симпатичному ей мужчине со следующими словами: «Сначала я говорила себе, ты мне просто нравиться. И вдруг меня осенило — все мы здесь мужчины или женщины, а значит, если я скажу тебе, что ты мне нравишься, то буду иметь в виду — нравишься как мужчина». Перебившая ее женщина заявила, что не желает «иметь дел» с мужчинами, поскольку, по ее мнению, «чересчур сильная любовь к мужчине ограничивает независимость женщины».

Признание в любви , имевшее место на одном из сеансов, взволновало другую участницу. «Я спрашиваю себя, что со мной,— говорила она,— ведь это не я призналась в любви к X. В чем же тогда причина моего волнения?» Затем выяснилось, что ее пугала та невозможная пауза, которая возникает после вопросов «Привлекаю ли я тебя?», «Любишь ли ты меня?». Ожидание ответа ставит, по ее мнению, задающего в подчиненное положение, ведь его душевное состояние напрямую зависит от слов, которые будут сейчас произнесены, а слова эти могут оказаться безжалостными.

Даже такое казалось бы сжатое обозрение группового процесса демонстрирует, насколько многообразно реактивируются и перерабатываются в

ситуации группы ранее вытесняемые бессознательные конфликты между мужчинами и женщинами, людьми разных поколений и др.

7.4. В семейной терапии

Методы и теория

Есть некоторые основания полагать, что психоаналитической семейной терапии вообще не существует.

С момента возникновения психоанализа его приверженцы уделяли большое внимание не только психике индивида, но и процессам, протекающим -

-285-

в так называемых искусственных и естественных группах. Наиболее ярким выражением последних является семья. Джон Карл Флюгель выпустил в 1921 году книгу «Психоаналитическое исследование семьи», предметом изучения в которой впервые оказалась семья в целом, а не только изолированные друг от друга фантазии детей и их родителей.

Однако та форма, в которую вылился сейчас интерес классического психоанализа к семье имеет мало общего с самим психоанализом.

Не случайно поэтому в последнее время многие семейные терапевты склонны признать тот факт, что в процессе развития « семейной терапии» последняя отдалилась от психоанализа и в теоретическом и в методологическом плане (1975).

Просматривая современную литературу по семейной терапии, убеждаешься в правоте этого мнения. Психоаналитические концепции переноса и контрпереноса давно заменены в семейной терапии научными гипотезами Грегори Бейтсона и группы Паоло Альто, а также понятиями коммуникационной теории и теории систем. В связи с этим факт реальной проблемы в современных отношениях той или иной семьи оттесняет в данной терапии на задний план ирреальные и бессознательные конфликты, хотя на практике терапевт часто поощряет членов семьи к откровенному разговору, в процессе которого они, образно говоря, расходуют все свои ресурсы конфронтации.

В Германии возможности семейной терапии исследовали Хорст-Эбергард Рихтер из Гисена и Гельм Штирлинг из Гейдельберга. Надо сказать, что такие понятия семейной терапии, как «принцип справедливости» или «компенсация заслуг», включающая подсчет последних в отношении конкретного члена семьи, весьма далеки от психоанализа, что лишний раз подтверждает их обсуждение на семинарах со студентами факультета психологии.

И действительно, разве не несет в себе концентрация всего внимания аналитика исключительно на семье нечто бессмысленное? Ни в коем случае не оспаривая социальное и человеческое значение семейных уз, считаем нужным тем не менее указать, что семейный терапевт поощряет подчас именно те аспекты межличностных отношений, которые, согласно теории психоанализа, необходимо преодолевать. Например, проекцию семейных отношений на членов терапевтической группы можно расценивать как явление прямо-таки патологическое. И хотя регрессия как терапевтическое средство может стоять

на службе у прогресса (см. гл. VIII 4.2.), все же целью терапии должно быть не укрепление ранних стереотипов отношений, а развитие отношений новых и желательно непатологических.

Любой практикующий психоаналитик так или иначе сталкивается в своей работе с семейными проблемами пациента. Порой может возникать необходимость расширения рамок терапии и включения в нее родственников анализируемого. Психоаналитик, идущий на подобное, начинает, в принципе, заниматься семейной терапией (1965). Однако, как правило, он не испытывает потребности в использовании таких, присущих семейной терапии, техник, как выписывание симптомов или парадоксальная интервенция Однако аналитику требуется, как правило, недюженное терпение для того, чтобы преодолеть сопротивление, в большей или меньшей степени выраженное у пациента и его родственников.

---

*Понятия «выписывания симптомов» и «парадоксальной интервенции» характеризуют ситуацию, в которой человеку приписывается нечто им самим пежелаемое. Такая техника применяется в том случае, когда цель терапии не может быть достигнута обычными психотерапевтическими средствами. Авторство данной техники принадлежит группе Паоло Альто, название которой происходит от городка Паоло Альто, что неподалеку от Стандфордского университета в Сан-Франциско (США) и, в частности, Грегори Бейтсону. Немецким представителем этой психологической школы является Пауль Вацлавик, ставший известным благодаря своим книгам «Человеческая коммуникация» (1969) и «Насколько реальна действительность?» (1976).

В контексте вышеназванных психологических техник речь скорее всего идет о своего рода уловке, на которую «попадается» пациент, не осведомленный о намерениях терапевта, желающего во что бы то ни стало добиться позитивных изменений в процессе лечения.

Иллюстрацией сказанному может служить выдержка из книги «Болезнь и семья» (1972), авторы которой, в частности, советуют вести себя в случае болезни: « ... точно так же, как до нее. Не капитулировать перед проблемами, не отчаиваться, никаким образом не проявлять своей слабости! Не надо поступать подобно тем людям, которые начинают переосмысливать свою жизнь под влиянием болезни. Вы не нуждаетесь в переосмыслении. Вынужденные изменения в жизни и поведении способны лишь усложнить ваше положение. Поэтому в любых обстоятельствах, насколько удручающими они бы ни показались, продолжайте вести тот образ жизни, который вы вели прежде... если вы не подчинились болезни,—беспокоиться, в общем-то, нет причины ...»,

---

-287-

Именно терпения, кажется, не хватает современным семейным терапевтам. Необходимость достаточно длительного ожидания каких бы то ни было результатов, постулированная в психоанализе, семейным терапевтам не по вкусу. Часто последние бывают склонны к чересчур поспешной оценке происходящего. В рамках семейной терапии создаются понятия, образно описывающие природу различных семей. Семьи с тревожной и невротической атмосферой характеризуются, как «санаторий», семьи с атмосферой, близкой к параноидальной,— как «цитадель», а семьи с выраженными истерическими чертами — как «театр». Однако распознавание и вскрытие глубинного содержания бессознательных фантазий требует времени гораздо большего, чем это принято уделять в практике семейной терапии *.

Определенные методы тестирования, например, тест «Изобрази свою семью в виде животных», предназначенный для ребенка, позволяют выявить скрытые семейные конфликты, которые оказываются весьма похожими на конфликты, проявляющиеся в ходе групповой терапии.

Поэтому в число психоаналитических методов, перспективы применения которых в терапии и консультации семьи рассмотрел Михаэль Б. Буххольц в своей книге «Психоаналитический метод и семейная терапия» (1982), следует включить три метода, применяемые в групповой терапии (см. VIII. 4.), с тем лишь условием, что понятие «группа» будет заменено «семьей». Тем самым подходы эти будут выглядеть следующим образом: — изучение индивида вне его семьи, — изучение семьи как индивида, — изучение семьи и индивида в совокупности.

---

*В качестве примера конструктивной критики семейной терапии можно назвать статьи Вильгельма Кернера и Ганса Цыговски ********) опубликованные в журнале за 1988 год. Авторы, в частности, полагают, что надежды, возлагаемые на семейную терапию некоторыми учеными, имеют под собой мало основания. Члены семьи,— прежде всего люди, и как таковые не могут быть сведены к понятию «элементов системы». Кроме того, методы, применяемые в данной терапии представляются черезчур директивными, а мнение терапевта редко ставится под сомнение. С такой критикой нельзя не согласиться. Стоит только напомнить, что психоанализ, в отличии от семейной терапии, подразумевает равноценное участие в лечебном процессе как аналитика так и самого пациента. Тем не менее нельзя исключать возможности существования семейных терапевтов, не заслуживающих столь суровых упреков.

Последний подход обеспечивает своевременное распознавание феноменов желания и сопротивления, переноса и контрпереноса, проявляющихся как у отдельного индивида, так и между членами семьи. Последовательный и терпеливый анализ семьи, ни в чем не уступающий анализу индивида и включающий в себя шесть ступеней понимания, позволяет разобраться в природе семейных бессознательных процессов.

Пример из практики

Академик жаловался на ощущение отчужденности от собственной семьи. Человек он был очень занятой, времени на жену и детей у него не хватало. Устав от работы, он искал «спасения» в семье и всегда испытывал в этом разочарование. Включение в аналитический процесс жены и детей предоставило психоаналитику дополнительную информацию. Так, в частности, оказалось, что супруга и дети столь занятого человека чувствовали себя преданными и брошенными на произвол судьбы. В связи с этим они образовали своего рода семейную «продгруппу» и решили заботится о себе самостоятельно. Такое решение проблемы стоило им невротических симптомов: жена страдала мигренью и депрессиями, двое подростков старались избегать общества сверстников.

Положительный результат, достигнутый в данном случае, объясняется не только тем, что в процессе лечения перемежались сеансы с мужем и женой по отдельности и супружеской парой в целом. Важнейшим инструментом позитивных преобразований оказался индивидуальный психоанализ центральной фигуры — отца. Успех объясняется еще и тем, что аналитик, проводивший сеансы, не ориентировался на семейную терапию, а занимался исключительно психоанализом, задача которого — осознавание бессознательных процессов. Не больше, но и не меньше.

-289-

IX. ПСИХОАНАЛИЗ ВНЕ КЛИНИКИ И

КОНСУЛЬТАЦИОННОГО КАБИНЕТА С ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИМ ИНСТРУМЕНТАРИЕМ В ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕ

1. Методологические проблемы

Как видно из предшествующей главы, метод психоанализа, нацеленный на осознание бессознательного, может быть с успехом применен и к небольшим группам (терапевтические группы и семьи). При этом, однако, здесь решаются иные проблемы, чем в случае, когда предметом психоанализа оказывается отдельная личность.

Если самый главный методологический принцип состоит в том, что метод должен быть адекватен предмету, то задача осознания бессознательного в группах и семьях может быть названа психоаналитической только тогда, когда она ставится перед отдельным участником. С учетом другого предмета изучения — группы или семьи — речь уже идет об ином методе, а именно о групповом или семейном анализе.

Если же пойти еще дальше и сделать предметом психоаналитического исследования процессы, протекающие между группами, большими группировками людей или целыми учреждениями, то тогда мы вступим в область, которой уже давно занимаются другие науки.

Социология — это наука, в которой с помощью различных методов исследуются общественные процессы, такие, как производство и социальные структуры, социализация, учреждения и социальные движения вплоть до международных отношений, причем доминируют методы эмпирического социального исследования. Конъюнктура, развитие и распределение, рынок и план, деньги и товар в производстве и обществе являются предметом наук о производстве п потреблении в народном хозяйстве или предметом экономических наук.

Политология, со своей стороны, занимается политическими процессами в узком смысле, т. е. процессами, которые имеют дело с властью и господством, с их распределением и контролем, с формами правления как тоталитарных, так и демократических систем, с политическим образованием и экономикой, вплоть до партий и союзов. Связанные с этим правовые проблемы рассматриваются юриспруденцией.

Каждая из названных наук развивала и расширяла посредством собственных исследований свою область знаний. Тем не менее повсюду имеются области, еще не исследованные, малоизвестные области, которые освещаются весьма односторонне или вовсе оставлены без внимания. Сюда прежде всего следует отнести политическую сферу общественной жизни. Скажем, партии «зеленых» с самого начала своего появления крайне чувствительно реагировали на проблему загрязнения окружающей среды, в то время как другим партиям потребовалось длительное время, чтобы вообще признать существование подобной проблемы. С другой стороны, традиционные партии намного более реалистически расценивают связанные с экологией проблемы производственные.

Ответственные политики в правительстве производят такое впечатление, точно они абсолютно позабыли о связи с темп, кто их первоначально избрал. С

другой стороны, и сами избиратели в своих разговорах создают образы этих политиков, весьма далекие от реальности.

Таким образом, здесь существуют области, в которых сознательные процессы мышления, решения и поступков в большей или меньшей степени находятся под влиянием бессознательных процессов, фальсифицируются, а порой и искажаются ими.

Названные науки, конечно, пытаются внести бессознательные социальные процессы в область сознательного знания. Они даже добиваются в этом успеха. Тем не менее, я не могу избавиться от ощущения, что эти науки периодически приближаются к границам, которые не могут быть преодолены методом одного лишь эмпирического социального исследования. Речь идет о границах между сознательными и бессознательными процессами.

-291-

Эти границы могут быть расширены с помощью психоаналитических методов получения данных. К этому относится психоаналитическое «интервью» с отдельным человеком с использованием свободных ассоциаций и регрессивного анализа. В небольших контролируемых группах может быть с успехом использован групповой аналитический метод для исследования бессознательных процессов аналогично тому, что происходит в терапевтической группе. Относительно успешно психоаналитические средства могут применяться и в больших группах (до 50 лиц). Здесь также следует учитывать групповые концепции желания и сопротивления, переноса и контрпереноса (1977).

Значительно труднее применять этот метод к учреждениям и организациям в том их качестве, в каком они являются предметом изучения социологии и политологии. Тем не менее есть все основания предполагать, что в больших коллективах, в большей или меньшей степени, сознательные акты мышления, речи и поступков также управляются бессознательными процессами.

Уже Зигмунд Фрейд в своем известном эссе «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921) представил теорию, согласно которой массы, как и военнослужащие или церковные прихожане, более или менее идентифицируют себя со своим руководителем, которого возносят на пьедестал собственного Я-идеала и одновременно ощущают с ним свою солидарность. У любого грамотного читателя вполне естественна аналогия с Гитлером и немецким народом (Сталиным и советским народом — прим. русск, ред.).

Чтобы проверить подобные предположения, толкования и интерпретации на предмет их соответствия действительности, мы должны, как и в классическом психоанализе, иметь возможность говорить с пациентом, с лицом, выступающим в качестве члена подобного коллектива. Это в принципе возможно лишь тогда, когда речь идет о коллективе, который является частью современного общества, например, политической партии или союза. Здесь психоаналитические «интервью», по возможности поддержанные проективными тестами, могут быть проведены в любое время. Если же мы говорим о временах Гитлера, то нам следует для начала отыскать людей, готовых свидетельствовать о том времени. Если члены тех или иных коллективов попадают в психоанализ в результате каких-либо невротических расстройств, то тогда психоаналитик, наряду с информацией о пациенте, имеет возможность получить сведения о коллективе, в котором тот находился. В этом

случае возможно наблюдение за той или иной формой интерпретации.

Значительно сложнее составить представление о том, что пережили люди столетия назад и что переживают люди инобытной для нас культуры. Однако и здесь в принципе возможно применение психоаналитического инструментария.

В любом случае, в соответствии с психоаналитическими правилами исследователь должен частично идентифицироваться с предметом своего изучения и в своем контрпереносе обращать внимание на чувства, которые этот предмет у него вызывает, любопытство и удивление или раздражение и отвращение. Недостаток подобных исследований заключается в том, что контроль над собеседником отсутствует. Путем проверки исследователем своем интерпретации в разговоре с коллегами достигается относительная проверка собранных сведений, т. е. она в принципе возможна. Наконец, есть и читатели, которые выступают в роли «конечных потребителей» и выносят свое решение о том, доверять ли полученной с помощью психоаналитических методов информации, или нет.

При этом запрограммированы и возможные сопротивления. Фрейд (1911) сформулировал это так: «Общество не будет торопиться санкционировать нашу авторитетность. Оно должно находиться в оппозиции к нам, поскольку мы ведем себя по отношению к нему критически. Мы указываем обществу на то, что оно само участвует в создании причин неврозов». Применение психоанализа к общественным дисциплинам означает, что речь идет об (аналогично психоанализу индивида, групповому анализу и семейному анализу) общественном анализе, анализе культурном (1988) или об общественной критике. В результате анализа всегда возникает тот или иной постулат, констатирующий: дело обстоит так...

Все выглядело бы иначе, если бы ученые развивали представления о правильном порядке вещей. Тогда полученные знания могли бы найти себе применение в направлении изменения общества. Тем самым научное исследование дополнялось бы политической деятельностью. Как мы видели в главе VII. 4.3, в психоанализе психоаналитик ограничивается тем, что вместе с пациентом вскрывает бессознательные процессы, предоставляя, однако, пациентам самим решать вскрытые конфликты. В психоаналитически ориентированной психотерапии терапевт, напротив, действует в духе лечения или изменения. Если

-293-

исследователь, диагностирующий общественные процессы, придаст результатам своих исследований действенный характер, то в результате мы получим общественную терапию.

В этом щекотливом вопросе мнения расходятся: в то время как одни, например, Пауль Ларин в Цюрихе, Хорст-Эбергард Рихтер в Гисене или Маргарет Мичерлих во Франкфурте, словом и делом нацелены на общественные преобразования, большинство психоаналитиков, если они вообще занимаются общественными вопросами, ограничиваются непосредственно самим диагнозом, его артикуляцией. Они предоставляют делать из всего выводы тем, кто отвечает за политическое состояние в обществе (парламентариям, правящим кругам, руководителям партий и т. д.).

Я придерживаюсь одного с Фрейдом мнения (1933. С. 162), что «не дело психоаналитиков разрешать межпартийные вопросы», что «психоанализ это беспартийный инструмент», «как к примеру исчисление бесконечно малых

величин» (Фрейд, 1927. С. 360).

Психоанализ, однако, является <партией», поскольку стоит на стороне правды, сколь бы неудобной эта правда ни была. Что касается группировок, учреждений и организаций, то в них правда выходит на поверхность лишь тогда, когда преодолено сопротивление к ее признанию.

Основаниями для сопротивлений перед вскрытием правды чаще всего являются страхи потерять полноту власти, когда на свет выступают латентные факторы власти. Поэтому психоаналитикам не стоит удивляться, что на их услуги в качестве экспертов по вскрытию бессознательных процессов в обществе со стороны «начальствующих» не существует большого спроса: учителя в школе боятся за свою власть над учениками, в организациях — руководство опасается рядовых сотрудников, в политике — власть предержащие — народа.

С другой стороны,— это часто упускается в соответствующей литературе — в общественных группах, относящих себя к просвещенному и критически мыслящему слою общества, сохраняются зоны или области, в которых бессознательные процессы все же доминируют и при этом искажают восприятие реальности. Последнее связано с опасением признать в себе присутствие, помимо критичной и прогрессивной составляющей, некритичных и регрессивных компонентов. При том, что и те и другие могут соответствовать истинному положению вещей. Задача исследователя как раз и заключается в выяснении того, что же соответствует действительности, а что — нет, т. е. насколько эта действительность искажена личными или групповыми проекциями.

Поэтому весьма важно более или менее отчетливо различать следующие области:

а) реальную область общественного процесса, определяемую при помощи эмпирического метода социального исследования, и

6) область, не поддающуюся этому методу, но обнаруживаемую при помощи психоаналитических средств.

Приведу пример для иллюстрации: конфликт между Востоком и Западом в международных отношениях на реальной плоскости проявляется в различных распределениях сил между двумя силовыми блоками. Это можно проверить на соответствующих экономических и военных показателях. В психологической области конфликт Восток-Запад осложнен многосторонними проекциями. Они ведут к более или менее выраженному образу врага, не имеющему под собой реального основания. Путем осознания с помощью психоанализа проективных составляющих этого образа врага искаженное восприятие может быть в значительной степени скорректировано; на возможность такого пути ссылается, в частности, философ Эрнст Тугендхат (1987). Если, например, политики знакомятся друг с другом лично, как это стало уже обычным в последнее время, то появляется серьезный шанс узнать партнера с человеческой стороны и разрушить многосторонний образ врага; перспектива подобного сближения сторон вселяет определенные надежды.

Читатель, вероятно, заметил, что в данном случае я веду себя по отношению к обществу, как семейный терапевт по отношению к семье. Такая позиция позволяет применять психоаналитический инструмент сбора данных там, где создаются соответствующие условия исследования. Если же сверх того в договорном порядке будет закреплено объединение ответственных лиц

учреждений с психоаналитиками для исследования и вскрытия существующих конфликтов между руководством и подчиненными психоаналитическими методами, тогда, по моему мнению, можно будет говорить о законном применении психоанализа на общественном пространстве.

Чтобы исключить всякое непонимание: у психоанализа есть одна цель — сделать бессознательные процессы сознательными или, выражаясь высоким - «штилем», добиться истины. Там, где психоанализ применяется с этой целью, речь не может идти о каком-либо злоупотреблении. Если же психоанализ слишком тесно связывается с определенными общественными группами, например, с группой медиков, тогда

-295-

появляется отмеченная, например, у Маргарет Мичерлих опасность «медикоцентризма» (1983).

Если психоанализ вступает в союз с каким-либо политическим направлением, например, с марксизмом, как это было в 20-е годы (вспомним фрейдомарксизм), или во времена студенческого движения (конец 60-х годов), то это вызывает опасность слишком односторонней политической ориентации. Психоанализ тогда легко попадает на службу политических сил и теряет свою свободу.

Многочисленные печатные труды, в которых когда-то, во времена студенческих беспорядков совмещались марксистские выкладки с психоаналитическим знанием, сегодня уже являются макулатурой. Обозревая их сейчас с временного и пространственного удаления, можно констатировать, что увязка психических страданий с понимаемыми в духе марксизма особенностями раннего и позднего капитализма была перспективой, которая по меньшей мере рассматривала общество весьма односторонне и видела лишь то, что описывали Маркс и Энгельс, а именно: примат материи, экономические причины, классовую борьбу и эксплуатацию человека в интересах капитала. Таким образом, фиксировались общественные отношения, исторически имевшие место в 19 столетии, но порой встречаемые еще и сейчас. Их односторонняя акцентуация подчас явно преувеличена.

Поэтому здесь мы не будем далее заниматься попытками связать психоанализ и марксизм, а обратимся к тем областям, в которых психоанализу удалось предоставить ту или иную необходимую, хотя и спорную информацию. Сюда относятся как «критика религии» Фрейда, так и психоаналитическое исследование предрассудков, анализ проблемы меньшинств, в значительной степени инспирированное психоанализом исследование об авторитарном характере Франкфуртского института социальных исследований. В последнем принимали участие такие известные авторы, как Теодор В. Адорно, Норберт Элиас, Герберт Маркузе. К этому стоит причислить работы Александра и Маргареты Мичерлих по анализу актуальных общественных процессов в ФРГ, которые акцентируют коллективно вытесняемую жестокость и «отвергаемую печаль». В заключение я хотел бы еще раз обратиться к трем примерам эмансипационного движения, а именно: к студенческим волнениям, женской эмансипации и движению за мир.

2. Общественная критика Фрейда

В процессе проводимого им психоанализа Фрейд установил у своих

пациентов следующее: по большей части они были больны оттого, что были не в состоянии удовлетворять свои сексуальные потребности. Пациенты переживали сексуальность как нечто предосудительное и поэтому боялись ее удовлетворения, вытесняли соответствующие желания и развили вследствие этого невротические симптомы. Причина вытеснения заключалась в них самих, а вернее в диктате их совести (в структурной модели: Сверх-Я).

Если в рамках психоаналитического лечения удавалось релятивиро-вать оковы Сверх-Я, тогда Я получало возможность прийти к выводу о возможности сексуально «предосудительного» удовлетворения». Следствием такого вывода оказывалось, как правило, исчезновение невротических симптомов и излечение самого заболевания.

Однако, не останавливаясь на достигнутом, Фрейд нашел ответ на вопрос «где лежат причины столь жесткого диктата совести?». Он обнаружил его в господствующей культуре, точнее, в культурной сексуальной морали (1908), в частности, в «двойной морали», с ее «осуждением любой сексуальной связи, за исключением моногамной супружеской». Фрейд установил: «Вся наша культура построена на подавлении инстинктов и влечений». Поставив этот диагноз, Фрейд стал критиком культуры, и когда он заявлял, что «известное количество непосредственных сексуальных удовлетворений кажется большей части общества явлением непозволительным», то делал это из заботы о своих пациентах. Если стремление к сексуальному удовлетворению является нормой, тогда, логически заключает Фрейд, «подавление [со стороны культуры] зашло слишком далеко».

Позднее в «Замечаниях о войне и смерти» (1915) он написал: «Государство требует проявления послушания и самопожертвования». Тем самым Фрейд однозначно возложил на государство ответственность за разнообразные недостатки современного общества. О государстве, ведущем войну, Фрейд писал, что оно «позволяет себе любую несправедливость, любое насилие, опозорившее бы отдельного человека. Оно идет не только на разрешенную хитрость, но и на сознательную ложь и мошенничество».

Критика культуры Фрейдом достигла своей кульминации в его известной поздней работе «Неудовлетворенность культурой» (1930). Здесь

-297-

он критикует «недостатки учреждений, которые регулируют отношения людей между собой в семье, государстве и обществе». Под этим подразумеваются как школьные и военные, так и производственные учреждения в индустрии и торговле, или политические, вроде правительства, суда и т. п. Согласно Фрейду они представляют собой «социальный источник страданий» первого ранга, поскольку учреждения такого рода — вспомним об акцентированных Фрейдом сексуальных потребностях — поддерживают своим существованием такое количество людских лишений, что — как мы говорим сегодня — фрустрационная толерантность человека оказывается чрезмерно высокой. Фрейд саркастически констатирует: «Намерение осчастливить человека в плане творения не содержится» (З.Фрейд. Психоанализ, религия,культура. М. 1992. с.85). Под словом творение, если мы вспомним критику религии Фрейда в его «Будущее одной иллюзии» (1927), имеются в виду созданные людьми учреждения, не позволяющие человеку жить в свое удовольствие. Культурные учреждения, защищая людей, урезают, однако, их элементарные инстинкты, оттого и возникают эти пресловутые «неудовлетворенности» культурой.

Вероятно, все мы можем согласиться с Фрейдом. Во всяком случае я могу констатировать, что пациенты, обращающиеся сейчас за помощью к психоаналитику, неизменно свидетельствуют, что их воспитание протекало в строгой религиозной — католической — или иной строгой обстановке. Сексуальность и наслаждения в их семьях были строго-настрого запрещены. Поэтому сексуальные желания связывались с чувствами вины, стыда и т. д.

Другим пунктом является проблема агрессивности, которую мы уже рассматривали в рамках психоаналитической теории личности (ср.: гл. V. 2.1.), и в этом смысле общественные учреждения оставляют человеку мало возможностей «выхода», за исключением войн, которые, как показывает история, точно эпидемии охватывают целые страны, поскольку у людей появляется возможность совершенно «легально» убивать, мучить, уничтожать, сеять за собою смерть и разрушение.

Фрейд задается вопросом: «Какое средство есть у культуры для того, чтобы тормозить направленную против нее агрессию?» (1930). Он отвечает на этот вопрос так: агрессивные стремления уничтожать и непосредственно наносить вред другим подавляются точно так же — физически или психически,— как и сексуальные влечения. Ценой этого является вторичное «отречение от влечения», если употреблять выражение Фрейда, отречение, стимулируемое в человеке культурой после того, как она уже провела подавление сексуальности, как «первичного отречения от инстинкта».

Чтобы избежать связанных с этим неудобств, созданных обществом, культура предоставляет «болеутоляющие средства» такие, как развлечения, множество заменителей, как-то: эрзац-удовольствия и наркотики.

Выигрышем от двойного подавления (сексуальных и агрессивных влечений) является развитие культурного прогресса, а именно — в духе Маркса — «культурной надстройки», вроде науки и искусства. Еще одним достижением стал во многих отношениях сомнительный прогресс цивилизации. Сюда относятся все связанные с техническими достижениями улучшения материальных и социальных условий общества, вместе с учреждениями общественной безопасности и многочисленными успехами в области обслуживания, к которым можно причислить и образование, и наличие свободного времени.

В споре между природой и культурой возникает дилемма, нерешаемая в контексте противоречий человеческой жизни. Если, с одной стороны, были бы удовлетворены все сексуальные и агрессивные потребности, как того требует природа, то тогда мы жили бы, как животные, и отказались бы от всех плодов культуры, цивилизации и прогресса. Если же, с другой стороны, мы подчинимся всем требованиям культуры, будем строго придерживаться норм морали и этики и соблюдать все запреты судебных инстанций и государственного контроля, тогда, следуя неизбежной логике, мы все заболеем, поскольку в этом случае природное естество в нас будет целиком и полностью подавлено.

Господствующие общественные отношения в связи с географическими, историческими, производственными и политическими условиями принципиально изменчивы и в соответствии со степенью подавления инстинктивной природы могут расцениваться как более или менее свободные и «великодушные» или более или менее подавляющие и запретительные. Читатель вполне может и сам оценить современное общество, в котором он живет. Лично я придерживаюсь того мнения, что до сих пор управлять людьми

в тех областях, где должно иметь место критическое сознание и личное решение, пытаются с помощью запретов. Но осуждать то или иное общество столь же малоэффективно, сколь и пытаться — как это делают, например, марксистские социологи — приписать ответственность за вызванные культурой «неудобства» исключительно капиталистической общественной структуре. Конструктивным в этом смысле

-299-

надо полагать разграничение, введенное Гербертом Маркузе (1955), при котором различаются неизбежное подавление и совершенно не обязательное «сверх-подавление», о котором далее мы еще поговорим.

3. Психоаналитическое исследование предрассудков и проблемы меньшинств

Предрассудки — это «предварительные мнения или мнения, которые мы, не проверяя, перенимаем у других. В случае соответствия действительности, подобные мнения избавляют нас от усилий оценивать все самим. Основное качество мнения заключается в том, что оно коллективно разделяется многими людьми, например, суждение о том, что хороша лишь собственная группа, а другая, напротив, плоха. Деструктивным примером расовых предрассудков может служить точка зрения, согласно которой хороша только арийская раса, а все прочие, напротив, плохи. Предрассудки с легкостью могут приводит к «дурной бесконечности», поэтому имеет смысл коснуться вкратце природы их возникновения.

Для объяснения предрассудков много сделал критический подход, разработанный в исследованиях Хоркгеймера в 1963 г. Предрассудки не возникают без механизма проектирования, без упомянутых нами в главе VI. 2.1. проекций в отношении кого-либо как одной из возможностей (защитные механизмы) обойти свои трудности, приписав их другому человеку или группе. То же самое происходит с качествами, которые мы не оцениваем в себе самом и поэтому проектируем на других. Далее эти «плохие» качества переживаются нами, как присущие другим людям, и увязываются с чувством освобождения: «Мы же не такие». Под словом «мы» понимается и выражается то, что этим бессознательным механизмом пользуются целые коллективы. Как и члены терапевтической группы, они объединяются, не зная об этом сознательно, объединяются на основании того, что «мы — хорошие, а другие — плохие». Такое опасное деление на две части может зайти столь далеко, что участники подобного объединения не будут обращать никакого внимания на реально существующие различия и выстраивать свой шизофренический мир.

Некоторые читатели вспомнят, вероятно, о расовом заблуждении национал-социализма, подобном коллективной психопатологии целого народа, который по собственной воле объявил себя выше других народов и собственные сложности, неприятные представления и чувства коллективно спроецировал на национальные меньшинства. Согласно Рудольфу М. Левенштейну, на примере антисемитизма можно различить разнообразные корни этого ужасающего предрассудка:

1. Религиозные корни, которые исходят из исторического развития отношений между христианами и евреями, а также из амбивалентности

христиан в их отношении к богу.

2. Ксенофобические корни, следуя которым все чуждое рождает страх и неприязнь.

3. Экономические корни, заключающиеся в ощущении зависти неимущих по отношению к имущим и

4. Политические корни, посредством которых предрассудками людей манипулируют уже независимо от них, для достижения целей политических. И тут снова на ум приходит трагический пример национал-социализма.

Если вспомнить материал по теории личности (гл.5), то в каждом из нас присутствует более или менее латентная агрессивность, которая всегда доставляет нам много хлопот, и поэтому с легкостью проецируется на других. Сегодня эти «другие» — иностранцы вообще, или определенные иностранцы, или опять-таки евреи, которым, поскольку они являются меньшинствами, приписываются собственные дурные, злые или просто нежелательные свойства.

Пока люди так переменчивы в самих себе, находясь под постоянным давлением напирающих инстинктивных влечений, с одной стороны, и обременительных требований этических норм, с другой, необходимость отдельного или коллективного использования защитных процессов будет сохраняться всегда.

В этом отношении осуществляться могут только следующие мероприятия:

— постоянно ставить под вопрос собственное, пусть и мучительно приобретенное равновесие, «перепроверка себя»;

— проверять «на реальность» собственные представления об определенных меньшинствах;

— рассматривать собственные идеалы сквозь ответ на вопрос, не существуют ли они ценой других;

— при экстремальной недооценке других, чувстве ненависти и осуждении думать об искаженных проекциями предрассудках и заменять предрассудки личными критическими мнениями.

-301-

4. Вклад А. и М. Мичерлих в решение актуальных процессов в ФРГ

Если мы зададимся вопросом, почему в истории немецкого народа между 1933 и 1945 гг. имела место столь жестокая реальность, почему были убиты миллионы людей, а еще больше человек пострадало, ощутило себя чужаками среди своего народа, тогда нам следует обратиться к работам Александра и Маргареты Мичерлих, которые позволяют дать ответ на некоторые вопросы. Это ответы, которыми, разумеется, не исчерпываются все исследования предрассудков.

Как мог такой вождь вызвать подобное восхищение, если при разумном подходе его устные и письменные заявления явственно показывали, что им преследуются цели, не выдерживающие сколько-нибудь серьезной критики? Не должны ли были как раз здесь вступить в действие все те критические функции, которые были перечислены в предыдущем параграфе? Мы должны подозревать, что господствовавшее повсеместно восхищение, охватившее даже интеллектуалов, действовало как природное бедствие, как наводнение,

срывающее любые плотины. В подавляющем большинстве критические функции были отключены. Отвечающая реальности оценка отношений не была уже более возможна. Если же мы вспомним то, что установил Фрейд в своей работе «Неудовлетворенность культурой», а именно значительные, остающиеся неудовлетворенными, сексуальные и агрессивные желания, тогда в духе психоаналитического учения о защите мы можем прийти к выводу, что подавленные во множестве сексуальные потребности, обратились к вождю в форме восторженной влюбленности, в то время как подавленные агрессивные импульсы проецировались на этнические меньшинства, например, на евреев.

Не стоит удивляться, что при подобной предыстории после войны люди коллективно отрекались от дел и чудовищных злодеяний того времени, даже при условии личного неучастия в них. Они точно так же, как и иные неприятные составляющие, вытравились из сознания путем защитного механизма «отрицания». Признание реально произошедших преступлений было бы невыносимо, поскольку это означало бы признание собственной вины. Это значило бы также испытать стыд по отношению к народам, у которых в истории не было подобных эксцессов.

Результатом защиты было, с одной стороны, бегство в активную деятельность по восстановлению разрушенного, с другой — депрессия и фатализм.

Чтобы читатели не решили, будто подобные выводы возникли лишь в головах психоаналитиков, нужно дополнить, что авторы основывают свои выводы на казуистически воспроизведенных анализах людей того времени.

Лично я делаю из ужасающего познания в исследовании предрассудков и из психоаналитического исследования феномена нацизма* два вывода, которые трагически дополняют друг друга, а именно:

1. Склонность людей доверяться чужому управлению, не задаваясь вопросом критически, есть ли основания для выбора данного лица в качестве лидера и

2. Потенциальная готовность людей не только вести себя агрессивно, причиняя вред, оскорбляя и разрушая, но и склонность к жестокому поведению. Передадим по этому поводу слово А. Мичерлиху (1969):

«Жестокость была сильнее любой культуры... Жестокость — это получение удовольствия от результатов мучений.. Ввиду скрытой и нескрываемой жестокости в мире, мы должны признать, что великие духовные учителя и этика человечества потерпели фиаско... Фрейд назвал это «Лицемерием культуры»,. Из научных исследований человеческого поведения мы узнали, что пристрастие к разрушению соответствует нашему инстинкту... Никакое заботливое общество не может снять с нас задачи подавления агрессии. К этому относится преодоление желания мучить более слабых и унижать их... Продуктивное чувство вины (а не только мучительное) может возникнуть прежде всего лишь там, где было искоренено удовольствие от разрушения. Лишь тогда можно освободиться от внезапно подчиняющего себе человека господства этих сил».

При этом правильное воспитание не только облегчает осознание собственной жестокости, но и позволяет избежать ее вредных проявлений. Исследования силы и бессилия показали, что воспитание, в котором доминируют подчинение, избиение, духовная нищета и отсутствие контактов, порождает бесцеремонность и фиксацию на авторитетах.

* Выражение, которое установил программный комитет Интернационального психоаналитического объединения на Гамбургском конгрессе 1985 г.

-303-

С другой стороны, воспитание, в котором чувства получают доступ к своему выражению, а проблемы детей учитываются родителями, приводит к развитию общественного сознания, ответственности и миролюбия (Mantell, 1972); результаты исследований, которые заставляют нас задумываться.

5. Примеры движения за эмансипацию

5.1. Студенческие выступления

Если психоаналитически подойти к этому особенному общественному феномену, то речь тогда снова пойдет о возможных бессознательных составляющих поведения тех, кто с 1968 по приблизительно 1978 гг. участвовал в том, что получило название студенческого движения, культурной революции и университетских волнений. Движение исходило от Социалистического Германского Студенческого Союза (SDS) и внепарламентской оппозиции (APO). Оно воспламенилось как вследствие нежеланных законов, так и из-за гибели во время антишахской демонстрации в Брелине студента Бенно Онезорга. Студенческое движение получило импульсы и от движения хиппи, распространенного по ту сторону Атлантики, и от Парижской весны 1968 г. — майские беспорядки.

Я как очевидец имел отношения со студентами с 1970 по 1971 гг. в Штутгартском университете, с 1972 по 1974 гг.— в наиболее революционно настроенном Свободном Берлинском университете, и с 1974 — во Франкфурте. Я очень хорошо помню время демонстраций, занятий ректоратов, «перманентных» дискуссий, общественных протестов, сидячих, стоячих забастовок в вузах. Вскоре SDS и APO сменили кадровые коммунистические группировки: Коммунистический Союз Западной Германии (KBW), марксисты-ленинисты и другие коммунистические группировки. Непосредственно работая на месте событий, я мог наблюдать ситуацию и имел возможность на личном опыте почувствовать, что это такое, когда воинствующие марксистские группировки бойкотируют лекции.

Отчасти я должен признать правоту протестовавших студентов, поскольку лекционные залы в университетах крупных городов были действительно переполнены. Некоторые университетские структуры закостенели и не отвечали требованиям реальности. Руководство учебных заведений в большинстве случаев было чрезвычайно консервативно и упрямо сохраняло старые, из поколения в поколение передающиеся принципы, поддержанные субординацией. Оно оказалось не в состоянии занять достаточно независимую позицию в отношении к протестующим студентам.

Следствием этого явился всеобщий протест со стороны студентов и общее разочарование в авторитетах («Не доверять никому старше тридцати!»). Студенты видели, что их не воспринимают всерьез и чувствовали себя в большой степени не понятыми в своем желании улучшить мир, а часто и оскорбленными, и недооцененными. В целях противодействия они

объединились в группы и преследовали цель эмансипации, т. е. освобождения от цепей унаследованных отношений. Их требования включали в себя получение самоуправления с соотношением по меньшей мере трети студентов к преподавателям. Путем к достижению этой цели стало активное и пассивное сопротивление. Текущие требования и решительные резолюции сменяли друг друга одно за другим. В конце концов последовало целенаправленное использование силы.

Это было похоже на настоящую гражданскую революцию, на справедливое сопротивление несправедливым отношениям, на здоровый протест против «больных» университетов с их «патогенным», т. е. болезнетворным климатом (MachlerE., 1969). И вместе с тем это были сознательно проводимые и рационально управляемые мероприятия.

Не играли ли, однако, в них определенной роли бессознательные процессы. Мне с самого начала бросалось в глаза, что учащиеся того времени чувствовали себя сильными лишь в группе, смело говорили и фанатично стремились к поставленной цели — изменению господствующих отношений — лишь под защитой других .

Реальные обстоятельства рисовались лишь в черных тонах. Умозрительные воображаемые новые отношения, наоборот, представлялись исключительно в светлых красках. Не кроется ли в этом «черно-белом» делении раскольный экстремизм весьма сложных, более многокрасочных отношений? Такие расколы часто наблюдаются в группах, идеализирующих себя и проклинающих других. Разве у группы не присутствует бессознательное стремление компенсировать собственное чувство неполноценности или недооценки желанием принадлежать к более выдающейся «революционной» группе? Разве не может быть так, что личное чувство опустошенности наполняется политическим содержанием?

-305-

Личный опыт в обращении со студентами и студенческими группами вполне позволяет мне ответить на этот вопрос утвердительно. Я убедился в том, что двусторонние отношения отходили на задний план и предпочтение отдавалось работе в группе. Так, например, учащиеся по социальной педагогике и воспитанию подростков Свободного Берлинского университета в подавляющем большинстве выбрали из двух возможностей — «работа с индивидом» или «работа с группой» — работу с группой. Они избегали отношений с представителями власти и точно так же — боязливо — относились к двусторонним отношениям вообще. Однажды студенты не зашли в помещение, в котором должно было состояться заседание четырех групп самопознания, не зашли лишь потому, что — как им сказали — там находились четыре руководителя этих семинаров. Аффективно взбудораженные групповые дискуссии напоминали мне катартические процессы в терапевтических группах: повышенная активность, иррациональные действия, замещающие и навязчивые действия. Все, даже отдаленно напоминающее о подчинении или зависимости, панически избегалось. Мышление зачастую носило нереальный характер, по форме выглядело очень абстрактным, а по содержанию представляло пересказ прочитанных произведений Маркса и Энгельса и Франкфуртской школы. Когда в те времена я пытался применить к описанным отношениям психоаналитические категории, то большинство активных студентов заявляло, что это ограниченная патологизация и криминализация, в то время как другие

более сдержанные учащиеся скорее склонны были со мной согласиться. Что касается группы, то господствующие в ней фантазии всемогущества и мания величия заставляют задуматься о нерешенных проблемах самооценки, о навязчивом восстании против авторитетов, о неразрешенных эдиповых конфликтах с отцовской фигурой.

Если к этому прибавить выводы, полученные из психоаналитической практики отдельных пациентов того времени, то подозрения на наличие бессознательных невротических процессов еще более усилятся. Отцы учащихся тогдашнего поколения очень часто были участниками войны, не редко — погибшими на фронте. В связи с этим дети, тесно связанные с матерью, испытывали страх по отношению к отцовской фигуре.

Выйдя из процесса собственной социализации с лабильной неустойчивой диспозицией и ориентацией, такие студенты развили повышенную чувствительность по отношению ко всему тому, что исходило от авторитетов. Группа заменяла мать. В группе они желали изменить в лучшую сторону мир, опустошенный отцами.

В этой психоаналитической перспективе общие волнения можно назвать действиями патологическими, а именно, более или менее бессознательными действиями сопротивления по отношению к болезненно переживаемой внутренней психической лабильности и неуверенности в себе, по отношению к желанию отца. Действиями и одновременного освобождения от связи с матерью.

Дистанция во времени дает нам сегодня возможность гораздо спокойнее рассуждать о том, что же разыгралось между восставшими студентами и тогдашними общественными и научными авторитетами. Мой собственный вывод сводится к мысли, гласящей: восставшие студенты словом и делом бросили упрек отцам. Они заявили: «Вы бросили нас на произвол судьбы, вы постоянно совершали ошибки, развязывали войны, эксплуатировали людей!» Здесь можно предположить, основываясь на концепции переноса и контрпереноса в психоанализе, что студенты заняли позицию детей, упрекающих своих профессоров, в которых они видели отцов, в том, что, собственно, было адресовано собственным отцам. Таким образом в действительности упреки относились не к ученым авторитетам, а к отцам.

Этому переносу соответствовал и мой тогдашний контрперенос. В то же время я допускал, что отцы, со своей стороны, отчасти бессознательно вступили в конфликт со студентами, ассоциируя их со своими детьми, выступая в известном смысле в роли Лая по отношению к своему сыну Эдипу; иначе трудно объяснить некоторые достаточно аффектные контрмеры авторитетных лиц.

Несмотря на эти бессознательные составляющие студенческого движения, я не хочу оставлять вне внимания их влияние (в смысле реформы) на зачерствевшую структуру университетских учреждений. Речь идет об эффективном общественном инновационном процессе, через который обновлялись устаревшие социальные порядки и осуществлялись конструктивные перемены, такие, например, как приход демократии на смену авторитарным решениям, приоритет критического мышления вместо некритических предрассудков, появление ответственных политических действий на смену политической апатии, большее участие учащихся в процессе принятия решений вместо пассивного подчинения и большее освещение

принятых решений вместо «возни» за закрытыми дверями.

-307-

5.2. Эмансипация женщины

Я поведу здесь речь прежде всего о возможных бессознательных составляющих, протекающих внутри «женского движения», равно как и между ним и другими сообществами. О значении понятия «женское движение» читателя проинформирует любой справочник*.

Исходная ситуация, как она определяется с социологической точки зрения, на деле требует реформ: женщины в сравнении с мужчинами все еще намного чаще вынуждены довольствоваться выполнением т. н. «низких» (неквалифицированных) работ, получать меньшее жалование и быть более — нежели мужчины — связанными с детьми, несмотря на то, что в 1949 г. в (статья 3, абзац 2) Конституции им предоставлены абсолютно равные права. Поэтому у женского движения есть солидные реальные основания двигаться к поставленной цели — освобождению от зависимости и опеки.

Со всем этим трудно не согласиться и в психоаналитическом смысле, поскольку всякий раз с грустью убеждаешься в том, насколько, не замечая того, женщины все еще подчинены мужчинам.

В студенческой группе самопознания, в которой было семь женщин и один мужчина, сеансы длились три дня, пока женщины с помощью интерпретаций мужчины-руководителя не открыли, что они до сих пор как женщины, пребывали в зависимости от мужчины.

В действительности женщины чаще оказываются пассивными жертвами еще и потому, что очень рано усваивают приоритетность приспособления перед возможностью сопротивляться. Поэтому Урсула Шой была права, когда выбрала для своей книги о раннем детском воспитании провокационное заглавие «Мы не родились девочками — нас ими сделали» (1977). Двигаясь в этом же направлении, Алис Миллер (1975) выбрала не менее провокационное название, намекающее на известную и пресловутую концепцию зависти к пенису — «Маленькое отличие и его большие последствия. Женщины о себе — начало освобождения». В своей книге «Иллюзия женственности или

---

*Женское движение — это специфическое общественно-реформаторское движение женщин, имеющее своей целью добиться равных с мужчинами прав в производстве, образовании и политике. Оно направлено прежде всего против существующих в определенных общественных кругах норм, состоящих в том, что женщина предназначена и должна воспитываться лишь для того, чтобы выйти замуж или заниматься т. н. «женскими профессиями»: сестра милосердия, учительница, детский врач и т. д.

самоосвобождение женщины, эмансипаторная концепция» (1963) Бетти Фридан относит представления о традиционной роли женщины как домохозяйки, к одной из иллюзий, служащей лишь для «повышения сбыта».

В отличие от этой феминистской литературы, книги некоторых психоаналитиков-женщин более сдержаны и специальны; они добиваются большей информации о женской, о страхе перед эмансипацией о влиянии ранних отношений мать-дочь и прежде всего о проблеме женской агрессивности.

То, какую роль играют у мужчин бессознательные процессы в

отношении женского движения, стало ясно мне самому в процессе моей работы в качестве руководителя групп самопознания и личностного роста. В этих группах женщины долго учились признавать и разрушать свои привитые воспитанием страхи перед мужчинами (в переносе на мужчину — руководителя группы и на других мужчин, участников группы). В то же время они прояснили для мужчин тот факт, что значит постоянно жить в мире, где доминирует другой пол, вплоть до языкового прессинга. Выяснилось, например, что во время своих лекций я всегда выбираю мужские грамматические формы такие, как, к примеру, психоаналитик, или пациент. Тем самым мне стало ясно, что значит жить в мире, где все именуется по родовым признакам противоположного пола.

Моему воображению представилось, что значила бы для меня ситуация, в которой я слышал бы лишь: «психоаналитичка», или «пациентка». Посредством идентификации с женщиной у меня появилась возможность понять кое-что из того, что значит для женщины жить в мире, в котором доминируют мужчины.

Ясно, что необходима гигантская разъяснительная работа среди мужчин и в обществе вообще, которая, если и может быть проведена, то лишь вопреки, в частности, мужскому сопротивлению, поскольку нелегко отказываться от наследственных, коренных, воспринимаемых как должное привилегий, поделиться властью и начать относиться к женщинам, как к равноправным партнершам в личном и профессиональном плане.

Однако и со стороны женщин существуют некоторые проявления женского движения, близкие по действию к бессознательным защитным механизмам. Как показывают психоаналитические исследования,

-309-

за отказом от мужчин часто кроются бессознательные импульсы мести. Своим отказом женщины мстят мужчинам за свое вековое притеснение.

Как на лекциях, так и в группах личностного роста — особенно тогда, когда в большую «пленарную группу» собираются четыре, до того раздельно работавшие группы — постоянно приходится слышать, что сейчас наступили времена, когда патриархат заменяется матриархатом, т. е. мужское господство сменяется господством женским.

На плоскости актуальных взаимодействий можно наблюдать, что женщины из разных групп сближаются, объединяются и исключают мужчин. Их признают чужаками, которым нечего делать в женском обществе. Тем самым в духе типичнейшей групподинамической закономерности, идеализируется собственная группа, а «плохой» объявляется группа «чужая».

По большей части женщины объединяются бессознательно, объясняя это тем, что : «Не наша вина, если мы не понимаем друг друга и даже враждуем. Это на совести мужчины, он наш враг». Здесь женщинам следовало бы задаться вопросом, не участвуют ли в их борьбе против мужского господства бессознательные проекции личной агрессивности на мужчину? Я всегда именно так понимал Зигмунда Фрейда и Александра Мичерлиха и в своей психоаналитической практике постоянно находил тому подтверждение — агрессивность говорит во всех нас. Если враждебное отношение женщин к мужчинам или мужчин к женщинам, молодежи по отношению к старикам и наоборот будет нормой — мы ничего не добьемся. В нынешнее время следует обратиться к себе самому, ощутить собственные агрессивные импульсы, обновиться и тем самым сделать отношения более конструктивными.

Я хотел бы сослаться еще на два пункта: 1) на влияние женского движения на воспитание детей и 2) на связанную с этим опасность для ребенка.

Возможное влияние на воспитание

Недостаточно того, чтобы мужчины и женщины имели одинаковые права. Они должны иметь также и равные возможности. Я вовсе не хочу здесь ссылаться на биологические различия между мужчиной и женщиной. Это не входит в задачи психоаналитика. Скорее я хочу со всей осторожностью задать следующий вопрос: разве не существует различий между людьми вообще, а тем самым и между мужчинами и женщинами, или между женщинами и женщинами, мужчинами и мужчинами. Я допускаю, что возможности обусловлены воспитанием. Существуют, конечно, внутренние установки, большей частью нами не осознаваемые, которые заставляют нас, будучи родителями, хвалить дочь, если та играет с куклами и — по меньшей мере — не хвалить, когда она, как мальчик, интересуется машинками. С другой стороны, мы радуемся, когда сын отстаивает себя в противостоянии с другими и поддерживаем это поведение, в то время как подобному поведению дочери не отдаем должного. Вывод из этого таков — сделать эти основные образцы и поведенческие схемы при воспитании сознательными, чтобы предоставить каждому полу развивать свои личные способности по возможности беспрепятственно.

Возможные опасности для ребенка

Другой пункт, о котором я не хочу умалчивать, даже сознавая весь риск быть раскритикованным феминистками,— это возможная в нашем случае опасность для ребенка. Алленбахские исследования показывают, что сейчас женщины видят для себя в получении той или иной профессии большие шансы, чем в браке и семье. Другая часть женщин желает сейчас всего — и детей, и профессии. В основном никто не имеет ничего против. Однако если ребенком жертвуют в угоду профессии, такое положение выглядит весьма сомнительным. Разумеется, нельзя упускать того, что и без женской эмансипации существуют покинутые дети. Однако я вспоминаю многих пациенток, основной жалобой которых было то, что мать пренебрегала ими из-за своей работы. Не всегда происходит именно так, но такое вполне может быть. Важные для этого случая инстинктивные желания, потребности и нужды рассмотрены выше (ср: гл. VI. 3.1.).

Также должно быть ясно, к каким пагубным последствиям может привести недостаток необходимых удовлетворений этих элементарных желаний: к неврозам, психозам, делинквентному поведению, употреблению наркотиков и психосоматическим заболеваниям (ср.:гл. VI. 9). Если высказать предупреждение (в смысле предварительного, своего рода, профилактического заключения), что подобным образом будут порождаться все новые и новые психосоматические нарушения, то тогда нам следует всерьез задаться вопросом, кто отвечает за элементарное обращение с нашими детьми? Мужчины больше не могут полагаться на

-311-

женщин. Женщины же в еще большей степени перестают полагаться на

мужчин. Выходом из этой проблемы становится передача детей частным профессионалам или соответствующим воспитательным учреждениям. «Няня» заботится о ребенке за определенное вознаграждение, пока его родители работают, или же ребенка доставляют утром в детский сад, приют и т.п., а вечером забирают. Конечно, хорошо, что при таких обстоятельствах ребенок может кроме родителей знакомиться и общаться и с другими людьми. Однако, я считаю, что здесь доминируют недостатки, а именно родительская оставленность. Для примера я предоставлю слово одной из пациенток: «Почему моя мать всегда оставляла меня с няней? Я что не была для нее достаточно важна? Работа была важнее меня?» Так что детские сады и приюты не могут считаться решением проблемы.

И мужчины, и женщины должны искать иные пути для того, чтобы предоставить детям необходимое участие. Частичная занятость и для мужчин, и для женщин, уже ставшая сегодня реальностью в привилегированных профессиях учителя, художника, сотрудника со свободным графиком может стать лучшим решением этой проблемы. Иначе цена эмансипации женщин окажется слишком высокой.

5.3. Движение за мир

В то время как многие представители военных кругов полагают, что полное уничтожение ядерных вооружений может привести к международной нестабильности, к кризисам, а при определенных обстоятельствах и к опасности вспышки войны, представители движения за мир придерживаются противоположной точки зрения. Они с озадаченностью, заботой и страхом следят за эскалацией напряженности на востоке и западе. Они не верят в равновесие запугивания или в политику силы. Особенно после т. н. «двойного решения» НАТО и после установки Першинг-2, и наземных ракетных установок движение за мир предприняло все возможное, чтобы вынести на широкое обсуждение проблему политики безопасности, мобилизовать население против установки ракет и любым способом удалить как старые, так и новые средства массового уничтожения. Предложенное со стороны военных кругов число систем носителей и боеголовок было поставлено под сомнение. Блокировались арсеналы американской армии, в ФРГ проводились сидячие демонстрации и акции гражданского неповиновения, в особенности, активность этих акций была велика осенью 1983 года. Рассматривались новые стратегии разоружения, основывались объединения для борьбы с угрозой атомной войны. Многочисленные союзы между отдельными национальными движениями за мир внутри европейского сообщества придавали надежды движению за мир.

Психоаналитики, со своей стороны, выступили в поддержку разумной идеи мирного движения. Они интерпретировали гонку вооружений на основании психоаналитической теории как «иррациональную эскалацию взвинчивания вооружений» и «многосторонние жесты угрозы». Они опасались «безумного обострения международного положения». Психоаналитики из мирного движения опасались «отказа от защитной стратегии» и «прорыва вытесненного конфликтного потенциала» и интерпретировали движение за мир как «необходимую реакцию ... на угрозу насильственного уничтожения человечества».

Многие аналитики присоединились к этим призывам. Другие

организовывали заседания «Мир и война глазами психоанализа» (ср. доклад Пассе и Модена, 1983) и писали на эту тему книги (Рихтер, 1982). Мирное движение получило сильную поддержку от большинства политических сторон. Исходя из высокого политического престижа, движение за мир призвало к «непослушанию с умом», к морально обоснованному протесту и к преднамеренным нарушениям определенных норм закона (Habermas, 1983). Тем самым движение за мир должно было ограничить диктат политиков и юристов там, где правительство, призванное соблюдать государственные законы, на деле нарушает права граждан.

Психоаналитики, политики и философы однозначно заняли пацифистскую позицию. Никто не оспаривает добрую волю этого хорошего дела. Несмотря на это, я хочу здесь, как и при разборе студенческого и женского движений, попытаться проанализировать происходящее с внепартийной, нейтральной позиции. При этом я постараюсь, исходя из полученного мною опыта при анализе бессознательных процессов в больших и малых группах, описать результаты, которые получаются в той или иной позиции.

Что касается международных отношений, то я, как и Зигмунд Фрейд, усматриваю в этом конфликты интересов между государствами, соперничество за лучшее вооружение и психологическое превосходство. В то же время я исхожу из того, что, как это было упомянуто выше (гл. V. 2.1.) «агрессивные наклонности людей не могут быть просто

-313-

уничтожены» (Фрейд, 1933), поскольку объем действующих на нас в раннем возрасте неудач не уменьшается, а со временем только возрастает. В своей вступительной франкфуртской лекции Александр Мичерлих (1969) предостерегал от чересчур легкомысленного восприятия «недостаточного миролюбия» людей и допущения концентрации власти в политике.

Позднее страх, появившийся вследствие экзистентной угрозы из-за возможности ядерной войны, вызвал интерес и ряда других психоаналитиков (1983). Этот страх столь угрожающ, что ведет скорее к политической апатии, чем к усилению активных действий с целью противостоять угрозе. Некоторые психоаналитики усматривают в угрозе самоуничтожения человечества действие сил инстинкта смерти, который толкает людей точно леммингов в море на верную гибель. Многие усматривают в этом и исполнение апокалипсиса в духе исполняющегося пророчества (Mahler E, 1982). Иные в ФРГ делают акцент на Фрейдовской идее враждебного мышления, причем склонны видеть «врага» в Советском Союзе, а «друга» в США: врага, которого нужно победить, и друга, с которым себя слепо идентифицируют и которому подчиняются по «традиции повиновения».

Нетрудно идентифицировать себя с мирным движением и занять его позицию. Я разделяю беспокойство пацифистов, их серьезную озабоченность и тревогу. Я тоже согласен с движением за мир в том, что множество образов врагов является бессознательным процессом, ведущим к искажению образа реальности, и в результате возникает картина, совершенно расходящаяся с реальностью. Однако за этим «да» следует ограничительное «но»: как психоаналитик, я не могу говорить о движении за мир, упуская из виду подозрения в проективном искажении реальности представителями данного движения. Эта догадка становится особенно обоснованной тогда, когда интерпретации психоаналитиков, подвизавшихся в мирном движении, чересчур

отдаляются от реальности, когда, к примеру, видят лишь ошибки США и не замечают ошибок СССР. Как я говорил уже ранее, хотя и по другому поводу (ср.: гл. IX. 3,), предрассудки могут превращаться в мнения, если, прежде чем судить, мы осуществим проверку.

Элементы воображения, играющие роль в нашем представлении, мы можем перепроверить, сравнив фантазию и реальность. Подобное сравнение, конечно, затруднено. Особенно тяжело оценить, что соответствует действительности, а что — нет, из того, что мы ежедневно узнаем о большой и малой политике из средств массовой информации. Лично я чувствую себя в этом отношении полным дилетантом и не отважился бы на психоаналитическую интерпретацию весьма сложных политических процессов без профессиональной поддержки политологов или социологов. Речь здесь идет о системах, взаимно влияющих друг на друга, системах, стремящихся усилить свою власть или, по меньшей мере, ее сохранить. Конечно, следует учесть, что в странах западной демократии в систему власти встроен целый ряд контрольных инстанций, таких, как деление власти на судебную, исполнительную и законодательную, с прессой, радио и телевидением в качестве четвертой власти. Несмотря на это, понять действие этих контрольных систем для непрофессионала очень трудно.

Поэтому я не хочу спешить переносить категории, имеющие отношение к межчеловеческой жизни, например подчинение, к отношениям между США и ФРГ. Прежде чем говорить об образе врага, будь то США или СССР, я бы проверил это в сотрудничестве с политиками и политологами, чтобы реально расценивать политические отношения. Только тогда я бы мог догадываться и предполагать возможные бессознательные многосторонние проекции.

По временам у меня складывается такое впечатление, что стоящие близко к мирному движению психоаналитики не могут договориться, поскольку у них отсутствует профессиональная компетенция в общественных и политических вопросах, они чересчур склонны превышать свои профессиональные полномочия, часто желают сделать вид, что владеют вопросом лучше, чем политики.

Однако будучи психоаналитиками, мы должны научиться в нашей ежедневной работе тому, что, прежде чем у нас появится вообще возможность подумать об интерпретации, нам следует собрать достаточное количество информации. Из работы с малыми и большими группами мы научились тому, что процессы, протекающие в группах, следует прежде всего наблюдать с различных позиций, в различных перспективах, прежде чем мы составим себе о них какое-либо мнение.

Во время дискуссии со студентами, организованной ASTA и Факультетом психологии, я высказал несколько соображений на тему проблематики войны и мира, которые я и хотел бы здесь привести в заключение.

Мир — это не только отсутствие войны, он должен быть определяем и позитивным образом. Наше влияние на это, увы, весьма ограничено:

-315-

мы можем высказываться печатно и устно, непосредственно принимать участие в парламентах и правительствах и информировать о взаимосвязях, открытых той или иной наукой. Психоанализ, со своей стороны, может предложить следующую информацию:

На политические решения могут оказывать воздействие бессознательные эмоциональные процессы. Не исключается опасность эскалации посредством потери контроля из-за раздражения и фрустрации. С другой стороны, возникшее из превосходства угрожающее поведение, может создать мирные отношения. Если я не хочу, чтобы кто-нибудь на меня напал, целесообразно принимать меры предосторожности. Именно такова точка зрения реального политика.

Однако было бы бессмысленным постоянно поддерживать боеготовность, когда у другого нет никаких серьезных намерений нападать. В этом заключены противоречия.

Если все это протекает в очень архаичной плоскости, тогда имеет смысл точка зрения реального политика. Если же, напротив, движение происходит в «зрелой», разумно-управляемой плоскости, то более адекватным будет не продолжать гонку вооружений и не ожидать ежечасного нападения от врага.

Лично я не теряю в этом смысле надежды на то, что межчеловеческие мышление и поступки развиваются в истории от «незрелой» к более «зрелой» ступени развития, тем более что благоразумие всех участников уже возросло, враждебные государства в целях рационирования ресурсов и с целью предотвращения возможного уничтожения других и себя, вынуждены контактировать друг с другом.

Однако не стоит, как и прежде, недооценивать бессознательные процессы зависти и стремления к обладанию, равно как и подавленный страх смерти, который может выражаться не только в фантазиях на тему катастроф, но и в опрометчивых политических действиях. В производстве все более сложных систем вооружения играют роль не только экономические и политические интересы, а, вероятно, еще и более или менее бессознательное наслаждение и удовлетворение властью, приключением, запугиванием, угрозой и даже уничтожением. Я напоминаю об идеях Мичерлиха по поводу жестокости (ср.: гл. IX. 4.).

С другой стороны, страх, бессилие и беспомощность могут легко приводить к превентивной активности под девизом: «Нападение — лучшая защита». Это всеобщая закономерность, которая выражается не только в международных отношениях, но также и в мирном движении.

Я не могу избавиться от ощущения, что подобные процессы при такой активности принимают в этом участие, по меньшей мере, отчасти. Однако подвергнуться воздействию со стороны бессознательных процессов могут не только действия, но и восприятия.

Поэтому очень важно перепроверять существующую опасность, которая заставляет нас испытывать страх на предмет ее реальной обоснованности.

Страх, согласно сигнальной теории страха Фрейда,— осмысленный сигнал. Поэтому страх перед ядерной угрозой — это осмысленный страх, если он заставляет нас вступать в диалог, жестко и открыто вести переговоры, чтобы таким здравым способом прийти к решению проблемы, созданной ядерной угрозой. Наоборот, менее здравым было бы в этой ситуации впасть в панику или, как три известные обезьяны, заткнуть уши, закрыть глаза и молчать.

Психоанализ может быть, со своей профессиональной стороны, особенно полезен тогда, когда речь идет о том, чтобы выявить бессознательные составляющие политических действий. Это преимущественно работает там, где в нашей общественной жизни бессознательные составляющие играют роль в больших группах и между различными группировками. Если мы сделаем

сознательно известным тот факт, в каком объеме мы как просвещенные люди склонны, подобно невротикам, перерабатывать опасности невротически, защищаться, вытеснять, отрекаться и проецировать, мы сможем воспринимать опасность такой, какова она есть, оценивать ее реалистически и действовать соответственно обстановке. Таким образом, обоснование и перспектива состоит в том, что увеличивая знания и расширяя опыт, мы совершаем все необходимое для предотвращения какого-либо конфликта.

-317-

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Новации и гримасы психоаналитической эволюции

Конец XX века во многих отношениях является временем переходным не только в невротизированной общественными бурями и коллизиями России, но и во всем мире. Но в России в особенности. Последнее десятилетие выдвинуло в области гуманитарной мысли ряд таких вопросов, направлений и построений, которые ранее казались навсегда утраченными. Это касается и современного психоанализа, пережившего свое рождение где-то полвека назад в качестве радикального пересмотра устаревших положений метапсихологии Зигмунда Фрейда, а ныне вступающего в новый фазис своего развития. Психоанализ, как в мире, так и в нашем Отечестве, постоянно систематизируется, ищет новые методы, стремится выйти либо из многолетней и в этом смысле печальной роли достаточно аморфного эмпирического искусства, в значительной степени зависящего от индивидуального дара, психологического чутья или вдохновения, либо вообще выкарабкаться из идеологического подполья. Но теперь, опираясь на твердую почву государственной поддержки, хочется надеяться, что недалек тот день, когда психоанализ не просто разовьется (наряду с женской и семейной) в обширную сеть региональных консультаций, но и сделается предметом университетского преподавания. Каким он будет, этот наш отечественный, обласканный государством, психоанализ? Сие есть тайна великая. Сиречь, пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Но если без шуток, то дело действительно потихоньку движется. Кадры врачей-психотерапевтов и психологов аналитической ориентации растут год от года, наметились отдельные сообщества и группы в Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Томске, Твери и других городах. Уже упрочилась репутация ряда специалистов, вокруг которых группируются эти сообщества. В частности, в Петербурге на стенах домов висит множество объявлений, в которых народ в массовом порядке приглашается на курсы психоаналитиков. Появились и скептики, противники и насмешники разного рода — куда уж без них,— уже само появление которых указывает на значительность и важность нового направления. Еще Фрейд отметил это в своем письме к Юнгу: «Каждый раз, когда нас высмеивают, во мне растет уверенность, что мы делаем великое дело». Юнг, впрочем, отвечает: «Чем большую известность получит психоанализ, тем больше профессионально непригодных врачей будут этим заниматься и, естественно, сталкиваться с неудачами. А относить неудачи будут на ваш счет и на счет вашего учения.» Словом, процесс пошел, и многое уже составляет некий исторический фон.

В данном послесловии в мои намерения как раз и входит представить

современный психоанализ как процесс исторический, как процесс становления и развития со всеми его удачами и ушибами, успехами и контузиями. Мы столь долго жили, одержимые мифом прогресса, принимая его за нечто само собой разумеющееся «хорошее», распевая «завтра будет лучше, чем вчера» и считая психоаналитическое основание, оставленное нам нашими великими предшественниками, неколебимым и прочным монолитом, что пора наконец осознать свою одержимость именно как таковую, как психоаналитическую «семейную» небылицу. Более трезвый взгляд на нашу собственную историю может дать и несколько иную картину. Не будем забывать, что не осознающие своей истории, обречены ее повторять...

Итак, название моего наблюдательного пункта: динамика психического и социального. Академическая психология рассматривает психику человека как одиночную структуру, обреченную на лабораторный контекст. В психоанализе мы имеем дело с психологией, по крайней мере, двоих. Но в этой установке на двоих всегда присутствует еще кто-то. То есть, если заглянуть под психоаналитическую кушетку или аналитический стул, то там всегда можно кого-то обнаружить. В анализе мы всегда оказываемся в интерактивном аналитическом поле (сродни «переходной области» Винникота), в котором аналитик преследует извечную задачу поддержания связи между внутренним и внешним мирами, но при одновременной их разъединенности. Всегда остается давление, угрожающее вытолкнуть нас из аналитического поля, и любая сдача позиции угрожает утрате динамического напряжения, которое, собственно, и составляет аналитический процесс как таковой.

Сейчас мы переживаем этап институционализации психоанализа, этап формирования психоаналитических учреждений: учебных и терапевтических.

-319-

И здесь достаточно важно представлять их природу, идеологическую ориентацию и проводимую политику, их способность к динамическому развитию и необходимому изменению, степень их сопротивляемости и косности. Кто-то из западных философов заметил однажды, что «учреждение — это протяженность и тень одного человека». В каком-то смысле все мы вышли из «психоаналитической шинели» Фрейда, хотя каждый при этом сел в свой «синий троллейбус». Великий Фрейд принес в психоанализ основные метафоры XIX века, овладевшие общественным сознанием в веке XX. Гидравлическая и паровая энергии дали нам модели работы мыслительного аппарата; геологические срезы указали на пласты сознания и бессознательного, археология открыла специфику и общность культурного прошлого, антропология — психику первобытного человека. Немецкая философия Канта и Гегеля, Гартмана, Шопенгауэра и Ницше, немецкая нейрофизиология и французская психиатрия дали Фрейду основание для построения психической модели, динамизм которой осуществлялся за счет глубинных подсознательных сил.

Именно история помогает нам увидеть этапы появления изначальной психоаналитической модели,, демонстрируя, как психическая жизнь возникает в мире, концептуализированном языком физики и физиологии, то есть в языковом контексте, созданном Коперником, Галилеем, Ньютоном. А на границе современного психоанализа уже маячит фигура Людвига Витгенштейна...

Наша историческая перспектива позволяет нам признать силу и

настойчивость многих метафор в [развитии современного психоанализа. Здесь и понятие об обратной связи, взятое из кибернетики и гипотеза о лингвистической относительности Сепира-Уорфа, и синергетические констелляции и паттерны, позволяющие личности уникальным для нее образом справляться с хаосом, и многое другое. Что же мы можем добавить, а если необходимо, то и изменить в этих великих поучениях, имея дело с психоаналитическим материалом? Вопрос риторический, но ясно одно: если психоаналитическое обучение будет игнорировать эти и множество других современных проблем, то оно обречено на изоляцию и замкнутость, итогом которых явятся утрата силы и живой справедливости.

В своей одержимости прогрессом люди все время изобретают и совершенствуют инструментарий, способствующий его ходу, его эволюции. И здесь они чем-то напоминают дрожжевые расы, которые незаметно стремятся больше работать на себя, на собственное выживание и самосохранение, перерабатывая, к примеру, сахар в алкоголь. В медицине это выглядит таким образом, что врач, леча больного, старается лечить самого себя. Покупатель мешает продавцу торговать, политик — воевать воину. Организации, находящиеся на пути к институционализации, постепенно, и как правило, становятся менее эффективными в своей работе, порождая недовольство, провоцируя призывы к изменениям и реформам. Развивается внутреннее напряжение между теми, кто составляет «истэблишмент», кто пожинает плоды прав, приобретенных тем или иным учреждением, и реформаторами, стремящимися снова превратить учреждение в более эффективный работоспособный инструмент. В результате такого развития напряжения может наступить кульминационный кризис с тремя последующими возможными результатами. Либо осуществится реформа, либо наступит реакция, либо произойдет уклонение или уход.

Реформа заново инструментализирует учреждение. В случае реакции торжествует истэблишмент. При уходе само учреждение остается, но его функции осуществляются новой инструментальной структурой.

Внутри самого учреждения существует постоянное динамическое напряжение, которое можно обозначить как напряжение между организацией и упорядочиванием. Термин «организация» происходит от слова организм, что означает жизнь, развитие, изменение. Упорядочивание имеет корневое значение «порядок» и преобладает в воинских подразделениях, в церковных иерархиях, некоторых политических сектах, библиотеках и на кладбищах. Реки, леса и озера не упорядочены, а организованы. Пожарная команда или Государственная Дума, напротив, упорядочены. Упорядоченные системы тщательно блюдут иерархию, поскольку призваны сохранять привилегии и власть.

Покойный Уинстон Черчилль говаривал в свое время по поводу бывшего Советского Союза, что, дескать, в этой стране ничего нельзя, а то, что можно, то обязательно... Это полушутливое высказывание видного политика невольно вспоминается в связи с одним из последних событий в отечественном психоанализе. Как известно, психоанализ снова попал в государственный рескрипт: 19 июля 1996 года случился Указ Президента Российской Федерации «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа». Произошла вещь неслыханная: психоанализ сделался вещью обязательной к исполнению... Государство вновь бесцеремонно сунулось — на этот раз с «осчастливывающим» кувшинным (так и хочется сказать) лицом и

закоснеть в выводах. Однажды и вы отметили свойственную мне гиб кость суждений как признак продолжающегося развития.

Под вашими замечаниями относительно терапии я безоговорочно готов подписаться. Мой опыт сходен с вашим, и я по той же причине не рискую публично утверждать больше того, что «дают преимущества моего метода». Я ни в коем случае не берусь утверждать, что излечима любая истерия, не говоря уже обо всем остальном, объединяемом этим словом. Поскольку меня совершенно не интересовал вопрос о частоте положительных результатов лечения, я нередко брался и за такие случаи, которые граничат с психопатологией и с формами бреда (бред наблюдения, эрейтофобия и т.д.), и при этом выяснил, по меньшей мере, то, что одни и те же механизмы действуют и за пределами истерии и неврозов навязчивых состояний. Недоброжелателям бесполезно что-либо объяснять; поэтому кое-что из того, что выходит за рамки терапии и ее механизмов, я предпочел сохранить для себя или представить таким образом, чтобы меня поняли только люди сведущие. От вашего внимания не ускользнет, что случаи положительных результатов лечения достигнуты благодаря фиксации господствующего в бессознательном либидо (перенос), которое особенно большую роль играет при истерии. Оно дает энергию для восприятия и перевода бессознательного; там, где исследователь наталкивается на сопротивление, пациент перестает стараться и не слушает, когда мы излагаем ему найденный нами перевод. Речь, собственнно, идет об исцелении любовью....

Сердечно преданный вам д-р Фрейд

ВАЛЕРИЙ ЗЕЛЕНСКИЙ